УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» являеется историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

ISSN 2413-1741

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791
от 18 мая 2015 года.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 12 от 4 декабря 2016 г.

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»**:

1. ***Непомнящий Андрей Анатольевич*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. ***Манаев Александр Юрьевич*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. ***Герцен Александр Германович*** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. ***Ишин Андрей Вячеславович*** – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. ***Латышева Елена Владимировна*** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. ***Науменко Валерий Евгеньевич*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. ***Петрова Элеонора Борисовна*** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. ***Платонова Надежда Игоревна*** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. ***Романько Олег Валентинович*** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. ***Тихонов Игорь Владимирович*** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. ***Тункина Ирина Владимировна*** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. ***Филимонов Сергей Борисович*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. ***Храпунов Игорь Николаевич*** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. ***Щевелев Сергей Стефанович*** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 70x100 1/16
7,23 усл. п. л. Заказ № НП/36. Тираж 50. Бесплатно.
Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

http://sn-histor.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 3–19.

УДК 930.1+01 (477.75)

РАЗВИТИЕ БИОИСТОРИОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМОВЕДЕНИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail:dr.aan@mail.ru

Проанализировано состояние биоисториографии крымоведения на современном этапе. На примере изданной и редактируемой авторами с 2004 года книжной научной серии «Биобиблиография крымоведения» рассмотрены результаты перспективы изучения биографики крымских деятелей в русле развития историографии крымоведения.

Ключевые слова: крымоведение, книжная серия, биобиблиография крымоведения, историография.

Понятие «образ науки» в последнее десятилетие широко стало употребляться в современном науковедении, которое позволяет синтезировать науковедческий и культурно-исторический подходы в историографии. Намечающийся синтез науковедческого и культурно-исторического подходов знаменует собой пересмотр сциентистской модели историографии и ведет к востребованности заблокированных наработок культурно-исторических школ в регионоведении, в частности, и к реанимации термина «культурные гнезда». Антропологический поворот, который переживает сегодня историческая наука, объективно сказался на формировании единственной на сегодня в Крыму официально зарегистрированной научной школы по историческому крымоведению, которую мне посчастливилось создать и на протяжении уже 15 лет возглавлять.

Советское историческое крымоведение оставило нам обширный багаж путеводителей, сборников местных легенд в литературной обработке, измененных до неузнаваемости, издававшихся с коммерческой целью. Тенденцией поворота к изучению отдельных аспектов родиноведения стали два сборника «Крымские каникулы», появившиеся в 1981 и 1985 годах. Готовившийся в издательстве «Таврия» в конце 80-х третий выпуск такого сборника, к сожалению, так и не был напечатан. Полное отсутствие справочных изданий, исследований по истории изучения Крыма, изучения персоналистики, биографики крымоведения, подготовка библиографических справочников, застывшая на рубеже 1930 года [36; 35], были связаны изначально с разгоном в СССР краеведческого движения, а после – с замалчиванием депортации с полуострова в 1941–1944 годах армян, болгар, крымских греков, крымских татар, немцев. Все исторические построения после 1944 года – освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков – строились на преломлении исторической ретроспективы, удалении из контекста многих сюжетов, персоналий, отчуждения истории изучения полуострова в области краеведения.

В отечественной историографии конца XX – начала XXI века все отчетливее вырисовывается институциональный подход, когда в поле зрения историков

попадают научные сообщества различного типа. В рамках социального подхода рассматриваются их внешние параметры, что являлось определяющим в прежней исследовательской парадигме. Здесь уже более рельефнее обозначается интерес к внутренней социальности науки. При этом проявляется новое проблемное поле с возрастающим вниманием к личности в научном сообществе, в том числе в провинции. На определенном этапе развития историографии фигура провинциала, как и сами региональные сообщества в целом, присутствовали на том этаже исторического знания, которое известно как краеведение. При этом на отдельных поворотах разработки данной проблемы историко-научная и краеведческая традиции при рассмотрении единого объекта исследования оказались разомкнутыми. Сегодня все очевиднее становится стремление к целостному историческому знанию. Прежде всего, это касается преодоления оппозиции «провинция – центр». В связи с этим все далее совершенствуется методология исследований, разрабатываются новые приемы, определяются новые направления разысканий, а все большее количество специалистов обращаются к биоисториографии и ее разновидности – биобиблиографическим штудиям [30].

В настоящее время «квалификационная историография» (по И. Л. Тихонову) зачастую забивает обстоятельные разработки. При этом исследователи упоминаются как абстрактные фигуры, часто путают даже пол историка, если фамилия не указывает на пол определенно. «Квалификационными» их назвали потому, что автор, если можно так сказать, просто ознакомился и «освоил» литературу по проблеме.

Крымоведение к началу 2000-х подошло практически с полным отсутствием трудов по истории науки, исторической библиографии и биоисториографии. Сказывалось отсутствие ретроспективных библиографических указателей, региональных энциклопедий и обобщающих исследований.

На протяжении последних двадцати лет мы по крупицам восстанавливаем многоуровневый мир истории крымоведения. Решению этой задачи было подчинено создание нами в 2004 году научной книжной серии «Биобиблиография крымоведения». На сегодняшний день свет увидели 25 разноплановых выпусков (биобиблиографические пособия, библиографические справочники, монографии с обязательными справочными указателями по проблеме, сборник статей по истории крымоведения). Практически каждый из томов серии по уровню и объему заложенной информации стал событием в научной жизни далеко не только региона, исторической библиографии и историографии. Задуманный для воссоздания неизвестных страниц истории изучения Крыма, данный книжный ряд ставит своей целью восстановление биографий забытых имен подвижников крымоведения и свода их научного наследия с обязательным включением рукописных трудов, которые выявляются в различных архивных хранилищах Российской Федерации и Украины. Сегодня очень немногие исследователи рискуют взяться за нелегкий скрупулезный труд создания библиографических или биобиблиографических справочников, написания обстоятельной аналитической биографии. Ведь здесь необходимы далеко не только терпение, усидчивость и доступность широкого корпуса справочной литературы, но и умение свободно ориентироваться в специальных публикациях, определять наиболее перспективные направления поиска источников, просмотр

огромного количества разнообразной специализированной и популярной литературы. Первые книги серии уже много лет являются библиографической редкостью. Это биобиблиографический указатель «Статистики Таврической губернии (XIX – начало XX века)», подготовленный кандидатом исторических наук Владимиром Витальевичем Бобковым [4] и науковедческая монография, написанная в жанре биографических очерков, «Подвижники крымской этнографии, 1921–1941» [27] доктора исторических наук, доцента кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета Улькеры Казимовны Мусаевой.

В наших изданиях активное обращение к источникам личного происхождения дало возможность посмотреть на ученые сообщества, профессиональные группы в интерьере «историографического быта», выделить некоторые скрытые процессы внутренней социализации науки. Так, при подготовке В. В. Бобковым справочника были привлечены все возможные материалы личного происхождения местных статистиков, предпринята беспрецедентная по сложности работа по разысканию их эпистолярного наследия. Но основой для восстановления биографической канвы подавляющей массы статистиков стали формулярные списки, выявленные им в 27 фондах 7 архивов С.-Петербурга, Симферополя, Одессы. Этот вид исторических источников давно и достаточно эффективно используется для изучения биографий чиновников разного ранга. Благодаря проведенной поисковой работе в научный оборот введены информация о 197 статистиках, работавших в Таврической губернии, и библиография их трудов.

Биоистороиографическая монография У. К. Мусаевой продемонстрировала, насколько интересно проследить, как развивались историко-этнографические исследования в сложную противоречивую эпоху существования Крымской АССР (1921–1945). С одной стороны, тогда наблюдался всплеск краеведческих разработок, с другой – массовые политические репрессии в краеведении, начавшиеся с начала 30-х гг. XX века, и сведение на нет достижений молодой крымской этнографии. Монография У. К. Мусаевой представляет нам уникальный материал для восполнения многочисленных «белых» пятен так и не написанной истории краеведческого движения в Крыму в 20-е годы XX века. Крымоведы – как местные, так и столичные – представлены в галерее очерков-портретов с библиографией: Усеин Абдурефиевич Боданинский, Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, Илья Николаевич Бороздин, Владимир Александрович Гордлевский, Аркадий Карлович Кончевский, Александр Николаевич Самойлович, Евгения Юрьевна Спасская, Виктор Иосифович Филоненко, Полина Яковлевна Чепурина, Якуб Меметович Якуб-Кемаль.

Как и третья книга серии – монография А. А. Непомнящего «Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения» [29], которая посвящена крупнейшей фигуре крымской библиографии, организатору науки и человеку-эпохе в изучении края, – названные первые выпуски серии основаны на скрупулезных архивных разысканиях в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и в последнюю очередь – Симферополя. Заезженный и весьма нерепрезентативный материал местного архива уже неоднократно всплывал в различных формах и вариациях, а мы стараемся избегать повторений. Новизну библиографической эвристики данных

исследований определяло и обилие находок новых публикаций крымоведов на страницах периодической печати Крыма разных лет, которые были впервые введены в научный оборот авторами. Книги содержат значительную по объему, ранее не публиковавшуюся иконографию местных деятелей и крымоведов из академических центров. В монографии об Арсении Маркевиче воссоздан портрет крупнейшего деятеля крымского краеведения, стоявшего на протяжении более 20 лет в центре научных связей местных и столичных крымоведов. Обсуждение этой монографии, развернутое на страницах ведущих научных изданий Российской Федерации и Украины, и поддержка книги ведущими специалистами – как крымоведами, так и библиографами, историографами [3; 8; 22; 23; 28; 38; 40; 42; 49; 50; 51; 52], – показала правильность выбранного нами пути построения не узких биографических конструкций, а комплексных образов развития крымоведения, создания обобщающего портрета сообщества местной интеллектуальной элиты на основе новых источниковедческих корпусов, прежде всего – эпистолярия. В книге представлена биография деятеля на фоне эпохи. Сложные процессы внутри крымоведения – соратники и враги Маркевича, их столкновения, противоречия в развитии исторического крымоведения.

В четвертом выпуске книжной серии «Очерки развития исторического краеведения в Крыму (1954–1991 гг.)» [17] ее автору – кандидату исторических наук Наталии Валериевне Кармазиной удалось впервые в истории крымоведения воссоздать просопографический портрет краеведческого сообщества сложной и противоречивой послевоенной эпохи. Автором дана развернутая характеристика научному наследию по истории края, составлен первый в историографии библиографический свод научного и научно-популярного наследия ученых того периода, восстановлена иконография деятелей той эпохи.

На страницах книг нашей серии начата разработка биографики губернаторского корпуса. Так, исследование кандидата исторических наук Оксаны Витальевны Бобковой посвящено восстановлению жизненного пути Андрея Яковлевича Фабра [5]. Прослежена судьба и вклад в историческое крымоведение екатеринославского губернатора. Впервые были опубликованы его рукописи, связанные с изучением крымских древностей. Книга хорошо вписалась в проблемное поле книжной серии.

Неизвестным страницам истории музейного дела на полуострове на основе нового корпуса архивных источников из Москвы, восстановлению биографии директора Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеина Абдурефиевича Боданинского посвящено новое документальное исследование У. К. Мусаевой [26]. Это первые комплексные очерки, посвященные крупным фигурантам крымской истории, о которых как будто все и знают, а на поверку существовала значительная биографическая лакуна. Меня как создателя книжной серии и редактора этих монографий особенно радует, что наши авторы привлекают, в основном новый неизвестный материал из российских (центральных, периферийных и ведомственных) архивов, активно публикуют тексты документов с полными архивными легендами, что дает возможность анализировать и сравнивать их выводы с источниками, соглашаться, спорить, дискутировать, когда это необходимо. Мы наконец-то отошли от топтания на месте и «пережевывания»

местных симферопольских документальных бумаг, которые на протяжении многих лет отдельные деятели местного краеведения усиленно пытались выдать за собственные «сенсационные архивные находки». Отрадно, что Улькера Кязимовна не остановилась на этом и подготовила обобщающий труд по биоисториографии «Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941)», который увидел свет в 2013 году и стал 21 выпуском книжной серии, а также текстом ее докторской диссертации.

Серьезным прорывом в выявлении и систематизации корпуса тюркоязычных публикаций, касающихся истории и этнографии народов Крыма, политической истории полуострова в различные эпохи, стало научно-справочное издание кандидата исторических наук Эдие Меметовны Кангиевой [16]. Книга, ставшая десятым томом в серии «Биобиблиография крымоведения», включает кроме историографических обзоров крымоведческих публикаций крымскотатарской диаспоры библиографический указатель публикаций периодики диаспоры (3938 позиций) и вспомогательные указатели. Этот первый свод зарубежной крымоведческой литературы сегодня необычайно востребован, о чем свидетельствует спрос на справочное издание Э. М. Кангиевой в центральных крымских и столичных библиотеках.

В многоплановом двухтомном издании «Подвижники крымоведения» [32; 33] были впервые восстановлены списки крымоведческих исследований крупных отечественных ученых (историков и этнографов), в чью творческую сферу на определенном этапе входил Крым, приведен полный свод источников к биографиям этих деятелей, произведен обзор трудов. На основе использования эпистолярных документов восстановлены обширные научные связи Крым – Санкт-Петербург (Ленинград), Крым – Москва, Крым – Киев, показано влияние академических кругов на стабильное развитие крымоведческих исследований. Оба тома содержат уникальный иконографический и иллюстративный материал, большая часть которого выявлена автором в архивах Санкт-Петербурга и Москвы и опубликована впервые. В первой книге подобраны знаковые имена, которые на слуху у всех, однако четкого представления об особенностях участия в процессе изучения прошлого нашего края, сохранившихся архивах, эпистолярном наследии – ни у кого не было. Представлен многоуровневый срез подвижников науки из различных научных центров: Петр Иванович Кёппен (Санкт-Петербург), Василий Христофорович Кондараки (Симферополь, Ялта), Николай Никифорович Мурзакевич (Одесса), Михаил Николаевич Бережков (Нежин), Александр Львович Бертье-Делагард (Ялта), Оттон Фердинандович Ретовский (Феодосия), Владислав Вячеславович Шкорпил (Керчь), Иван Андреевич Линниченко (Одесса), Алексей Николаевич Деревицкий (Одесса, Симферополь), Юлиан Андреевич Кулаковский (Киев), Алексей Васильевич Орешников (Москва), Наталья Дмитриевна Полонская-Василенко (Киев), Александр Федорович Музыченко (Нежин). Также в книге восстановлена история создания и деятельности никому до того времени не известного Украинского общества изучения Крыма и Кавказа, созданного в конце 20-х годов XX века.

Второй том включил анализ деятельности тех крымоведов из различных научных центров, которые занимались изучением тюркских народов Крыма начиная

с начала XIX века и до начала Великой Отечественной войны. Это также представители различных академических центров: Василий Васильевич Григорьев, Илья Николаевич Березин, Николай Иванович Веселовский, Федор Федорович Лашков, Христофор Иванович Кучук-Иоаннесов, Алексей Акимович Олесницкий, Василий Дмитриевич Смирнов, Павел Александрович Фалёв, семья Харузиных, Евгения Юрьевна Спасская, Игнатий Юлианович Крачковский. Заметим, что их крымоведческие наработки никогда не становились объектом специальных исследований и обобщений. Выход сводного тома позволил впервые собрать под одной обложкой именно крымоведов-востоковедов. В приложении опубликованы и выявленные в рукописи, а также напечатанные, но ставшие уже библиографической редкостью труды ученых.

Одиннадцатый выпуск книжной серии составил сборник документов по истории изучения культурного наследия Крыма в 20-е годы XX века, выявленный в фонде Центральных государственных реставрационных мастерских, отложившемся в Центральном муниципальном архиве города Москвы. Прокомментированные и впервые введенные в научный оборот документы предваряют два объемных очерка кандидата исторических наук, директора научно-исследовательского центра крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым Александра Витальевича Хливнюка, который восстановил деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских в Крыму [37].

Тринадцатый выпуск книжной серии обобщил значительный библиографический материал – опубликованное и рукописное наследие Российского общества по изучению Крыма. Это монография кандидата исторических наук Александра Валерьевича Севастьянова «Десять лет на службе крымоведения». Книга включает кроме значительного опубликованного впервые иконографического материала и биографических очерков, вплетенных в историографические эскизы о деятельности Общества, и подготовленный на научной основе библиографический указатель к журналу «Крым», десять номеров которого содержат уникальную информацию о прошлом края [44].

Одним из лучших по научному уровню стал выпуск книжной серии авторства Сергея Викторовича Громенко «Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме» [9]. Автору удалось впервые представить историографический срез не только истории изучения крымских путешественных записок, но и литературы путешествий вообще. Проведенный С. В. Громенко историографический анализ сегодня лежит в основе целого ряда современных публикаций новоявленных «специалистов» по запискам путешествий, которые, видимо случайно, забывают ссылаться на источник информации. В отличие от «исследователей», которые помещают многостраничные переводы различных путешественников с почерпнутыми в интернете краткими справками о них, порой по несколько раз перепечатывая один и тот же материал, С. В. Громенко смог создать просопографический портрет польских вояжеров и продемонстрировать ценность их записок как исторического источника для нынешнего этапа развития крымоведения.

Пятнадцатым выпуском в книжной серии стала наша монография «Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения» [34]. Николай Львович

Эрнст (1889–1956) – человек который внес не менее А. И. Маркевича в организацию и развитие исторической науки на полуострове – первый директор – практически создатель Центрального музея Тавриды, первый заведующий Академической библиотеки Таврического университета, один из организаторов Центрального архива Крыма, крупный археолог и подвижник памятникоохранительной работы, профессор Крымского университета (педагогического института имени товарища М. В. Фрунзе), организатор науки, преемник Арсения Ивановича Маркевича на посту председателя наиболее известного крымоведческого научного общественного объединения – Таврического общества истории, археологии и этнографии. Это далеко не полный перечень деятельности Н. Л. Эрнста.

В истории советского искусствоведения, музейного дела гораздо более известен брат Николая Львовича – Федор (Теодор-Рихард) Людвигович Эрнст (1891–1942) – специалист в области изучения и охраны историко-культурного наследия. Ему посвящены многочисленные статьи в научной периодике, фундаментальная монография Сергея Ивановича Белоконя, диссертационное исследование Светланы Жоржевны Верезомской, масса статей. В этой связи восстановление роли и степени участия Николая Львовича Эрнста в развитии советской исторической науки 20–30-х годов XX века представлялось не просто актуальным, а принципиально важным для воссоздания объективной картины истории крымоведения.

Выявленные нами многочисленные биографические документы Н. Л. Эрнста в различных архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Симферополя и Севастополя позволяют дополнить данные о перипетиях его судьбы, подкрепить или уточнить устоявшиеся сведения. Каждая из найденных бумаг, относящихся к характеристике деятельности такой знаковой для истории изучения Крыма фигуры, как Н. Л. Эрнст, представляет несомненный интерес для истории крымоведения, а введение корпуса этих исторических источников в научный оборот дает возможность объективно восстановить историю исторической науки в Крыму в целом. Это тем более актуально, что небольшой личный фонд исследователя, оформившийся в Государственном архиве Республики Крым уже после смерти Н. Л. Эрнста из документов, переданных Софией Николаевной Олтаржевской (ф. Р-3283), слабо отражает разностороннюю деятельность ее супруга в довоенный период. Среди новых биографических источников прежде всего выделим корпус собственноручно заполненных Н. Л. Эрнстом анкет, отложившихся в фонде «Комиссия “Наука и ее работники в пределах СССР” (1924–1930), Комиссия “Наука и научные работники СССР” (1930–1932), Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (1932–1934)» Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Хронологически пять выявленных там документов охватывают 1926–1933 годы.

Среди разнообразного корпуса исторических источников, которые помогают восстановить историю изучения Крыма, более рельефно ощутить особенности пульсации научной жизни на полуострове в различные эпохи, мы выделяем и активно разрабатываем прежде всего эпистолярное наследие крымоведов. Настоящим открытием для истории науки стали выявленные нами в личном архивном фонде Федора Людвиговича Эрнста в Национальных архивных фондах рукописей

и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики, этнологии имени М. Рыльского письма к нему брата – Николая Львовича. Дело было не атрибутировано: имеет заголовок «Письма Ф. Л. Эрнсту некоего Коли». Сохранившиеся письма Н. Л. Эрнста брату охватывают период с февраля 1921-го по ноябрь 1930 года. Братья – коллеги на поприще изучения и охраны культурного наследия – были дружны.

Совершенно по-новому позволило воссоздать непродолжительное время работы Николая Львовича в Петрограде в 1818 году дело «О службе Н. Л. Эрнста», разысканное в Отделе архивных документов Российской национальной библиотеки.

Значительный корпус документов (автографы), касающихся научной деятельности Н. Л. Эрнста по изучению и охране памятников археологии в различных районах Крыма, выявлен нами в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Это многочисленные отчеты о научных командировках, открытые листы, дневники раскопок, отчеты о произведенных раскопках, описи коллекций и находок.

Неоднозначным с точки зрения объективности в качестве исторического источника является четырехтомное следственное дело Н. Л. Эрнста. Все показания Николая Львовича, полученные (выбитые) следователями, можно условно разделить на два периода. Первый – когда он все еще не понимал фатальности с ним происходящего, надеялся на объективное рассмотрение несуразных заключений экспертов, написанных на его работы, и снятие обвинения в шпионской деятельности. В этот период следствия его показания о времени обучения в Берлине, профессорах Университета Святого Владимира в Киеве М. В. Довнар-Запольском, В. С. Иконникове, Т. Д. Флоринском, директоре университетской библиотеки, выдающемся библиографе В. А. Кордте, профессорах Таврического университета в Симферополе К. Э. Вагнере, Б. И. Воротынском, Р. И. Гельвиге, М. М. Дитериксе правдивы и интересны, наполнены живыми впечатлениями об их научной деятельности. Необыкновенно ценными являются сделанные подследственным в это время меткие характеристики соратников на ниве изучения истории и археологии Крыма как местных, так и из академических центров, его рассказы о конкретных археологических и краеведческих изысканиях в Крыму О.-Н. А. Окчокраклы, А. С. Башкирова, У. А. Боданинского, И. Н. Бороздина, В. В. Бунака, Э. Я. Бэра, К. Э. Гриневича, П. А. Двойченко, А. С. Дойча, Б. С. Жукова, А. А. Захарова, А. И. Маркевича, П. В. Никольского, А. Н. Павловского, С. Ф. Платонова, А. С. Синявского, Д. С. Спиридонова, В. И. Филоненко, Б. В. Чобан-Заде.

Вместе с тем в следственном деле есть и значительная часть страниц, которые невозможно объективно использовать. Это выбитые путем физических и моральных истязаний лживые показания на самого себя и своих коллег, признания в шпионской работе в пользу Германии, оговоры своих наставников. При этом заметим, что Николай Львович до последнего старался привлекать для указания своих «пособников» в шпионской работе лишь уже ушедших из жизни коллег и бывших сослуживцев. Только на последнем этапе следствия совершенно измученный побоями, деморализованный ученый был вынужден назвать несколько фамилий его

коллег. В этой связи в приложении к книге мы поместили четыре протокола допросов Н. Л. Эрнста, чтобы передать всю абсурдность происходящего. Вполне осознанно он дал отрицательную характеристику деятельности в Крыму А. И. Маркевича, преклонный возраст которого, звание члена-корреспондента АН СССР и отъезд из Крыма в то время были своеобразной страховкой от лагерных скитаний. Его показания, направленные против библиографа и известного краеведа Дмитрия Спиридоновича Спиридонова, объясняются позицией последнего при увольнении Н. Л. Эрнста из Центрального музея Крымской АССР в 1937 году. Содержательны показания Николая Львовича, а также материалы следствия о директорах Центрального музея Тавриды конца 20–30-х годов XX века, с которыми Н. Л. Эрнст сотрудничал в качестве заместителя по научной части, – А. И. Коллабук, Л. Н. Невском, В. Г. Опалове, В. И. Советове, С. Н. Чукине. В целом же, значение следственного дела Н. Л. Эрнста весьма велико для характеристики различных сторон его жизни и деятельности.

Целью написания монографии о Н. Л. Эрнсте было не только восстановить жизненный путь конкретного крымоведа. Важно было показать эпоху развития крымоведения 20–30-х годов XX века – время для истории науки слабоизученное. Потянулись, как за ниточку, следственные дела сподвижников Эрнста на музейном, архивном поприще: чиновник Наркомпроса, который занимался непосредственно музеями, а позже сосланный директором Алупкинского дворца-музея, ближайший сподвижник Эрнста Ян Петрович Бирзгал, директор КрымЦентрархива Антон Николаевич Павловский, директора Центрального музея Тавриды Владимир Иванович Советов, Леонид Николаевич Невский. Следственные дела чрезвычайно информативны. Ну и конечно – Ольховый Борис Семенович – заведующий отделом пропаганды ленинизма обкома партии – организатор подготовки крымской энциклопедии, журнала «Литературы и искусства Крыма», издания серии записок путешественников по Крыму. Таким образом, по мнению многочисленных рецензентов книги, получилась монография про эпоху в крымоведении и, прежде всего, в музееведении с новыми именами, новыми фактами [6; 10; 24; 39; 46; 48; 53].

Оригинальными, наполненными неизвестными архивными материалами, неизвестной иконографией стали биоисториографические монографии Виктора Владимировича Акимченкова «“Академия в миниатюре”: Севастопольский музей краеведения (1923–1939)» [1] и «В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940)» [2]. Автором восстановлена деятельность блестящей плеяды музейных работников довоенного Севастополя, которые заложили основы уникальных собраний нынешних музеев города. Разноплановая деятельность Музейного объединения показана на фоне сложных общественно-политических, культурных и межличностных отношений местных деятелей. Исследования опираются на уникальный и обширный пласт материалов местной периодики, в частности многочисленные статьи газеты «Маяк Коммуны». Во второй книге В. В. Акимченков поместил библиографический указатель статей этого печатного органа, посвященных развитию музейного дела и краеведческого движения в регионе. Алфавитный список дополнен предметно-тематическим указателем. Тексты книг сопровождает уникальный фотоматериал, публикуемый впервые.

Среди книг научной серии «Биобиблиография крымоведения» интересной постановкой проблемы выделяется исследование кандидата исторических наук Владимира Витальевича Калиновского «“Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок”: церковное крымоведение (1837–1920)», изданное в 2012 году и ставшее 18 выпуском книжного ряда [14]. На основе привлечения и анализа неизвестных документов из архивов Санкт-Петербурга, Одессы и Симферополя автор раскрыл разноплановую деятельность служителей православной церкви по сохранению и изучению культурного наследия. Впервые восстановлена биографическая канва многих крымских церковников. Особенно ценными в изданных книгах В. В. Акимченкова, В. В. Калиновского, А. В. Севастьянова являются главы, где раскрыта историография рассматриваемой проблемы. Это уже не «квалификационная» и не «фрагментарно-апологетическая» (опять же по И. Л. Тихонову) [47] историография. Наши исследователи досконально разбирают весь пласт литературы, подробно указывая на имеющиеся недоработки, пропуски, ошибки. Да, такой подход у многих, особенно у местечковых «ученых», вызывает раздражение. Но именно такой подход необходим, если мы собираемся выходить на действительно научный академический уровень с нашими книгами. Именно на продолжении линии объективного историографического разбора я буду и в дальнейшем настаивать как основатель и редактор книжной серии. Сегодня уже не могут всерьез рассматриваться так называемые краеведческие «открытия», которые опираются только на провинциальный срез как источников (сохранившихся в Крыму лишь фрагментарно), так и историографии проблемы. Основное внимание необходимо сосредоточить на разработке социально-психологических портретов ученых-крымоведов – внутреннем мире деятелей, их эмоциональной жизни, внутренних коммуникациях. Для этого в основу исследований необходимо положить источники личного происхождения, увы, до настоящего времени все еще мало разработанные, и в первую очередь – эпистолярное наследие.

Весьма удачной в этом плане стала одна из последних наших книг – разработка кандидата исторических наук, научного сотрудника Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского) Дмитрия Анатольевича Ломакина, посвященная истории изучения мусульманских памятников Старого Крыма средневекового периода [21]. В книге впервые опубликован уникальный фотоматериал, удачно сочетаются многоуровневый текст с биографическими справками и иконографией (причем привлечены малоизвестные фото крупных деятелей). Отрадно, что вырисованный автором ряд портретов археологов разных эпох подкреплен анализом их научного творчества, что подчеркивает не только историографическую значимость их трудов, но и перспективу намеченных ими путей исследования в актуальном контексте современной истории науки.

В книжной серии предпринята первая для крымского региона попытка воссоздать историю личных книжных собраний на основе Научной библиотеки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского [15]. Данное книговедческое исследование заместителя директора этой библиотеки Марины Михайловны Калмыковой стало 20-м выпуском книжного ряда. На основе книжных

памятников автор смогла восстановить неизвестные страницы истории создания и первых лет работы Таврического университета.

Последним, 25-м выпуском нашей крымоведческой научной коллекции стал ретроспективный библиографический указатель «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» [31], который выступил вторым томом для появившегося за 14 лет до того справочника, охватившего 1783–1929 года. Томом, продолжающим хронологическую канву и дополняющим (специальный раздел – дополнение) предыдущий указатель. Ценность издания, кроме обобщающего алфавитного свода, в том, что предпринята первая попытка свести воедино и проанализировать наработки по библиографии обозначенного периода от 20-х годов XX века до наших дней. Основным критерием отбора публикаций для внесения в вадемекум стало наличие там информации по истории и этнографии крымских этносов, развитию культуры в Крыму. В справочник включены все выявленные исследования на европейских языках. При подготовке издания была проведена перепроверка «de visu» всех библиографических записей. В сомнительных случаях, то есть при выявлении ошибки и невозможности подтвердить публикацию по другим справочникам, библиографическая позиция нами исключалось. «De visu» были просмотрены все периодические издания, выходившие в Крыму на русском языке с 1921 по 1945 год. Это позволило выявить несколько тысяч публикаций, введение которых в научный оборот позволит исследователям объективно раскрывать различные стороны общественной, национальной, культурной жизни народов Крыма. В указатель включены выявленные нами неизвестные ранее многочисленные рукописи многих крымоведов, разбросанные в десятках фондов архивных хранилищ разных государств, что поможет воссоздать объективную картину творчества многих ученых и значительно расширить представление о крымоведческой наследии эпохи в целом. Изучение личных документов историков-крымоведов, в первую очередь их переписки, значительно дополнило перечни крымоведческих сочинений подвижников науки. Проделанная работа позволила ввести в научный оборот более 8,5 тысяч новых крымоведческих публикаций, не зафиксированных в перечисленных нами выше библиографических пособиях. В указателе впервые вводятся в научный оборот не вошедшие в изданные библиографические списки труды крупнейших ученых-крымоведов: В. Д. Блаватского, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, В. П. Бузескула, О. Ф. Вальдгауера, Г. К. Воблого, В. Ф. Гайдукевича, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, А. С. Коцевалова. Б. А. Куфтина, Е. Э. Лейтнеккера, Н. И. Новосадского, С. Ф. Платонова, Н. Д. Протасова и многих других. Значительно расширено представление о научном наследии местных деятелей истории, археологии, этнографии: Г. Д. Белова, К. Э. Гриневича, П. А. Двойченко, П. Н. Заболоцкого, М. А. Кальвари, А. К. Кончевского, С. Д. Коцюбинского, О. З. Лычагиной, А. Г. Максимовича, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, Л. А. Моисеева, Н. Л. Эрнста и многих других. Первые рецензии на это издание показали правильность выбранного нами подхода [20; 25].

Издания книжной серии «Биобиблиография крымоведения» с большой теплотой встречены научной критикой (неоднократно очерки появлялись и в газетах). Кроме научных рецензий, которые сопровождали выход практически каждой книги, были

опубликованы и обобщающие отзывы о серии целиком [7; 11; 12; 13; 18; 19; 28; 41; 43; 45; 53], что подтверждает актуальность серийного научного издания, непреходящий интерес к проблеме и дает нам мощный стимул для дальнейших разработок.

Список использованных источников и литературы

1. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / под ред. А. А. Непомнящего.– Киев; Симферополь: АнтиквА, 2012.– 120 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 17).

Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skii muzei kraevedeniya (1923–1939) / pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Kiev; Simferopol': AntikvA, 2012.– 120 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 17).

2. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– М.; Симферополь: АнтиквА, 2015.– 244 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskii patriotizm: Sevastopol'skoe muzeinoe ob"edinenie (1928–1940) / pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Moskva; Simferopol': AntikvA, 2015.– 244 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 24).

3. Бездрабко В. В. «Вони приносять смертним сліди відлинулих богів у темряву світової ночі...» або ремінісценції замість рецензії // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь; Керчь, 2006.– Вып. 11.– С. 387–393.

Bezdrabko V. V. «Voni prinosyat' smertnim slidi vidlinulikh bogiv u temryavu svitovoї nochi...» abo reministsentsiї zamist' retsenziї // Bosporskie issledovaniya=Bosporos Studies / Krymskoe otdelenie In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.– Simferopol'; Kerch', 2006.– Vyp. 11.– S. 387–393.

4. Бобков В. В. Статистики Таврической губернии (XIX – начало XX века): биобибл. указ. / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2004.– 304 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 1).

Bobkov V. V. Statistiki Tavricheskoi gubernii (XIX – nachalo KhKh veka): biobibl. ukaz. / pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego; Tavricheskii nats. un-t im. V. I. Vernadskogo.– Simferopol', 2004.– 304 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 1).

5. Бобкова О. М. А. Я. Фабр: портрет администратора на фоне эпохи / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК.– Киев, 2007.– 321 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 8).

Bobkova O. M. A. Ya. Fabr: portret administratora na fone epokhi / pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego; Tsentr pamyatnikovedeniya NAN Ukrainy i UTOPIK.– Kiev, 2007.– 321 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 8).

6. Василюк О. Д. Нове ґрунтовне дослідження про видатного сходознавця // Східний світ.– Київ, 2012.– № 4.– С. 189–191.

Vasilyuk O. D. Nove rruntovne doslidzhennya pro vidatnogo skhodoznavtsya // Skhidnii svit.– Kiïv, 2012.– № 4.– S. 189–191.

7. Гаврилюк Н. О. Вітчизняне кримознавство: Рец. на серію видань «Біобібліографія кримознавства», 2004–2010, вип. 1–12, за ред. проф. А. А. Непомнящого // Археологія.– Київ, 2012.– № 1.– С. 128–135.

Gavrilyuk N. O. Vitchiznyane krimoznavstvo: Rets. na seriyu vidan' «Biobibliografiya krimoznavstva», 2004–2010, vip. 1–12, za red. prof. A. A. Nepomnyashchogo // Arkheologiya.– Kiïv, 2012.– № 1.– S. 128–135.

8. Горбик В. А. Биография с человеческим лицом // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2005.– № 11.– С. 202–204;

Gorbik V. A. Biografiya s chelovecheskim litsom // Istoricheskoe nasledie Kryma.– Simferopol', 2005.– № 11.– S. 202–204;

9. Громенко С. Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: Антиква, 2011.– 304 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 14).

Gromenko S. Stepy, morze i góry: pol'skie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala KhKh veka o Kryme / pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol': Antikva, 2011.– 304 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 14).

10. Дзиговський О. М. Ґрунтовне дослідження з історії кримознавства та бібліотечної справи на Півдні України // Вісник Одеського національного університету. Сер.: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство».– Одеса, 2012.– Т. 17, вип. 2(8).– С. 147–149.

Dzigovs'kii O. M. Ґruntovne doslidzhennya z istorii krimoznavstva ta bibliotechnoї spravi na Pivdni Ukraïni // Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Ser.: «Bibliotekoznavstvo, bibliografoznavstvo, knigoznavstvo».– Odesa, 2012.– T. 17, vip. 2(8).– S. 147–149.

11. Зозуля С. Десять книг унікальної краєзнавчої серії «Біобібліографія кримознавства» // Краєзнавство.– Київ, 2008.– № 1/4.– С. 213–215.

Zozulya S. Desyat' knig unikal'noї kraєznavchoї serii «Biobibliografiya krimoznavstva» // Kraєznavstvo.– Kiïv, 2008.– № 1/4.– S. 213–215.

12. Зозуля С. Ю. Розвиток «Біобібліографії кримознавства» // Праці Центру пам’яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПІК.– Київ, 2014.– Вип. 25.– С. 161–176.

Zozulya S. Yu. Rozvitok «Biobibliografiї krimoznavstva» // Pratsi Tsentru pam’yatkoznavstva: zb. nauk. prats' / NAN Ukraïni; UTOPIK.– Kiïv, 2014.– Vip. 25.– S. 161–176.

13. Іваненко В. В., Кавун М. Е. Биобиблиография крымоведения под ред. А. А. Непомнящего. Вып. 1–14. 2004–2011 // Український історичний журнал.– Київ, 2012.– № 3.– С. 225–227.

Ivanenko V. V., Kavun M. E. Biobibliografiya krymovedeniya pod red. A. A. Nepomnyashchego. Vyp. 1–14. 2004–2011 // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal.– Kiïv, 2012.– № 3.– S. 225–227.

14. Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920) / под ред. А. А. Непомнящего.– Киев; Симферополь: Антиква, 2012.– 340 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 18).

Kalinovskii V. V. «Drevnostei – i zamechatel'nykh, i interesnykh, i krasivykh – nepochatyi ugolok»: tserkovnoe krymovedenie (1837–1920) / pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Kiev; Simferopol': Antikva, 2012.– 340 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 18).

15. Калмыкова М. М. Личные книжные собрания в фондах Научной библиотеки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (1918–1940): к 95-летию основания Таврического университета / под ред. А. А. Непомнящего.– Симферополь: ДИАЙПИ, 2013.– 312 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 20).

Kalmykova M. M. Lichnye knizhnye sobraniya v fondakh Nauchnoi biblioteki Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo (1918–1940): k 95-letiyu osnovaniya Tavricheskogo universiteta / pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol': DIAIPI, 2013.– 312 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 20).

16. Кангиева Э. М. Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / под ред. А. А. Непомнящего.– Киев; Симферополь: СГТ, 2007.– 424 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 10).

Kangieva E. M. Krymovedenie na stranitsakh tyurkoyazychnykh periodicheskikh izdanii krymskotatarskoi diaspory / pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Kiev; Simferopol': SGT, 2007.– 424 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 10).

17. Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / за ред. та вступ. ст. А. А. Непомнящого.– Сімферополь: Таврія, 2005.– 177 с.– (Серія: «Біобібліографія кримознавства»; вип. 4).

Karmazina N. V. Narisi rozvitku istorichnogo kraєznavstva v Krimu (1954–1991 rr.) / za red. ta vstup. st. A. A. Nepomnyashchogo.– Simferopol': Tavriya, 2005.– 177 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krimoznavstva»; vip. 4).

18. Ківшар Т. Їх зараз чотирнадцять, або Розповідь про те, як зробити зразкову книжкову серію // Вісник Книжкової палати.– Київ, 2011.– № 11.– С. 10–14.

Kivshar T. Ïkh zaraz chotirnadtsyat', abo Rozpovid' pro te, yak zrobiti zrazkovu knizhkovu seriyu // Visnik Knizhkovoї palati.– Kiïv, 2011.– № 11.– S. 10–14.

19. Ковалевська О. Персоніфікована історія наукового Криму // Історичний журнал.– Київ, 2008.– № 1.– С. 113–114.

Kovalevs'ka O. Personifikovana istoriya naukovogo Krimu // Istorichnii zhurnal.– Kiïv, 2008.– № 1.– S. 113–114.

20. Леликова Н. К. Весомый вклад в развитие исторического крымоведения // Библиография и книговедение.– М., 2016.– № 2.– С. 107–109.

Lelikova N. K. Vesomyi vklad v razvitie istoricheskogo krymovedeniya // Bibliografiya i knigovedenie.– M., 2016.– № 2.– S. 107–109.

21. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII – XV вв.: история изучения, современное состояние / под ред., всуп. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: Соло-Рич, 2015.– 240 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23).

Lomakin D. A. Musul'manskie pamyatniki Starogo Kryma XIII – XV vv.: istoriya izucheniya, sovremennoe sostoyanie / pod red., vsup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol': Solo-Rich, 2015.– 240 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 23).

22. Матвеева Л. В. [Рецензия] // Східний світ.– Київ, 2006.– № 1.– С. 188–189;

Matveeva L. V. [Retsenziya] // Skhidnii svit.– Kiïv, 2006.– № 1.– S. 188–189;

23. Мельник Н. Арсеній Іванович Маркевич – «кримознавець номер Один» // Бібліотечний вісник.– Київ, 2005.– № 5.– С. 56–57.

Mel'nik N. Arsenii Ivanovich Markevich – «krimoznavets' nomer Odin» // Bibliotechnii visnik.– Kiïv, 2005.– № 5.– S. 56–57.

24. Михайлов В. В., Пученков А. С. [Рецензия] // Клио.– Санкт-Петербург, 2014.– № 9(93).– С. 147–148.

Mikhailov V. V., Puchenkov A. S. [Retsenziya] // Klio.– Sankt-Peterburg, 2014.– № 9(93).– S. 147–148.

25. Могаричев Ю. М. Свод научных знаний о Крыме: новая точка отсчета // Пространство и время.– М., 2015.– № 4.– С. 300–302.

Mogarichev Yu. M. Svod nauchnykh znanii o Kryme: novaya tochka otscheta // Prostranstvo i vremya.– M., 2015.– № 4.– S. 300–302.

26. Мусаева У. К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / отв. ред. А. А. Непомнящий.– Симферополь: СГТ, 2007.– 240 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 9).

Musaeva U. K. Narodnyi uchitel': dokumental'nyi ocherk deyatel'nosti vydayushchegosya krymskotatarskogo prosvetitelya Useina Bodaninskogo / otv. red. A. A. Nepomnyashchii.– Simferopol': SGT, 2007.– 240 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 9).

27. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историогр. очерки / под ред., вступ ст. А. А. Непомнящего; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2004.– 214 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).

Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoi etnografii, 1921–1941: istoriogr. ocherki / pod red., vstup st. A. A. Nepomnyashchego; Tavricheskii nats. un-t im. V. I. Vernadskogo.– Simferopol', 2004.– 214 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 2).

28. Нейжмак А. Достойне поповнення скарбниці кримського краєзнавства // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / Львівська наук. б-ка ім. В. Стефаника.– Львів, 2006.– Вип. 14.– С. 540–543.

Neizhmak A. Dostoine popovnennya skarbnitsi krims'kogo kraєznavstva // Zbirnik prats' Naukovo-doslidnogo tsentru periodiki / L'vivs'ka nauk. b-ka im. V. Stefanika.– L'viv, 2006.– Vip. 14.– S. 540–543.

29. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

Nepomnyashchii A. A. Arsenii Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya.– Simferopol': Biznes-Inform, 2005.– 432 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 3).

30. Непомнящий А. А. Биоисториографические исследования в современном крымоведении: состояние и перспективы развития // Бобкова О. М. А. Я. Фабр: портрет администратора на фоне эпохи / под ред. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК.– Киев, 2007.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Ввып. 8).– С. 5–9.

Nepomnyashchii A. A. Bioistoriograficheskie issledovaniya v sovremennom krymovedenii: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Bobkova O. M. A. Ya. Fabr: portret administratora na fone epokhi / pod red. A. A. Nepomnyashchego; Tsentr pamyatnikovedeniya NAN Ukrainy i UTOPIK.– Kiev, 2007.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vvyp. 8).– S. 5–9.

31. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015а.– 936 с.– (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015a.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

32. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия.– Симферополь, 2006а.– Т. 1.– 324 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 7).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya / Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya.– Simferopol', 2006a.– T. 1.– 324 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 7).

33. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия.– Симферополь, 2008а.– Т. 2: TAURICA ORIENTALIA.– 600 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya / Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya.– Simferopol', 2008a.– T. 2: TAURICA ORIENTALIA.– 600 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 12).

34. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стилос, 2012.– 464 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).

Nepomnyashchii A. A. Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya.– Kiev: Stilos, 2012.– 464 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).

35. Непомнящий А. А. Рукописный библиографический текст в крымоведческих исследованиях: малоизвестный информационный источник // Электронное научное издание Альманах Пространство и время.– М., 2015.– Т. 10, вып. 1: Пространство и время текста.– Стационарный сетевой адрес: 2227–9490e–aprovr_e-ast10-1.2015.42.

Nepomnyashchii A. A. Rukopisnyi bibliograficheskii tekst v krymovedcheskikh issledovaniyakh: maloizvestnyi informatsionnyi istochnik // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i vremya.– M., 2015.– T. 10, vyp. 1: Prostranstvo i vremya teksta.– Statsionarnyi setevoi adres: 2227–9490e–aprovr_e-ast10-1.2015.42.

36. Непомнящий А. А. Страницы истории библиографии крымоведческой библиографии // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / Российская нац. б-ка.– СПб., 2006.– Вып. 10.– С. 138–149.

Nepomnyashchii A. A. Stranitsy istorii bibliografii krymovedcheskoi bibliografii // Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sb. nauch. tr. / Rossiiskaya nats. b-ka.– SPb., 2006.– Vyp. 10.– S. 138–149.

37. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: СГТ, 2008.– 240 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR: issledovaniya i dokumenty / avt.-sost. A. V. Khlivnyuk; pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol': SGT, 2008.– 240 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 11).

38. Пінчук Ю., Горак В. Життєвий і творчий шлях А. І. Маркевича в контексті історії кримського краєзнавства // Історичний журнал.– Київ, 2005.– № 5.– С. 124–125.

Pinchuk Yu., Gorak V. Zhittєvii i tvorchii shlyakh A. I. Markevicha v konteksti istoriї krims'kogo kraєznavstva // Istorichnii zhurnal.– Kiïv, 2005.– № 5.– S. 124–125.

39. Пінчук Ю. Історія кримознавства крізь життя професора Миколи Ернста // Київська старовина.– Київ, 2012.– № 5/6.– С. 214–216.

Pinchuk Yu. Istoriya krimoznavstva kriz' zhittya profesora Mikoli Ernsta // Kiïvs'ka starovina.– Kiïv, 2012.– № 5/6.– S. 214–216.

40. Пучков А. Науковий життєпис Арсенія Маркевича // Мова та історія.– Київ, 2005.– Вип. 84.– С. 162–166.

Puchkov A. Naukovii zhittєpis Arseniya Markevicha // Mova ta istoriya.– Kiïv, 2005.– Vip. 84.– S. 162–166.

41. Пучков А. А. «Биобиблиография крымоведения»: Многовекторье одной безбрежной темы // Питання історії науки і техніки.– Київ, 2008.– № 1.– С. 53–60.

Puchkov A. A. «Biobibliografiya krymovedeniya»: Mnogovektor'e odnoi bezbrezhnoi temy // Pitannya istorii nauki i tekhniki.– Kiïv, 2008.– № 1.– S. 53–60.

42. Пучков А. А. Бытоописание А. И. Маркевича в русле истории крымоведения // Библиография.– Москва, 2006.– № 6.– С. 64–67;

Puchkov A. A. Bytoopisanie A. I. Markevicha v rusle istorii krymovedeniya // Bibliografiya.– Moskva, 2006.– № 6.– S. 64–67;

43. Севастьянов О. «Біобібліографія кримознавства» долає нові висоти // Краєзнавство.– Київ, 2012.– № 4.– С. 206–208.

Sevast'yanov O. «Biobibliografiya krimoznavstva» dolaє novi visoti // Kraєznavstvo.– Kiïv, 2012.– № 4.– S. 206–208.

44. Севастьянов А. В. Десять лет на службе крымоведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / под ред. А. А. Непомнящего.– Симферополь, 2010.– 256 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 13).

Sevast'yanov A. V. Desyat' let na sluzhbe krymovedeniya: Rossiiskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol', 2010.– 256 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 13).

45. Севастьянов А. В. Крымский вектор отечественной историографии: фундаментальность традиций и новаторство перспектив: книжная серия «Биобиблиография крымоведения» // Пространство и время.– М., 2014.– № 2.– С. 303–306, ил.

Sevast'yanov A. V. Krymskii vektor otechestvennoi istoriografii: fundamental'nost' traditsii i novatorstvo perspektiv: knizhnaya seriya «Biobibliografiya krymovedeniya» // Prostranstvo i vremya.– M., 2014.– № 2.– S. 303–306, il.

46. Сминтина О. В. Портрет кримського краєзнавця перших радянських десятиріч // Праці Центру пам’яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; Українське т-во охорони пам’яток історії та культури.– Київ, 2012.– Вип. 22.– С. 315–318;

Smintina O. V. Portret krims'kogo kraєznavtsya pershikh radyans'kikh desyatirich // Pratsi Tsentru pam’yatkoznavstva: zb. nauk. prats' / NAN Ukraïni; Ukraïns'ke t-vo okhoroni pam’yatok istoriï ta kul'turi.– Kiïv, 2012.– Vip. 22.– S. 315–318;

47. Тихонов И. Л. «Историография» или «история науки»?: о современных исследованиях по истории археологии // История археологии: личности и школы: матер. Международной науч. конф. к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки / ИИМК РАН; отв. ред. Н. И. Платонова.– СПб.: Нестор-История, 2011.– С. 41–54.

Tikhonov I. L. «Istoriografiya» ili «istoriya nauki»?: o sovremennykh issledovaniyakh po istorii arkheologii // Istoriya arkheologii: lichnosti i shkoly: mater. Mezhdunarodnoi nauch. konf. k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Khvoiki / IIMK RAN; otv. red. N. I. Platonova.– SpB.: Nestor-Istoriya, 2011.– S. 41–54.

48. Тункіна І. Відкриваючи невідомі сторінки історії кримознавства // Краєзнавство.– Київ, 2012.– № 3.– С. 203–205.

Tunkina I. Vidkrivayuchi nevidomi storinki istoriï krimoznavstva // Kraєznavstvo.– Kiïv, 2012.– № 3.– S. 203–205.

49. Фокеев В. А. Классику-крымоведу посвящается // Мир библиографии.– М., 2006.– № 1.– С. 89–90.

Fokeev V. A. Klassiku-krymovedu posvyashchaetsya // Mir bibliografii.– M., 2006.– № 1.– S. 89–90.

50. Хмарський В. М. Шлях історика на тлі доби // Записки історичного факультету / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2006.– Вип. 17: Присвячується ювілею професора кафедри нової та новітньої історії, доктора історичних наук Дмитра Павловича Урсу.– С. 418–422.

Khmars'kii V. M. Shlyakh istorika na tli dobi // Zapiski istorichnogo fakul'tetu / Odes'kii nats. un-t im. I. I. Mechnikova.– Odesa, 2006.– Vip. 17: Prisvyachuєt'sya yuvileyu profesora kafedri novoï ta novitn'oï istoriï, doktora istorichnikh nauk Dmitra Pavlovicha Ursu.– S. 418–422.

51. Швидько Г. К. Кримознавство і наш край // Історія і культура Придніпров’я: Невідомі та маловідомі сторінки: Науковий щорічник.– Дніпропетровськ, 2006.– С. 231–233.

Shvid'ko G. K. Krimoznavstvo i nash krai // Istoriya i kul'tura Pridniprov’ya: Nevidomi ta malovidomi storinki: Naukovii shchorichnik.– Dnipropetrovs'k, 2006.– S. 231–233.

52. Шичко С. «Оторвавшись от ветки родимой…» // Нёман.– Минск, 2010.– № 11.– С. 218–221.

Shichko S. «Otorvavshis' ot vetki rodimoi…» // Neman.– Minsk, 2010.– № 11.– S. 218–221.

53. Gavrilyk N. [Рецензия] // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.– Leiden, 2014.– Vol. 20, issue 2.– P. 262–265.

Gavrilyk N. [Retsenziya] // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.– Leiden, 2014.– Vol. 20, issue 2.– R. 262–265.

Nepomnyaschy A. A. Biohistoriography in modern Crimean local-history studies: condition, achievements, perspectives.

The paper provides analysis of the contemporary state of Crimean local-history studies. It states that book scientific series «The biographical bibliography of Crimean local-history studies», provided and reviewed by the author, makes possible to take into consideration the results and perspectives of the biographical investigations of Crimean personalities. This is important aspect in the development of Crimean local-history historiography.

Keywords: Crimean local-history studies, book scientific series «The biographical bibliography of Crimean local-history studies», historiography.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 20–33.

УДК 913 (477.7)

СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В «ПУТЕШЕСТВИИ ПО КРЫМУ: ЮЖНЫЙ БЕРЕГ» (1892 Г.) ЛУИ ДЕ СУДАКА (ЛУИ АЛЕКСИСА БЕРТРЕНА)

Петрова Э. Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru

Луи Алексис Бертрен (Луи де Судак; 1852–1918) – французский, турецкий и испанский вице-консул в Феодосии, значительную часть жизни проживший в Крыму (в Феодосии и Судаке); писатель. Его перу принадлежит серия очерков о Крыме и книга «Путешествие по Крыму: Южный берег», опубликованная в Париже в 1892 г. Эти произведения позволяют увидеть Россию и Крым глазами иностранца. Значительная часть книги посвящена Севастополю и его округе, при этом основное внимание автора сосредоточено на событиях Крымской войны и описании её многочисленных примет в городе русской славы.

Ключевые слова*:* путешественники по Крыму XIX века, Луи де Судак (Луи Алексис Бертрен), Крымская война, осада Севастополя.

Луи Алексис Бертрен, писавший свои художественные и публицистические произведения под псевдонимом Луи де Судак, – француз, проживший в Крыму почти три десятилетия и своими трудами сохранивший для нас часть исторического прошлого полуострова.

Жизнь и творчество Луи Бертрена фактически не исследовались в научной литературе – ни в исторической, ни в литературоведческой. По сути дела можно говорить лишь о двух работах, ему посвящённых: это некролог, составленный В. Д. Гейманом, знавшим Бертрена и высоко ценившим его литературные труды, и краткая заметка о Бертрене Г. И. Беднарчика, переводчика, впервые издавшего несколько произведений Луи де Судака на русском языке [4; 18].

Луи Алексис Бертрен родился в 1852 г. (21 января, если следовать рукописи В. П. Купченко [7, с. 56])[1] в алжирском городе Оране, в семье инженера Алексиса Бертрена, который «по своей специальности избороздил многие области Европы и Африки, и в 50-х годах находился на службе в Оране» [4, с. 167][2]. Там-то и родился его сын Луи. Жизнь в Алжире была не из лёгких. Отцовских гонораров не хватало, и матери Луи приходилось добывать «в суровых условиях тамошней жизни средства уроками музыки». Возможно, поэтому Алексис Бертрен постарался при возможности покинуть Северную Африку и перебрался в Крым, в Феодосию, «на постройку задуманной французской ж<елезной> дороги» [4, с. 167]. Он входил в число главных инженеров-французов.

---

[1] На той надгробной плите, которую можно видеть сегодня на старом христианском кладбище Феодосии, дата другая – 28 февраля 1852 г. Эта плита не первичная; оригинальное надгробие было случайно разбито в 1980-х гг., на его месте поместили другое и, по-видимому, с ошибочной датой рождения Луи Бертрена.

[2] В. Д. Гейман в некрологе не уточнил день и месяц рождения Бертрена, а год рождения дал, скорее всего, ошибочно – 1851-й.

В Феодосии Бертрены оставались три года (1859–1861) – ровно столько, сколько велись работы по подготовке к прокладыванию железной дороги. Но сама дорога по разным причинам, в первую очередь финансовым, так и не была построена[1]. Алексис Бертрен оказался в сложном финансовом положении. В 1861 г. семья вернулась во Францию. На родине Луи обучается в муниципальной коллегии по классическому отделению, осваивая философию и литературу. Затем отбывает воинскую повинность – «в самых отдалённых интендантских лагерях, на границе Алжира и Сахары» [4, с. 167–168].

Ещё до окончательного переезда в Россию Луи Бертрен бывал в Крыму, что следует из его же слов: в 1883 г. он видел остатки царского дворца в Ореанде после пожара, случившегося в 1881-м. [21, p. 143].

Около 1887 г. (так сказано у В. Д. Геймана) Луи переезжает из Франции в Одессу, где даёт частные уроки французского языка и литературы. Скорее всего, переезд в Россию был обусловлен необходимостью добывать средства к жизни. Но была и другая, возможно, более важная причина: он хотел быть ближе к престарелому отцу, который незадолго до приезда Луи в Одессу вернулся в ранее облюбованную им Феодосию. Здесь Алексис Бертрен женился во второй раз, его супругой стала княгиня Александра Захаровна Херхеулидзе (? –1896).

В самом начале 1890-х гг. Луи перебрался к отцу, жившему в имении жены, находившемуся недалеко от Судака, оно называлось «Новый Свет». Луи жил здесь до смерти отца. Алексиса Бертрена не стало в 1892 г.

С Александрой Захаровной Херхеулидзе Луи Бертрен был дружен, относился к ней с большим уважением. Ей посвятил своё «Путешествие по Крыму: Южный берег» и в посвящении назвал своей второй мамой. Александра Захаровна была дочерью генерал-майора князя Захара Семёновича Херхеулидзе (Херхеулидзева; 1797[8] – 1856), имя которого вошло в историю Крыма первой половины XIX в.[2], и Лидии Григорьевны Кушниковой. Александра – одна из трёх дочерей Захара Семёновича – жила в отцовском имении «Новый Свет», после замужества – с супругом, Алексисом Бертреном.

Луи Бертрен полюбил и Судак, и «Новый Свет». О Судаке писал: «очаровательное место, надолго покорившее меня» [18, с. 10]. В имении княгини Херхеулидзе он придумывает для себя литературный псевдоним – Луи де Судак. В 1892 г. – в год смерти Алексиса Бертрена – из печати вышла его книга «Путешествие по Крыму: Южный берег». Следовательно, Луи Бертрен работал над ней, живя в «Новом Свете».

После смерти отца сорокалетний Луи Алексис Бертрен переезжает в Феодосию, которую должен был помнить с детства. В биографическом справочнике В. П. Купченко [8, № 641] отмечается, что Луи Бертрен был в Феодосии вице-консулом Франции (с 1910 г.), затем консулом Франции, Турции и Испании.

В Крыму он обзавёлся хозяйством. Его имя значится в списке садовладельцев Судакской, Айсавской и Таракташской долин [19, с. 295–296]. Район Судака славился

[1] Железнодорожная ветка Джанкой – Феодосия вошла в строй только в 1892 г.

[2] О З. С. Херхеулидзе см.: [2, с. 23–28; 5, с. 145; 6, с. 278 (имен. указ.); 16; 19, с. 568 (имен. указ.); 20, с. 668 (имен. указ.)].

в первую очередь виноградниками. В районе Судака было много имений с садами и виноградниками, среди них и поместье Луи Бертрена.

Бертрен сразу стал заметной фигурой в феодосийском обществе и играл в его жизни значительную роль – и как общественный деятель, и как литератор. Здесь у него было много знакомых, в том числе людей образованных, интеллигентных, с которыми можно было говорить на любимые темы: о литературе, истории, искусстве. В особенности привлекали некоторые события из истории Крыма, и им Луи де Судак посвящал свои произведения. Но главным собеседником, советчиком и просто другом был Людвик Петрович Колли.

Людвик Колли́ (1849–28.12.1917 [10.01.1918]) родом из швейцарского Фрайбурга, на родине получил философское и юридическое образование. Он прибыл в Феодосию в 1879 г. и в течение трёх десятилетий преподавал французский язык в её мужской и женской гимназиях. Друживший с ним Арсений Иванович Маркевич, председатель Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК), писал: «живой, остроумный, всегда изящный, жизнерадостный, Людвик Петрович пользовался симпатиями как сослуживцев, так и общества» [9, с. 209]. Хорошо образованный, страстно увлечённый историческим прошлым Крыма, путешествиями по полуострову, Колли был принят в члены Одесского общества истории и древностей и Таврической учёной архивной комиссии. С 1900 г. и до конца жизни он исполнял должность хранителя Феодосийского музея древностей – старейшего на юге России, первого археологического музея в Крыму. Он был основан ещё в 1811 г. по инициативе феодосийского градоначальника С. М. Броневского; с 1871 г. располагался в красивом здании на горе Митридат, возведённом на средства И. К. Айвазовского[1].

Людвик Петрович любил Крым, Феодосию, к России относился как к своей второй родине, прекрасно знал русский язык. В письме к А. И. Маркевичу от 2 декабря 1903 г. признавался: «Да, я до сих пор иностранец, швейцарец по рождению, но люблю Россию и буду ей предан до смерти» [9, с. 212. См. также: 13; 14].

Колли и Бертрена многое связывало: они были ровесниками, в близкое время поселились в Феодосии, понимали и поддерживали друг друга. Кстати сказать, Бертрен, как и Колли, был членом ТУАК [15, с. 246].

Знавший их обоих уроженец Феодосии, доктор медицинских наук И. М. Саркизов-Серазини в своих «Воспоминаниях о Феодосии» (1932 г.) писал: «Странна судьба обоих иностранцев, занесённых к стенам древней Кафы. Казалось, вся молодая энергия и деятельность одного и другого были поставлены под серьёзную угрозу сонной и тихой Феодосии допортового периода. Перед каждым из них вставала дилемма – вступить на путь, по которому катилась жизнь чиновной феодосийской интеллигенции: сытно поесть, сладко поспать, поиграть в картишки… но романтика прошлого столицы средиземноморской культуры в Тавриде покорила воображение швейцарца и француза. И тот, и другой с большим рвением отдаются изучению края и ставшего для них родным городишка». И далее: «Бертрен жил в

[1]В годы Великой Отечественный войны это здание погибло; сейчас музей находится в центре города, в здании бывшей гостиницы «Генуэзской», рядом с Феодосийской картинной галереей им. И. К. Айвазовского.

небольшом двухэтажном домишке, недалеко от католической церкви, подле сквера»[1]; он «переименовывает себя в Луи-де-Судака и как бы скрепляет этим свою судьбу с судьбой новой родины… Луи Бертрена знала вся Феодосия. Он очень напоминал внешностью Ги де Мопассана. Высокий, несколько полноватый, он был аккуратным посетителем всех концертов, благотворительных гуляний»; «В нём сказывался человек большой культуры и утончённого интеллекта». И в заключение: «Таковы были оба друга старой Феодосии, такова была сила романтики её прошлого» [17, с. 104–105].

В XIX – начале XX в. Феодосия в культурном отношении была городом примечательным, её посещали знаменитости, множество путешественников. Привлекали море и красивые пейзажи, средневековые памятники – руины генуэзских стен и башен, культовые постройки. Гордостью любивших свой город феодосийцев были Музей древностей и картинная галерея И. К. Айвазовского, куда часто приходил и подолгу беседовал с маэстро об искусстве Людвик Колли, надо полагать, с ним был его друг – Луи Бертрен, который также прекрасно знал великого мариниста. Неслучайно в своём очерке о Феодосии он заметил: «говорить об этом человеке в этом городе – это всё равно, что говорить о Боге в церкви: здесь есть бульвар, улица и фонтан его имени. Без сомнения, в будущем появятся его памятник и статуи, но зная очень хорошо его характер, высоко уважая его талант, я бы хотел, чтобы это произошло как можно позже» [22, p. 23].

Своего рода местным культурным центром была гимназия, в особенности в годы заведования ею В. К. Виноградова (1843–1894), даровитого педагога, литератора, автора книги «Феодосия: исторический очерк» [11; 12]. Педагоги были людьми просвещёнными, некоторые слыли заядлыми краеведами. Всех их, конечно, знал Луи Бертрен.

Живя в Феодосии в таком окружении, Бертрен, человек начитанный, натура увлекающаяся, с головой ушёл в исторические исследования и литературные занятия.

Он слыл необыкновенно трудолюбивым человеком, много писал и тщательно обрабатывал свои сочинения – эти его качества особенно отмечал В. Д. Гейман. Помимо того, Бертрен был корреспондентом от Феодосии в зарубежных изданиях – в частности в газетах «Le Temps» (Франция), «Revue universelle» (Швейцария) [4, с. 170]. За литературные заслуги его наградили российским орденом Св. Станислава 3-й степени, французским «Officier d'academie» и турецким «Меджидие» 2-й степени [4, с. 170, прим. 1].

Гейман пишет: «В Бертрене, кроме литературного деятеля-историка, поэта и философа, мы имели также артиста и художника, счастливо сочетавшего в себе это разнообразие способностей и талантов» [4, с. 170]. Данную характеристику следует дополнить: он был хорошо образован, знал и любил литературу, в особенности французскую, в своих сочинениях обращался к мыслям и персонажам произведений писателей, бывших его современниками или предшественниками.

Луи Бертрен долго жил вдали от родины, но любил её и никогда не забывал. В 1906 г. в Феодосии в пользу жертв наводнения во Франции прошёл спектакль, поставленный по его непубликованной пьесе «Неизвестный» («L'inconnu»). И

[1] В рукописи В. П. Купченко значится: «1903 (год. – *Э. П.*): Греческая ул., д. 4» [8, № 641].

наверняка Бертрен был рад тому, что его «Путешествие по Крыму…» было рекомендовано министром народного просвещения Франции для чтения во всех французских школах [4, с. 169]. В своих произведениях Бертрен всегда оставался французом и на стороне Франции – вне зависимости от того, права она или нет. Это особенно прослеживается в его «Путешествии по Крыму…», где много места уделено событиям Крымской войны 1853–1856 гг., он искренне радуется победам антироссийской коалиции, хотя и не скрывает своего уважения к таланту российских военачальников. Более того, здесь же признаётся в своей любви к России [21, p. VI].

В особенности близкой стала ему Феодосия, «богатая своими славными страницами» [18, с. 135]. По расположению жилых построек и окружающих гор она напоминала ему Неаполь, и он называл её Неаполем в миниатюре, «одним из самых грациозных провинциальных городов России» [18, с. 141, 138]. Город вытянулся в форме полумесяца вдоль моря, пишет он, и уже взбирается на окружающие его холмы; утопающая в зелени его главная улица – Итальянская (ныне ул. Горького) – выходит на «маленькую кокетливую площадь с красивой бронзовой статуей благодетеля Феодосии Александра III и маленьким окружённым тополями фонтаном в мавританском стиле» [18, с. 138, 139]. Но более всего примечательна Феодосия, по мнению Бертрена, своими жителями разных национальностей и культур.

Последние годы жизни Луи Алексиса Бертрена были омрачены событиями на международной арене и в России. Он обсуждал их с людьми, близкими по духу. Конечно же, с Людвиком Колли, который тяжело переживал за Россию в годы Первой мировой войны и Октябрьской революции [3, с. 215; 9, с. 212–213].

В. Д. Гейман отметил примечательный факт: Бертрен, «предвидя возможность открытия военных действий между Францией и Турцией, послал турецкому послу в Петроград свой отказ от звания консула. Французское же консульство им было временно закрыто в день германской оккупации, когда он исполнял фактически обязанности представителя нейтральной Испании»; и ещё: «Как курьёз, можно отметить, что в день бомбардировки Феодосии крейсером “Гамидие” 16 октября 1914 г. один из немногих удачных снарядов попал как раз в квартиру этого турецкого консула Л. Бертрена, но, к счастью, всё ограничилось страхом и беспокойством, т. к. снаряд не разорвался» [4, с. 168, прим. 2].

В конце жизни Луи Бертрен болел. Умер он 29 сентября 1918 г. Похоронен на феодосийском христианском кладбище – ныне мемориальном. Незадолго до этого он наверняка тяжело пережил смерть Людвика Петровича Колли. Ушли в небытие колоссы крымоведения XIX – начала XX столетия…

О литературном творчестве Луи де Судака (Луи Бертрена). В своё время его произведения пользовались популярностью. Все они написаны по-французски. Некоторые издавались неоднократно. Бертрен писал для широкого читательского круга, его произведения знали в Европе и в России, где французский язык был широко распространён в образованных кругах. Но основная масса читателей всё же была во Франции. И сочинения Бертрена, имеющие отношение к России, Крыму, в первую очередь были обращены к его соотечественникам. Именно им автор давал советы, куда съездить, что посмотреть, на что в Крыму обратить внимание. Очевидно то, что он никогда не забывал покинутую им родину. Живя в Крыму, бывал в Европе,

во Франции, где издавалось большинство его произведений. Несколько сочинений вышло в Швейцарии; ещё были переводы на итальянский.

Как писатель Бертрен многогранен, в его творчестве представлены разные жанры.

Романы: «Vocation de Valentin» (Paris, 1885. «Призвание Валентина»), «Lalionned'Odessa» (Paris, 1886. «Одесская львица»), «Emmanuel de Galilee» (Paris, 1887. «Эммануэль из Галилеи»), «Etapessanglantes» (Paris, 1900. «Кровавые этапы»), «Tartarinfils en Russie» (Paris, 1905. «Сын Тартарена в России»); философский роман «De la science a la religion» (Paris, 1911. «От науки к религии»). Повесть: «L'amour d'un clown» (Paris, 1888. «Любовь клоуна»). Новеллы: «Saint-Sepulcre» (Revue bleue. Paris, 1903. T. 20. «Гроб Господень»); «Djevahir. Nouvelle crimeenne» (Revue de Suisse. Lausanne, 1905. T. 38. «Джеваир. Крымская новелла»). Среди очерков – «Lesintellectuels en Russie» (Revue Suisse. Lausanne, 1908. № 148. «Интеллигенция в России»).

Романы Бертрена выходили в основном в издательстве «Кальманн-Лéви» («Calmann-Lévy») – старейшем (оно было основано в 1836 г.) и крупнейшем во Франции, в нём печатались произведения Бальзака, Жорж Санд, Гюго, Дюма, Флобера, Ренана, Франса и иных выдающихся мастеров слова.

Другие направление творчества Луи Бертрена – публицистика. Она посвящена Крыму, представленному в целой серии произведений: книге «Путешествие по Крыму: Южный берег» и очерках, также в основном освещающих его поездки по полуострову.

Первые сочинения Бертрена на русском языке вышли из печати только в 2004 г.: в книге «Французы в Крыму» в качестве приложения были опубликованы его «Путешествие по мёртвым городам Крыма» и «Графиня де Ламотт-Валуа. Её смерть в Крыму» в переводе Г. И. Беднарчика [1]. В 2014 г. вышла книга с его же переводами на русский язык четырёх публицистических произведений Луи Бертрена [18, с. 9–221]: «Героиня процесса "ожерелье королевы". Её пребывание в России. Её смерть в Крыму», «Неизвестные уголки Крыма», «Императорские резиденции в Крыму» и уже ранее опубликованное «Путешествие по мёртвым городам Крыма». Первые два произведения из вышедших в 2014 г. связаны между собой тематически – это очерки-расследования. Другие два посвящены путешествиям автора в Ялту, Ливадию и Бахчисарай, осуществлённым в 1894 г.

До сих пор остаются неопубликованными в русском переводе его сочинения «Путешествие по Крыму: Южный берег» и «Морской порт Феодосия» [21, 22].

Обратимся к первому из них. Путешествия Луи Алексиса Бертрена по Крымскому полуострову состоялись отнюдь не вскоре после вхождения Крыма в состав России, но более чем через сотню лет после этого судьбоносного для Крыма и для России события. Он видел Крым уже не таким, каким его видели и представили на страницах своих путевых записок российские и зарубежные вояжёры в конце XVIII – первой половине XIX в. Тогда (особенно в начале этого периода) ещё в более или менее хорошей сохранности пребывали памятники античного и средневекового времени, старые города сохраняли свой восточный колорит, вновь основанные города только начинали свою историю, на побережье было много свободного

пространства, Крым ещё не превратился в курорт со всеми его последствиями, население было довольно редкое, ещё не построили железные дороги, большие порты. Разумеется, описание такого Крыма в сочинениях ранних путешественников представляет ценность для науки.

После разрушительной Крымской войны полуостров возрождался долго, и многое изменилось в его жизни. Естественно, те, кто описывал свои впечатления, путешествуя по Крыму во второй половине XIX – начале XX в., видели его другим. Он стал более европеизированным, не столь экзотичным, потерявшим немалую часть своих сокровищ – памятников старины. Но ведь история не бывает более интересной и менее интересной, каждому времени свойственен свой колорит, каждая эпоха органически вписывается в исторический процесс, неразрывно связана с прошлым и будущим. И для нас сегодня мемуарная литература второй половины XIX – начала XX в. с её живыми свидетельствами о Крыме того времени представляет не меньшую ценность, чем «путешествия» более ранние. В ней отражены разные стороны жизни Крыма и России: экономика, политика, быт, духовный мир наших не очень далёких предков.

Произведения Луи Бертрена, посвящённые Крыму, – это памятники словесности, в то же время это источник по истории и культуре Крыма конца XIX – начала XX в. с яркими этнографическими зарисовками, деталями быта и, что особенно важно (так как о Крыме этого времени мы знаем всё-таки больше, чем о его жизни, скажем, в конце XVIII – первой половине XIX в.), это взгляд на Россию и часть её – Крым – иностранца, хотя и долго жившего в Крыму и явно позитивно настроенного по отношению к стране, принявшей его. Тем не менее воспитание и образование он получил во Франции, имел там родственников и друзей да и любил свою родину. Немаловажно и то, что и сам Бертрен был частью истории Феодосии, Крыма.

«Путешествие по Крыму: Южный берег» опубликовано в Париже в 1892 г. Луи Бертрен приступил к написанию этой довольно большой книги вскоре после вояжа по крымскому Южнобережью. В предисловии он выражает благодарность своему другу Л. П. Колли, который в течение всего путешествия был рядом и при необходимости оказывал помощь.

Путешествие началось с прибытия Бертрена из Одессы в Евпаторию морем – на пароходе «Пушкин». Дальнейший маршрут был таким: Севастополь и его окрестности (Георгиевский монастырь, мыс Парфенион, Инкерман, Балаклава) – Ялта – Ливадия – Ореанда – Алупка – Ливадия – Ялта – Гурзуф – Алушта. Из Алушты – в Симферополь (оттуда – в Бахчисарай). Судя по описанию, вояж состоялся летом или 1890 г., или, что скорее, 1891 г.[1]

Из текста повествования следует, что некоторые места (Евпаторию, Севастополь) Бертрен посещал уже не в первый раз.

Эта книга – свидетельство любознательности и образованности автора, его интереса к истории и современности, к природе и к людям. Из прочитанного ему на

[1] Луи Бертрен говорил, что в Херсонесе видел руины храма с языческими и христианскими колоннами [21, p. 61]. По-видимому, этот храм – так называемая базилика на холме, раскапывавшаяся в 1890 г. Следовательно, путешествие Бертрена состоялось не ранее этого года.

память приходят строки из Гомера, Страбона, Плутарха, привлекают внимание руины средневековых построек, облик посещённых им городов и селений Крыма.

В рассказах о Евпатории, Севастополе и его округе картины мирной жизни перемежаются с трагическими событиями Крымской войны; война захватывает его целиком, к ней он возвращается вновь и вновь, как будто забывая обо всём другом, достойном описания. Глубокие переживания автора передаются читателю. И только красота и умиротворённость Южнобережья от Алупки до Алушты отвлекает Бертрена от грустных мыслей, повествование становится более светлым и оптимистичным. Тёплые мирные будни берут верх над кровавыми схватками в осенне-зимнюю непогоду.

Книга Луи Бертрена – это страстный призыв к народам и государствам прекратить чуждое самой природе человеческой кровопролитие. «Я спрашиваю себя: ради чего были все эти страдания, эти страшные агонии, этот героизм, ради чего было пролито столько крови? Чего мы добивались? Свободы навигации в устье Дуная, отмены русского протектората на Чёрном море, защиты христиан Порты. Чего добились? Почти ничего. Вместе с тем я убеждаю себя в том, что это трагическое столкновение имело и другие последствия, настолько великие и общечеловеческие, что на их фоне все самые удачные параграфы дипломатических договоров выглядят чем-то мелким и незначительным. Сражаясь бок о бок под пулями, рискуя своими жизнями, мужик и его барин познали чувство равенства, которое, начиная с этого времени, прочно вошло в их сознание, укрепилось, вылилось в либеральное движение и привело к освобождению от рабства… Кроме того эта многомесячная война столкнула представителей разных рас, между которыми … возникли разного рода симпатии друг к другу. Таким образом, внезапно французский солдат стал закадычным другом своего вчерашнего врага… Вот что Провидение вывело своими вечными чернилами на полях всех этих договоров, многие пункты которых так и остались мёртвой буквой»[1] [21, p. 116–118].

Чувствуется стремление автора к объективности. Он не пытается скрыть то, что ему не понравилось или оставило равнодушным. Природа полуострова восхищала, она описана красочно и с удовольствием. А впечатления о крымских городах двояки: что-то нравилось, что-то – нет. В отличие от многих других путешественников XIX в., Бертрена зачастую оставляли равнодушным архитектурные памятники эпохи средневековья, он не видел в них ничего особенного, возможно, сопоставляя с теми, что украшали города Западной Европы. Не всегда нравились и постройки нового времени. Всё кажется ему простеньким, очень провинциальным. Возможно, он был целиком поглощён мыслями о событиях той страшной войны, что оставила так много памяти по себе.

Во время остановки в Евпатории наш путешественник не вышел на берег, но решил описать город по своему более раннему о нём впечатлению. Рассказ он начинает с истории, но не всегда точен. Основателем Евпатории ошибочно называет Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора (что, впрочем, было обычным в литературе XIX в.). Описывая события 5 (17) февраля 1855 г. – штурм Евпатории (в которой засели турецко-татарский гарнизон и французы) русскими восками, Бертрен

[1] Все цитаты из книги Луи де Судака даны в переводе Г. И. Беднарчика.

вместо генерала С. А. Хрулёва, возглавившего операцию, ошибочно называет генерала Д. Е. Остен-Сакена. Сами же события представляет с позиции сочувствующего врагам России («И всё же победа осталась за нами», а русские вынуждены были отступить) и переживает за пролитую «французскую кровь», впрочем, не отрицает того, что русские проявили «чудеса смелости и героизма» [21, p. 17–18]. Он отдаёт дань и тем, и другим.

В Севастополе наш путник останавливается в гостинице «Гранд-отель». Здесь, в легендарном Севастополе, все мысли француза вращаются вокруг событий Крымской войны, и один из разделов книги он называет «Воспоминания об осаде».

В Севастополе Бертрен бывал несколько лет назад и теперь замечает произошедшие в нём изменения. «Город освобождается от руин», – констатирует автор, вспоминая, что при более раннем посещении Севастополя он видел главную улицу города – Екатерининскую[1] – «мрачной, пыльной… окаймлённой развалинами»; теперь же «перед нами раскрывается панорама обновленного красочного города, стыдливо маскирующего свои развалины, гордого тем, что, несмотря на все несчастья, выпавшие на его долю, он выглядит таким сильным и в то же время таким приветливым» [21, p. 26, 23]. Бертрен убеждён в том, что «ни Нахимов, ни Севастополь не повержены, как это было принято считать» [21, p. 27]. И всё-таки руин ещё много, и их красочно, но с горечью описывает Бертрен. Раны, нанесённые полуострову в ту войну, оказались слишком глубокими, чтобы их можно было залечить за короткое время.

Большое впечатление произвели на француза военные корабли в бухте, и он довольно подробно рассказывает об «этих совершенных военных машинах» с «имперским орлом» на носах, обращая особое внимание на их орудийное оснащение [21, p. 23–25]. Это был его личный интерес или желание уведомить соотечественников (на всякий случай) о набирающей силу морской державе? Возможно, и то, и другое.

В Севастопольском военно-историческом музее, посвящённом обороне города 1854–1855 гг. (ныне Музей Черноморского флота Российской Федерации), наш автор не нашёл «ничего особо привлекательного» [21, p. 27]. (Сейчас в фондах музея хранится свыше 30 тысяч экспонатов, и он пользуется заслуженным вниманием посетителей.)

При достижении Исторического бульвара у Бертрена, восхищенного панорамой, открывающейся с высоты кургана, «возникает видение» в виде «трагических событий истории».

Перед его мысленным взором два укреплённых лагеря…

В Камышовой бухте «стоит французский флот под командованием адмирала Брюа. Для французов Камышовая бухта – это открытая дверь во Францию; именно сюда поступает вооружение для победы, продовольствие, чтобы не умереть с голода, и новости для поддержания духа. Но “Камышовка“ – это ещё и притон для целой своры мелких поставщиков, ненасытных паразитов, как хищные птицы, обожающих войну. Отсюда с трудом различаешь черты городка, выстроенного этими хищниками:

[1] С 1921 г. и до настоящего времени – ул. Ленина. (В Севастополе таблички на домах представляют и старые, и современные наименования улиц.)

несколько бараков и выделяющееся на фоне синего моря белое пятно палаток»; этими палатками, похожими зимой на снежные конусы, усеяно «пространство километров десять в диаметре»; а по мере приближения к городу – «земля, ничего, кроме земли, изрытой, перевёрнутой, просеянной, скученной в насыпь, порезанной на траншеи, продырявленной ядрами, выдолбленной для устройства закрытых проходов»; на самых высоких холмах – несколько бастионов, наблюдательный пункт французского генерального штаба и укреплённые позиции англичан; «Мёртвая, угрожающая тишина висит над всем лагерем союзников» [21, p. 30–32].

А что видится французу Бертрену на стороне наших, русских? «Передо мной раскрывается панорама прекрасно защищённого Севастополя. Длинная оборонительная стена Карантинной бухты, Четвёртый, или Мачтовый, бастион вместе с Центральным бастионом похожи на укреплённые островки… Окраины пустынны, город вымер. Некоторое движение наблюдается лишь в районе бухты, там, где расположены арсеналы»; в порту стоят «несколько уснувших кораблей: это всё, что осталось от русского флота, затопленного с целью защиты рейда от эскадры союзников» [21, p. 32–33].

И люди…

«Я размышляю об этих военачальниках, на которых давит груз ответственности за такое количество человеческих жизней, думаю о монархах, назначающих этих командующих, о Боге, который благословляет монархов на войну»; «Я думаю о нашем маршале Сент-Арно, обо всех его достоинствах, кроме одного недостатка: нежелании вовремя расстаться со слишком тяжёлым для этого человека жезлом главнокомандующего; думаю о раненном при Ватерлоо, важном и учтивом лорде Раглане, больше дипломате, чем командующим армией»; «о высокомерном и заносчивом Меншикове, не умеющим льстить вышестоящим, о Меншикове, который полагал, что, отдав нам Севастополь… он поступил как истинный стратег и патриот. С особым восхищением я думаю о Корнилове и Нахимове… Думаю об инженере Тотлебене, возвышенной душе обороны Севастополя. И всё же в моём сердце теплится надежда. Я говорю себе, что у нас тоже есть Канробер, Ниель, Лурмель и Пелиссье, им всё-таки удастся одержать верх и что они будут милосердны к своим великим побеждённым» [21, p. 34–35].

Луи Бертрен, по присущему ему великодушию и объективности ради, – за тех и за других. Он видит и достоинства, и недостатки тех, кому поручили нападать, и тех, кому довелось защищать свою Родину, свой народ. Восхищаясь Корниловым, Нахимовым (чего стоят его слова: «Не знаю почему, но я просто обожаю этого Нахимова», «Я сравниваю этого человека с героями Плутарха!»), Тотлебеном, он надеется, что победители проявят милосердие по отношению к «великим побеждённым», которых автор называет «нашими (т. е. французов. – *Э. П.*) благородными противниками» [21, p. 34, 35, 44, 103]. Великие, благородные, но… противники. (А вот Людвик Петрович Колли так никогда не сказал бы…)

Нельзя не отдать должное писательскому таланту Бертрена. Он как будто выступает свидетелем страшных событий – 349-дневной осады Севастополя, погружает читателя в самую гущу событий и делает это настолько реалистично и с таким душевным волнением, что эта драма давно прошедших времён кажется

разворачивающейся сейчас, сегодня, прямо на наших глазах. Могут ли оставить кого-либо равнодушным такие строки: «Воздух, прочерченный ядрами, бомбами и ракетами, свистит, шипит, трещит, завывает, ржёт и мычит. Страшный шум, в котором смешались крики животных, людей и всего на свете. Это можно сравнить с разбушевавшимся проливным потоком между небом и землей, который захватывает, ударяет, разбивает, дробит железные снаряды, постоянно выплёвывая этот гремящий град. Под этим потоком земля вскипает, как вода»; «Несмотря на грохот перестрелки, перекрывая непрекращающиеся разрывы, слышны сигналы к атаке, звуки горнов, бешеное “ура” и жалобные, разрывающие сердце, крики в темноте. К кому обращены эти мучительные мольбы? Может быть, к нашей милой Франции или к их дорогой России… Да, в общем, всё равно!» [21, p. 35–36, 39].

Луи Бертрен был хорошо осведомлён о событиях Крымской войны, читал о ней, в том числе мемуары (французов, англичан, не исключено, что и русских), видел акварели, литографии шотландца Уильяма Симпсона, не понаслышке знавшего об этой войне (впрочем, наблюдал её со стороны наших противников и их же в основном изображал), произведения других живописцев. Также, возможно, ему доводилось беседовать во Франции и в России с кем-то из участников тех далёких военных лет. К этим знаниям, полученным из разных источников, нужно добавить воображение человека мыслящего, имевшего некоторый опыт в военном деле (он ведь проходил военную службу), наконец, художественно одарённого.

А что переживали при осаде «Трои» XIX века, как стали называть Севастополь уже во время Крымской войны (а саму войну – «Троянской», осаду Севастополя – «Илиадой»), её участники-французы? Они тоже гордились своими воинами, называли их героями, погибших считали павшими за Родину (спрашивается: за какую родину?); впрочем, отдавали должное храбрости, мужеству и упорству защитников Севастополя («Русские дрались как львы»; «Русские защищали каждую пядь земли; уже безоружные, он дрались кулаками и зубами»; «… мы поняли, что война с русскими – не шутка») и в конце концов приходили к пониманию того, что война несёт лишь страдания и смерть: «Можно признать, что все наши жертвы… были брошены безрезультатно» [10, с. 174, 175, 272, 304]. Вот, например, что увидел по взятии Севастополя союзными войсками протестантский священник Анри Луазьон: «Как выглядит город! Что стало за шесть месяцев с прекрасным Севастополем!»; «они (французы. – *Э. П.*) не оставили ничего, кроме голых камней»; «Глубокая тишина царила там, где некогда был Севастополь»; «Пройти по улицам невозможно» [10, с. 179–180]. Становится ясно, почему так долго возрождался город. Только через три с лишним десятилетия он, словно феникс, восстал из пепла.

Страшное видение, представившееся Луи Бертрену, смягчается продолжившейся прогулкой по Севастополю – с его «величественным зданием морской библиотеки», «грациозным зданием Офицерского собрания», памятником Александру Ивановичу Казарскому, Мичманским бульваром, собором св. Владимира, церковью Петра и Павла, красивыми центральными улицами – Екатерининской, Морской, Нахимова, но также с «простыми домиками окраин» [21, p. 41 etc.].

Посещение Владимирского собора на Центральном городском холме побуждает автора отдать дань покоившимся в нём героям: адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, «основателю Черноморского флота»; вице-адмиралу Владимиру Алексеевичу Корнилову, «одному из активнейших организаторов обороны»; контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину, «блестящему, образованному, милому, как само его имя»; адмиралу Павлу Степановичу Нахимову, «морскому волку», «герою, рождающему героев не словами, а своими поступками» [21, p. 43–45].

Печально повествование Бертрена о французском кладбище, что по дороге на Балаклаву [21, p. 80–85]. Здесь его охватывают чувства гордости за соотечественников и благодарности по отношению к тем, кто нашёл последний покой на чужбине; Бертрен называет их своими «братьями-героями», «рабочими победы». Его переживания мы, конечно, можем понять, но только разумом – никак не сердцем. Из всех союзников в Крымской войне французов погибло больше всего – около 96 тысяч (турок – около 35 тысяч, англичан – 23 тысячи, итальянцев – более 2 тысяч. Впрочем, в литературе о Крымской войне цифры разнятся). А Россия потеряла 153 тысячи своих солдат и офицеров – почти в три раза больше, чем все её противники вместе взятые…

Теперь этого кладбища, устроенного в 1860-х гг. по инициативе французского правительства, уже нет. А Бертрен описал его довольно подробно и отметил, что оно «выглядит вполне прилично», «аллеи содержатся в чистоте, деревья ухожены».

В Инкерман он прибывает из Севастополя на ялике [21, p. 94–101]. И, «поспешив к печально известным Инкерманским высотам», идёт по полю, где 24 октября (5 ноября) 1854 г. произошло самое кровопролитное сражение в ходе Крымской войны. Он думает о матерях Франции, «которые в своих ночных и дневных кошмарах постоянно видели этот забытый уголок земли, эту страшную скотобойню». Жаль, что Бертрен не вспомнил о матерях защитников Севастополя… А ведь наших тогда пало намного больше, чем англичан и французов.

Но вот внимание путешественника отвлекает «пещерный город». Остатки средневековой крепости Каламиты не произвели на него особенного впечатления, больше, кажется, понравился «целый монастырский пещерный городок, состоящий из бесчисленных келий, коридоров, лестниц и часовен». Однако война следует за ним неотступно: в скальной церкви Бертрен обнаруживает снаряд тех уже далёких времён.

Впечатления о Балаклаве завершают повествование об окрестностях Севастополя [21, p. 101–107]. Этот городок «имеет славные страницы в своих исторических анналах», – пишет Бертрен. Но его облик слишком прост: «одна улица и несколько купален, наспех сооружённых у берега моря». А вот гавань необыкновенна: живописный «горный цирк» внезапно укрощает дикое море, превращая его в похожее на сапфир «голубое прозрачное озеро». И тут же: «где-то здесь была пришвартована прогулочная яхта лорда Кардигана», любителя отдыха и развлечений, в то время как недалеко отсюда «старик Реглан мёрз со своими солдатами на холоде среди пуль и снарядов».

Кажется, что мысли о войне неотступно преследовали нашего путешественника и не давали ему сполна насладиться тем, что так привлекало и восхищало буквально

всех бывавших в этих местах: природой и живописными руинами памятников далёкого прошлого. Странное дело: остатки генуэзской крепости Чембало, что на вершине горы, у входа в Балаклавскую бухту, ему показались неинтересными – как, кстати, и крепости Каламиты в Инкермане. А ведь Бертрен так любил историю…

Список использованных источников и литературы

1. Бертрен Луи Алексис (Луи де Судак). Сочинения по истории Крыма // Французы в Крыму. Симферополь: б. и., 2004. Кн. 1. С. 183–208.

Bertren Lui Aleksis (Lui de Sudak). Sochineniya po istorii Kryma // Frantsuzy v Krymu. Simferopol': b. i., 2004. Kn. 1. S. 183–208.

2. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: БФ «Деметра», 1999. 160 с.

Borovkova V. N. Kollektsionery i torgovtsy kerchenskimi drevnostyami. Kerch': BF «Demetra», 1999. 160 s.

3. Гейман В. Д. Памяти учителя: о последних днях Л. П. Колли // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 215–217.

Geyman V. D. Pamyati uchitelya: o poslednikh dnyakh L. P. Kolli // ITUAK. Simferopol', 1918. № 55. S. 215–217.

4. Гейман В. Д. Луи Бертрен: некролог // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56. С. 167–170.

Geyman V. D. Lui Bertren: nekrolog // ITUAK. Simferopol', 1919. № 56. S. 167–170.

5. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 312 с.

Zakharova O. Yu. Svetleyshiy knyaz' M. S. Vorontsov. Simferopol': Biznes-Inform, 2004. 312 s.

6. Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову 1828–1837 гг.: из собрания ГИМ / сост. А. К. Афанасьев. М.: Новый хронограф, 2015. 280 с.

Kaznacheev A. I. Partikulyarnye pis'ma grafu M. S. Vorontsovu 1828–1837 gg.: iz sobraniya GIM / sost. A. K. Afanas'ev. M.: Novyy khronograf, 2015. 280 s.

7. Купченко В. П. Киммерийский некрополь: кладбища Юго-восточного Крыма (рукопись) // Фонды Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина. 1976–1978. 56 с.

Kupchenko V. P. Kimmeriyskiy nekropol': kladbishcha Yugo-vostochnogo Kryma (rukopis') // Fondy Feodosiyskogo literaturno-memorial'nogo muzeya A. S. Grina. 1976–1978. 56 s.

8. Купченко В. П. Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова: 1783 – первая треть XX в. Опыт биографического справочника (рукопись) // Архив Издат. дома «Коктебель» (Феодосия). 251 с.

Kupchenko V. P. Kto byl kto v Feodosii i Feodosiyskom uezde, vklyuchaya gostey poluostrova: 1783 – pervaya tret' XX v. Opyt biograficheskogo spravochnika (rukopis') // Arkhiv Izdat. doma «Koktebel'» (Feodosiya). 251 s.

9. Маркевич А. И. Памяти Людвика Петровича Колли // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 208–214.

Markevich A. I. Pamyati Lyudvika Petrovicha Kolli // ITUAK. Simferopol', 1918. № 55. S. 208–214.

10. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса / 2-е изд. Симферополь: СГТ, 2010. 480 с.

Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) voyna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa / 2-e izd. Simferopol': SGT, 2010. 480 s.

11. Петрова Э. Б. В. К. Виноградов: хранитель «правды, истины и сердечности» // Пилигримы Крыма: сб. науч. статей и материалов. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 1 (6). С. 67–83.

Petrova E. B. V. K. Vinogradov: khranitel' «pravdy, istiny i serdechnosti» // Piligrimy Kryma: sb. nauch. statey i materialov. Simferopol': Krymskiy arkhiv, 2003. Vyp. 1 (6). S. 67–83.

12. Петрова Э. Б. Василий Ксенофонтович Виноградов: 160 лет со дня рождения // Русские в истории Тавриды: материалы науч.-практ. конф. Симферополь: ООО ПЦ «Московский мост», 2003. С. 63–75.

Petrova E. B. Vasiliy Ksenofontovich Vinogradov: 160 let so dnya rozhdeniya // Russkie v istorii Tavridy: materialy nauch.-prakt. konf. Simferopol': OOO PTs «Moskovskiy most», 2003. S. 63–75.

13. Петрова Э. Б. Колли Людвик Петрович // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: биоблиографический справочник. Киев: Болеро, 2011. С. 49–55.

Petrova E. B. Kolli Lyudvik Petrovich // Sotrudniki Feodosiyskogo muzeya drevnostey – deyateli nauki i kul'tury: biobliograficheskiy spravochnik. Kiev: Bolero, 2011. S. 49–55.

14. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и её округи в начале XX века: к 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли // История и археология Крыма: сб. ст., посв. памяти А. Е. Пуздровского / Ин-тут археологии Крыма РАН. Симферополь: Изд-во тип. «АРЕАЛ», 2015. Вып. 2. С. 488–510.

Petrova E. B. Feodosiyskiy muzey drevnostey i okhrana pamyatnikov Feodosii i ee okrugi v nachale XX veka: k 165-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudvika Petrovicha Kolli // Istoriya i arkheologiya Kryma: sb. st., posv. pamyati A. E. Puzdrovskogo / In-tut arkheologii Kryma RAN. Simferopol': Izd-vo tip. «AREAL», 2015. Vyp. 2. S. 488–510.

15. Протокол заседания ТУАК 17 января 1912 г. // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 48. С. 243–248.

Protokol zasedaniya TUAK 17 yanvarya 1912 g. // ITUAK. Simferopol', 1912. № 48. S. 243–248.

16. Санжаровец В. Ф. З. С. Херхеулидзе: новые факты биографии // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице: материалы междунар. конференции / Керченский гос. историко-культурный заповедник. Керчь: б. и., 2000. С. 207–211.

Sanzharovets V. F. Z. S. Kherkheulidze: novye fakty biografii // Pantikapey – Bospor – Kerch' – 26 vekov drevney stolitse: materialy mezhdunar. konferentsii / Kerchenskiy gos. istoriko-kul'turnyy zapovednik. Kerch': b. i., 2000. S. 207–211.

17. Саркизов-Серазини И. М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия: РА «Арт Лайф», 2010. 112 с.

Sarkizov-Serazini I. M. Vospominaniya o Feodosii. Feodosiya: RA «Art Layf», 2010. 112 c.

18. Судак Луи де. Мели Фернан де. Рамбо Альфред. Французские путешественники в Крыму: XIX век / пер. Г. И. Беднарчика. Симферополь: Н. Оріанда, 2014. 312 с.

Sudak Lui de. Meli Fernan de. Rambo Al'fred. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu: XIX vek / per. G. I. Bednarchika. Simferopol': N. Orianda, 2014. 312 s.

19. Тимиргазин А. Д. Судак: хроника российского периода (1783–1917). Симферополь: СГТ, 2015. 576 с.

Timirgazin A. D. Sudak: khronika rossiyskogo perioda (1783–1917). Simferopol': SGT, 2015. 576 s.

20. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii: XVIII – seredina XIX v. SPb.: Nauka, 2002. 676 s.

21. Soudak Louis de. Voyage en Crimee: Cote meridionale. Paris: Calmann-Lévy ed., 1892. 276 p.

22. Soudak Louis de. Theodosia, port de mer // A travers le monde. Paris, 1896. № 16. P. 121–124.

Petrova E. B. The Crimean War in the «Voyageen Crimee: Cote meridionale» (1892) by Louis de Soudak (Louis Alexis Bertren).

The French, Turkish and Spanish vice-consul in Feodosia and writer Louis Alexis Bertren (Louis de Soudak; 1852–1918) spent the great part of his life in the Crimea (Theodosia and Soudak). He penned the series of essays on the Crimea and «Voyageen Crimee: Cote meridionale», published in 1892 in Paris. These works let us look at Russia and the Crimea by foreign eyes. The great portion of the book is devoted to Sevastopol and its neighborhood, along with this the major attention of the author was focused on the events of the Crimean War, and description of its signs in the City of Russian Glory after almost forty years.

Keywords*:* Crimea travelers of the XIX century, Voyageen Crimee, Louis de Soudak (Louis Alexis Bertren), The Crimean War, siege of Sevastopol.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 34–46.

УДК 379.85:338.48(470;430)

СОВЕТСКИЙ ТУРИСТ ЗА РУБЕЖОМ: МИССИЯ, ИЛЛЮЗИИ, ОТКРЫТИЯ[1]

Попов А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская федерация
E-mail: hist_tour@mail.ru

Характеризуются идеологические основы и мировоззренческие последствия поездок советских туристов за рубеж во второй половине 50-х – 80-е гг. XX века. Официальная миссия советского туриста за рубежом должна была заключаться в пропаганде идей социализма, создании исключительно положительного образа гражданина СССР. Однако реальное соприкосновение с зарубежной действительностью зачастую приводило к разрушению созданных советской пропагандой мифов и стереотипов, мировоззренческому переосмыслению образа заграницы. Во многом это было связано с совершением советскими туристами «великих открытий», являвшиеся результатом их временного соприкосновения с рыночной экономикой, проявлениями сексуальности и эротизма, западным культом индивидуализма, альтернативными концепциями исторической памяти, нескрываемой религиозностью жителей других стран.

Ключевые слова: холодная война, культурная дипломатия, зарубежный туризм, идеология, мировоззрение, кросс-культурный шок, СССР.

Я в восторге от Нью-Йорка города
Но кепчонку не сдерну с виска.
У советских собственная гордость:
на буржуев смотрим свысока.

Владимир Маяковский, «Бродвей» (1925)

Феномен зарубежного (выездного) туризма советских граждан в последние годы всё чаще становится объектом исследований как в отечественной [1–6], так и в западной [7–13] историографии. Данное направление туристской деятельности в СССР стало достаточно динамично развиваться только в постсталинский период, с середины 1950-х гг. Если вести подсчет именно туристов, а не всех категорий советских граждан, выезжавших за рубеж, то можно говорить о росте его масштабов более чем в тысячу раз: с 2,1 тыс. чел. в 1955 г. [14, л. 50] до почти 2,2 млн чел. в 1990 г. [15, с. 663–664]. Однако до сих пор актуальными остаются многие вопросы, связанные с осмыслением этого феномена, вступающего в противоречие с упрощенным представлением об СССР как «закрытом обществе». В данной статье мы хотели бы рассмотреть идейно-мировоззренческие аспекты путешествий советских туристов за рубеж в контексте культурной дипломатии и информационно-идеологического противостояния эпохи холодной войны.

Какую роль играл зарубежный туризм для СССР и его граждан? На этот вопрос существует несколько альтернативных вариантов ответа. Для советской власти это был прежде всего «самоокупаемый канал внешнеполитической пропаганды» [16,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-18-10213).

с. 11]. С официальной точки зрения, находясь за рубежом, советский гражданин должен был своим внешним видом, словами и поступками формировать позитивный имидж СССР, пропагандировать идеалы социализма. При этом сами вояжеры или профсоюзная организация предприятия оплачивали экономически обоснованную цену за туристскую путевку. Кроме того, сам факт организации поездок за рубеж служил для советской стороны веским пропагандистским аргументом в идеологической дискуссии о степени свободы передвижения граждан СССР и уровне их материального достатка. Когда отдельно взятые рядовые советские люди (инженеры, учителя, колхозники) посещали Лондон, Рим и Париж, это должно было выглядеть не как исключение, а как закономерность, как наглядный пример неустанной заботы коммунистической партии о простом советском человеке.

Однако для самих туристов это была редкая возможность увидеть жизнь за границей советского государства, приобщиться к несоветским практикам и ценностям. И это «человеческое», экзистенциальное измерение зарубежного туризма часто вступало в противоречие с официальной доктриной. Неслучайно западный историк Джон Бушнел (John Bushnell) называл поездки граждан СССР за рубеж одним из «источников пессимизма» («source of pessimism») для советского человека послевоенной эпохи [17, p. 188, 191–192]. Почему же вместо триумфального шествия представителей «страны победившего социализма» на международной арене поездки граждан СССР за рубеж зачастую становились источником пессимизма и разочарования в советской действительности? Какую роль играли эмоции и идеи советских туристов в культурных контактах эпохи холодной войны? Попытка ответить на эти вопросы содержится в данном исследовании.

В коллективной монографии «Советское зазеркалье: иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е гг.» сфера международного туризма справедливо называется «передовой позицией» холодной войны. Авторы монографии утверждают, что в Советском Союзе «при работе с иностранными туристами глобальная идеологическая борьба фокусировалась на соперничестве систем за каждого отдельно взятого человека» [18, с. 91]. Эта утверждение в полной мере характеризует организацию не только иностранного (въездного), но и зарубежного (выездного) туризма в СССР. Каждый турист, выезжающий за границу, рассматривался как своеобразный «промоутер» (от англ. promotion – продвижение, содействие) Советского Союза. Своим внешним видом, поведением, поступками он должен был формировать позитивный имидж СССР, содействовать распространению социалистических идей во всем мире.

Для успешной реализации этой официальной миссии все претенденты на участие в туристских поездках за рубеж проходили строгую процедуру отбора. Преодолеть «железный занавес» можно было лишь пройдя через хитросплетения «бумажных лабиринтов», образованных различными положениями, инструкциями, приказами и прочими бюрократическими документами. Именно из-за существования многоуровневой системы отбора кандидатур для включения в туристскую группу необходимые документы надо было предоставлять за 3-6 месяцев до начала зарубежной поездки [19]. Подбор лучших кандидатур для совершения путешествия

осуществлялся через прохождение по многим инстанциям определенного пакета документов, среди которых самую важную роль играли:

1) Анкета установленного образца (в том числе включающая вопросы о членстве в КПСС, привлечении в прошлом к уголовной ответственности, знании иностранных языков, предыдущих поездках за рубеж, наличии родственников за границей, пребывании на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны) [20, л. 9–10].

2) Характеристика-рекомендация с места работы, которая должна была отражать политические и моральные качества кандидата на совершение поездки, его отношение к труду, участие в общественной работе и взаимоотношения с коллективом [21, л. 5–6].

Приоритет при включении в состав туристской группы имели ударники социалистического труда, победители социалистических соревнований, члены КПСС и ВЛКСМ. Например, в мае 1985 г. отделом по международным связям Крымского обкома КПУ была поставлена задача, чтобы среди выезжающих в турпоездки за рубеж трудящихся области было не менее 50 % членов КПСС [22, л. 30]. При прочих равных условиях предпочтение отдавалось тем претендентам, которые выезжали за границу в первый раз. Как правило, повторный выезд за рубеж допускался не ранее чем через 2 года для путешествия в социалистическую страну и только через 3–5 лет после путешествия в капиталистическую страну [23, с. 3].

Важное значение имели также личные беседы претендента с различными официальными лицами, в том числе с членами т. н. «выездной комиссии». В наши дни многие бывшие советские граждане вспоминают такие собеседования с нескрываемой иронией:

«За столом сидела комиссия – человек десять, возглавлял её дедушка – старый партиец и ветеран.

Так-так сказал дедуля – комсомолец?

Комсомолец ответил я, с гордостью посмотрев на лацкан пиджака, значок сверкал позолотой.

Зашуршали анкетами.

– В ГДР едешь и Чехословакию, продолжал дедушка, ну расскажи нам, что говорил товарищ Хонеккер на последнем пленуме СЕПГ» [24].

Однако не только знания и идеологическая подготовка становились предметом проверки. Даже внешний вид претендента имел большое значение. В частности, автором был выявлен официальный документ с грифом ограниченного пользования, в котором содержалась рекомендация «не допускать к поездке за границу лиц с наличием явно выраженных внешних физических недостатков» [25, л. 13]. Использование при отборе претендентов внешних антропометрических признаков подтверждает, например, Андрей Калинин, который в 1980-е гг. возглавлял Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Украинской ССР. Он вспоминает о скандале, который возник после включение в состав одной из молодежных групп, отправляющихся за рубеж, хромоногого юноши. Тогда один из функционеров коммунистической партии якобы заявил ему: «В Стране Советов нет косоглазых юношей и хромоногих девушек! И быть не может!» [26].

Кульминацией подготовки к поездке становилась инструктивная беседа, обычно проводившаяся с будущими вояжерами в областном комитете профсоюзов. Здесь до их сведения доводилось содержание «Основных правил поведения советских граждан, выезжающих за границу». Этот очень важный для истории советского выездного туризма документ был опубликован в открытой печати только в постсоветский период [27]. Однако в гротескно-ироничной форме его содержание было знакомо и тем советским людям, которые никогда не бывали за границей, благодаря популярной песне Владимира Высоцкого «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме» (1974). Если претендент по какой-то причине не мог принять участие в инструктивной беседе, то он автоматически исключался из состава туристской группы. После получения инструкций будущие участники поездки за рубеж подписывали документ, в котором брали на себя обязательство «неуклонно соблюдать интересы Советского государства, строго хранить его государственную тайну, быть безупречным в своем личном поведении, высоко держать честь и достоинство гражданина СССР» [28, л. 94].

Обязательным этапом подготовки к поездке за рубеж было довольно сложное структурирование туристской группы, обычно состоящей из 25–30 человек. Из числа лояльных к власти партийных, комсомольских или профсоюзных работников назначался официальный руководитель группы. После этого часть членов группы получала различные общественные роли. Для помощи руководителю группы, также обычно из числа членов компартии, туристы выбирали старосту и помощника старосты. Ещё одним выборным лицом был казначей – он собирал и хранил небольшие суммы денег, предназначенных на общегрупповые нужды, например на покупку букетов и венков для возложения к памятникам советским воинам или революционным деятелям за рубежом. Также из наиболее идеологически подготовленных туристов формировалась «идеологическая группа» (обычно 4-6 чел.), представителям которой поручалось активно участвовать в различных беседах и дискуссиях с иностранцами, выступать с публичными речами, отвечать на вопросы о жизни в СССР, делать записи в книгах отзывов музеев и мемориальных комплексов [29, с. 12].

Советский турист, впервые оказавшийся за рубежом, имел весьма тенденциозное о том, что же на самом деле происходит за пределами его родной страны. Всю предыдущую жизнь он находился в советском информационном поле, которое последовательно создавало идеологически «правильный» образ заграницы. Этот во многом искаженный, конъюнктурный, упрощенный образ формировался в основном под влиянием международного обзора новостей в советских средствах массовой информации, рассказов лекторов общества «Знание» «о международном положении». Кроме того, наиболее «идеологически зрелые» участники поездок за рубеж после возвращения на Родину иногда получали право поделиться своими «правильными» впечатлениями о поездке в советских периодических изданиях. Подобные тексты становились как бы напутствием для тех советских людей, которые впоследствии совершали путешествия по аналогичным маршрутам. Они формировали тот «иллюзорный» образ заграницы, который из-за отсутствия личного опыта поездок за рубеж им только предстояло проверить на практике.

Ниже приведены самые распространенные стереотипы советского представления о загранице, которые приобрели форму клише. Их часто можно встретить и в официальных документах, и в прошедших цензуру текстах советского травелога.

Стереотип № 1. Во всех странах мира к советским людям рядовые трудящиеся относятся с симпатией, а представители привилегированных классов – с антипатией и страхом.

Для подтверждения существования данного стереотипа можно привести, например, такие цитаты из источников:

«Простые люди в шести странах, различных по своему государственному строю, по своей природе, традициям, культуре, встречали нас, советских туристов, приветствовали нашу страну. Они видели за нами свет нашей Родины, силу нашей правды, стремление к миру… Не было ни одного рабочего, который не обрадовал бы нас добрым взглядом, словом приветствия» [30].

«Нас встречали с холодной вежливостью полицейские и таможенные чиновники и с улыбкой горячей симпатии рабочие люди» [31, с. 169].

Стереотип № 2. Для стран Запада характерна бедность большинства населения, многочисленные социальные проблемы, неуверенность в будущем.

Вот несколько примеров для иллюстрации данного утверждения:

«Трудно во Франции рядовом труженику – заработок невелик, а квартирная плата и медицинская помощь обходятся очень дорого. Несмотря на обилие товаров в магазинах, покупателей немного. В Париже много безработных, встречаются и бездомные, ночующие на улицах» [32].

«Сейчас в Финляндии имеется большая безработица, отсутствие сбыта продукции. В дни нашего пребывания в Финляндии произошла девальвация финской марки примерно на 8 %» [33, л. 64].

Стереотип № 3. Материальное изобилие и комфорт жизни на Западе является иллюзорными и доступны очень незначительной части населения.

Наличие данного стереотипа подтверждается, например, следующими цитатами:

«Туристы сразу разглядели, что вся эта роскошь, чистота, порядок созданы для богатеев, людей, не знающих, куда девать деньги и свободное время» [34, л. 133].

«В Финляндии, несмотря на широко развернутую торговую сеть и наличие широкого ассортимента разнообразных товаров… покупателей в магазинах очень мало, что говорит о низкой покупательной способности населения» [35, л. 38].

«Витрины магазинов оформлены с большим вкусом… Но нам бросилось в глаза, что во многих магазинах почти не бывает покупателей. Высокие цены делают товары недоступными» [5, с. 169].

Советская модель выездного туризма была построена таким образом, чтобы даже находясь за рубежом туристы максимально оставались в рамках советского информационного поля. В социалистических странах гостиницы, где останавливались туристы из СССР, обязательно снабжались свежими номерами газет «Правда», «Известия», «Труд» и других советских периодических изданий. Во время пребывания в Болгарии советские туристы имели возможность смотреть вечерний

выпуск телевизионной программы «Время», а в Финляндии – отдельные телепрограммы из Таллина.

В капиталистических странах такая возможность была сильно ограничена. Поэтому руководители групп регулярно проводили разъяснительные беседы с туристами, в которых давалась соответствующая трактовка увиденного ими за рубежом. Например, обилие в магазинах разнообразных продуктов питания и потребительских товаров, которые в СССР являлись дефицитом, объяснялось низкой покупательной способностью иностранных граждан [35, л. 38]. Всякий советский турист, рискнувший публично выражать свой восторг заграничной жизнью, подвергался осуждению. Так, после поездки в Австрию руководитель одной из групп рекомендовал не посылать больше за границу туристку Р., которая «не следит за своими словами» и «много восхищается увиденным в капиталистической стране» [36, л. 11].

Однако несмотря на все эти меры, знакомство с реальными картинами жизни за границей зачастую приводило к разрушению привычных для них стереотипов. Так было, например, с мифом об искренней симпатии всех иностранных трудящихся к каждому из представителей Советского Союза. В ряде отчетов о поездках советских туристов за рубеж зафиксированы факты пренебрежительного отношения к ним со стороны обслуживающего персонала иностранных предприятий сферы услуг. Так, лифтеры высотных гостиниц в социалистической Польше и Болгарии зачастую с пренебрежением относились к советским гостям, одновременно заискивая перед туристами из капиталистических стран, дававшим щедрые «чаевые» [см., напр.: 37, л. 118]. Советские люди всегда очень болезненно реагировали на любые бытовые ситуации, во время которых приоритет отдавался гражданам других государств. Например, участники одной из советских групп были возмущены тем, что в Карловых Варах во время посещения ими концерта ведущий обратился к зрителям сначала на чешском языке, затем – на немецком языке и только потом – на русском языке [37, л. 201]. В 1972 г. один из руководителей туристских групп жаловался, что при обслуживании в египетском ресторане советским туристам были поданы темные салфетки, а американским туристам – белые салфетки [38, л. 107]. В отчете о путешествии по Египту весной 1979 г. сообщается, что «в городах Каире и Александрии нередко чемоданы носили сами туристы. Это не тяжело, но неприятно перед лицом других интуристов» [39, л. 3]. Туристы другой группы были шокированы тем, что индийский гид в Дели откровенно признался им: «Нам невыгодно работать с русскими туристами, так как они мало покупают в лавках, куда мы их заводим» [40, л. 2]. Советские люди не могли или не хотели понимать, что для работников индустрии гостеприимства основным источником дохода может быть не заработная плата, а «чаевые» от туристов или комиссионные от владельцев торговых и увеселительных заведений.

Подобно тому, как Великие географические открытия XV–XVII вв. вызвали «мировоззренческий переворот» в сознании европейцев, поездки граждан СССР за рубеж способны были радикально изменить их прежнее представление о мире по обе стороны «железного занавеса». На основе анализа имеющихся архивных источников

и воспоминаний можно утверждать, что во время зарубежного вояжа они совершали ряд «великих открытий», важность которых трудно переоценить.

Первым открытием становилось знакомство с экономикой рыночного типа, для которой были характерны реальная конкуренция, развитый институт частной собственности, высокое качество товаров и сервиса. Очень быстро шопинг превратился в основную неофициальную миссию советских туристов за рубежом, которая часто вступала в противоречие с официальной миссией – достойно представлять страну победившего социализма на международной арене. Туристы из СССР во время пребывания за рубежом имели в своем распоряжении строго ограниченное количество валюты «обменного фонда». Чтобы приобрести как можно больше вещей импортного производства, они старались до минимума сократить свои «карманные расходы» в поездке. На сэкономленные средства чаще всего приобреталась одежда и обувь западного производства (для себя, супруга/супруги, детей, родителей и других близких родственников). Также они покупали различные товары для дома (хрустальные вазы, фарфоровые сервизы, осветительные приборы, иногда ковры), реже – недорогую и компактную бытовую технику. В качестве полезных и желанных, но не очень дорогих сувениров для родственников, друзей и коллег чаще всего везли из-за рубежа косметику и парфюмерию, белье, бижутерию и аксессуары (сумки, ремни, солнцезащитные очки), а также кондитерские изделия, жевательную резинку и даже презервативы [41, с. 333–338].

Во время интервью, проводимых с бывшими советскими туристами, они удивительно точно помнят и подробно описывают каждую привезенную из-за границы вещь, хотя со времени совершения поездки зачастую уже прошло 30–40 лет. По отношению к этим вещам информанты чаще всего употребляют такие эпитеты, как «модные», «яркие», «красивые», «качественные», «дефицитные», «фирменные», «необыкновенные». На вопрос о том, почему понадобилось везти эти вещи из-за рубежа, один из информантов ответил: «…в Советском Союзе не было такого разнообразия, качества, ярких цветов, а если и было [на «черном рынке» – А. П.], то стоило в 3–4 раза дороже» [42].

Второе открытие было связано с тем, что за рубежом советские туристы становились свидетелями откровенного эротизма и неприкрытой сексуальности, которые в советской интерпретации ассоциировались с понятиями «разврат», «порок», «падение нравов». Резко негативную реакцию советских людей должно было вызывать наличие «низкопробных фильмов с сексуальным акцентом» в прокате западных кинотеатров [43, л. 5]. В отчете группы туристов из Крымской области о поездке во Францию в ноябре 1972 г. руководитель написал, что «доярка Ж., бригадиры Щ. и К., электрик Х. и ряд других [туристов] выражали свое негодование распущенностью, существующей в буржуазном мире, обилием порнографии, бульварной литературы, безнравственной рекламы» [38, л. 128–129].

Третье открытие, носившее большую мировоззренческую нагрузку, было связано с тем, что на Западе и даже в социалистических странах Европы гораздо больший вес имели индивидуальные, а не коллективные ценности. Дух индивидуализма проникал даже через закрытые окна туристского автобуса в виде наблюдений, картин зарубежного быта. Руководитель одной из советских групп,

посетивших социалистическую Польшу, в отчете делился своими впечатлениями от увиденного: «Все по-своему необычно, ново и занимательно. … Никак в начале не можем привыкнуть, после наших огромных колхозно-совхозных массивов пшеницы и озимой ржи, к узким крестьянским нивам на полях Польши» [44, л. 154].

Аналогичные наблюдения можно найти и в описании поездки другой группы советских туристов, совершивших путешествие в Австрию: «По сторонам от шоссе уже не крупные хлебные посевы, а узенькие полоски пшеницы, ржи, ячменя частных владельцев – картина, о которой мы знаем по воспоминаниям старших, книгам» [45].

Четвертым открытием становился тот факт, что жители зарубежных стран могут придерживаться концепции исторической памяти, явно отличавшейся от той, которая доминировала в СССР. При этом советские туристы всегда должны были активно отстаивать именно свои взгляды на события прошлого. Например, путешествуя по Италии или Испании, они бесцеремонно вмешивались в рассказы гидов-переводчиков, требуя «не возвеличивать» роль Б. Муссолини и Ф. Франко в истории этих стран. В то же время, каждое памятное место, связанное с революционным, социалистическим движением, с биографией Карла Маркса или Владимира Ленина, вызывало у них гипертрофированный интерес. Например, настоящим шоком для советских граждан, посещавших Западную Германию, был тот факт, что в Мюнхене дом, в котором с 1900 по 1902 жил Владимир Ленин, оставался частной собственностью и не был превращен в музей [46, л. 124].

Проблема разных версий исторической памяти о Второй мировой войне наиболее остро проявлялась во время посещения Западной Германии, Австрии или Венгрии. В мае 1970 г. руководитель одной из туристских групп так описывал свои впечатления о посещении расположенного в Австрии концентрационного лагеря Матхаузен: «очень больно и обидно, что местное население, живущее вокруг Матхаузена, не возложило ни одного цветка на могилы погибших». Здесь же он с возмущением констатировал, что «День победы над фашистской Германией они [австрийцы] не празднуют, а празднуют сентябрь 1955 г., когда ушли, как они заявляют, оккупационные [советские] войска» [36, л. 5, 9].

Наконец, пятое открытие советских туристов заключалось в том, что находясь за границей они сталкивались с многочисленными проявлениями веры людей в Бога, становились свидетелями открытых религиозных практик. Это было достаточно непривычно для представителей послевоенного поколения, нравственные устои которых сформировались в условиях господствующего атеизма. Особенно их возмущало, когда искреннюю религиозность проявляли жители «братских» стран «социалистического лагеря». В своем отчете о посещении Польской Народной Республики в 1969 г. руководитель одной из туристских групп с удивлением и даже негодованием сообщал: «Как правило, в каждом городе … на экскурсии предусматривалось посещение 2–3 костелов. Когда мы спросили польского гида, сколько верующих в Польше, она ответила, что 90 % населения. Нужно прямо сказать, что эта цифра подействовала на нас удручающе» [47, л. 22]. Во время посещения Египта руководитель другой группы советских туристов обращал внимание на то, что несмотря на дефицит жилья и отсутствие во многих населенных

пунктах школ и дошкольных учреждений, «повсюду возводятся дорогостоящие мечети и в одном Каире их более тысячи» [48, л. 8].

Безусловно, в случае каждого конкретного туриста из СССР значение перечисленных выше «великих открытий» было неравнозначным. Наиболее явным и ожидаемым являлось первое открытие, связанное с приобщением к западной потребительской культуре. Превосходство западных вещей и западного сервиса для любого, даже патриотично настроенного советского человека было очевидным, материальным и осязаемым. Все последующие открытия, связанные с духовными ценностями и идеями, требовали более длительных наблюдений и более глубокой рефлексии. Только к финалу поездки, а зачастую – лишь после возвращения на Родину, в сознании туриста формировалась своеобразная иерархия «инаковости» заграницы, начиная от примитивно-физиологического уровня (на Западе более качественная туалетная бумага, и она не является дефицитом) до наивысшего мировоззренческого уровня (на Западе большинство людей верит в Бога и не скрывает этого).

Весь этот многокомпонентный микс впечатлений и эмоций, а также неизбежное сравнение образа жизни «у них» и «у нас» зачастую приводил и к настоящему перевороту в восприятии заграницы, к разрушению многих мифов и стереотипов советского официального дискурса. Так, отвечая на вопрос «Насколько то, что Вы увидели за границей, соответствовало Вашим ожиданиям?», бывшие участники туристских путешествий за рубеж в 1960–1980-е гг. нередко дают восторженные ответы:

– «Побывал как в раю!» [49].

– «Осталась в восторге. Особенно впечатлило отношение к пешеходам, движение транспорта, обслуживание в магазинах» [50].

– «Обалдела, что есть так много всего красивого, о чем мы не знали. Понравилась красота жизни, праздник жизни, сервис, яркость, удобства» [51].

Таким образом, туристские поездки за рубеж открывали гражданам СССР реальную картину альтернативного мироустройства, а также способствовали появлению у них представлений о том, что несоветская модель организации общественных отношений (в политической, экономической, социальной, духовной сферах) может быть конкурентоспособной и успешной. После возвращения из-за рубежа эти «неправильные», «идейно вредные» впечатления передавались через неформальные каналы коммуникации, к которым большинство советских людей относилось с большим доверием, чем к официальным источникам информации. При этом относительно непродолжительное время пребывания за рубежом и специфика построения программ туристских путешествий (что очень хорошо выражается расхожей фразой «галопом по Европам») приводили к тому, что впечатления и выводы советских туристов о загранице также оказывались очень поверхностными, построенными на принципе бинарных оппозиций. Под влиянием кросс-культурного шока, вызванного знакомством с несоветской действительностью, у некоторых вояжеров происходила полная смена «полюсов» оценки, когда все советское автоматически начинало восприниматься как негативное, а несоветское – как позитивное, хотя такая картина тоже явно упрощала реальность. В итоге

«полуоткрытое окно» зарубежного туризма, рассматриваемое советской стороной как эффективный инструмент культурной дипломатии, в действительности могло играть негативную роль в информационно-пропагандистском и мировоззренческом противостоянии СССР со странами капиталистического мира.

Список использованных источников и литературы

1. Архипова Е. П. Некоторые аспекты развития советского выездного туризма в 1980–1991 гг. (на примере туристского обмена с капиталистическими странами) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 1. – С. 36–43.

Arkhipova E. P. Nekotorye aspekty razvitiya sovetskogo vyezdnogo turizma v 1980–1991 gg. (na primere turistskogo obmena s kapitalisticheskimi stranami) // Sovremennye problemy servisa i turizma. – 2008. – № 1. – S. 36–43.

2. Машкова А. М. Зарубежные поездки как форма молодежного досуга (опыт БММТ «Спутник») // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2010. – № 4. – С. 28–33.

Mashkova A. M. Zarubezhnye poezdki kak forma molodezhnogo dosuga (opyt BMMT «Sputnik») // Sovremennye problemy servisa i turizma. – 2010. – № 4. – S. 28–33.

3. Орлов И. Б. Роль табу в советском выездном туризме // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. ст. / [сост. А. Архипова]. – М. : РГГУ, 2013. – С. 423–434.

Orlov I. B. Rol' tabu v sovetskom vyezdnom turizme // Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: sb. st. / [sost. A. Arkhipova]. – M. : RGGU, 2013. – S. 423–434.

4. Четырина Н. А. Заграничный туризм в советское время // Миграции и туризм в России / [под ред. Ю. А. Полякова]. – М. : МГУС, 2007. – С. 348–355.

Chetyrina N. A. Zagranichnyj turizm v sovetskoe vremya // Migratsii i turizm v Rossii / [pod red. YU. A. Polyakova]. – M. : MGUS, 2007. – S. 348–355.

5. Чистиков А. Н. «Ладно ль за морем иль худо?»: впечатления советских людей о загранице в личных записях и выступлениях (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // Новейшая история России. – 2011. – № 1. – С. 167–177.

Chistikov A. N. «Ladno l' za morem il' khudo?»: vpechatleniya sovetskikh lyudej o zagranitse v lichnykh zapisyakh i vystupleniyakh (seredina 1950-kh – seredina 1960-kh gg.) // Novejshaya istoriya Rossii. – 2011. – № 1. – S. 167–177.

6. Шевырин С. А. «Проникновение наше по планете особенно заметно вдалеке…»: из истории зарубежного туризма в СССР // Ретроспектива. – 2010. – № 1. – С. 21–27.

Shevyrin S. A. «Proniknovenie nashe po planete osobenno zametno vdaleke…»: iz istorii zarubezhnogo turizma v SSSR // Retrospektiva. – 2010. – № 1. – S. 21–27.

7. Gorsuch A. Time Travelers: Soviet Tourism to Eastern Europe // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / [eds. A. Gorsuch and D. Koenker]. – Ithaca : Cornell University Press, 2006. – P. 205–226.

8. Gorsuch A. All This is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin. – NY. : Oxford University Press, 2011. – 222 p.

9. Горсач Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе // Антропологический форум. – 2010. – № 13. – С. 359–388.

Gorsach A. Vystuplenie na mezhdunarodnoj stsene: sovetskie turisty khrushhevskoj ehpokhi na kapitalisticheskom Zapade // Antropologicheskij forum. – 2010. – № 13. – S. 359–388.

10. Golubev A. Neuvostoturismin ja läntisen kulutuskulttuurin kohtaaminen Suomessa [Soviet tourism and Western consumerism: a meeting in Finland] // Historiallinen aikakauskirja. – 2011. – № 4. – P. 413–425.

11. Kozovoi A. Eye to Eye with the «Main Enemy»: Soviet Youth Travel to the United States // Ab Imperio. – 2011. – № 2. – P. 221–237.

12. Raleigh D. «On the Other Side of the Wall, Things Are Even Better». Travel and the Opening of the Soviet Union: The Oral Evidence // Ab Imperio. – 2012. – № 4. – P. 373–399.

13. Tondera B. Der sowjetische Tourismus in den Westen unter Nikita Chruscev 1955–1964 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 2013. – № 1. – S. 43–64.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9520, оп. 1, д. 431.

Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii (GARF), f. R-9520, op. 1, d. 431.

15. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 752 с.

Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1990 g.: statisticheskij ezhegodnik. – M. : Finansy i statistika, 1991. – 752 s.

16. Касаткин В. Ф. Основные проблемы развития иностранного туризма в СССР: Автореф. дис…кандидат экономических наук. – М., 1975. – 22 с.

Kasatkin V. F. Osnovnye problemy razvitiya inostrannogo turizma v SSSR: Avtoref. dis…kandidat ehkonomicheskikh nauk. – M., 1975. – 22 s.

17. Bushnell J. The «New Soviet Man» Turns Pessimist // The Soviet Union since Stalin / [ed. by Stephen F. Cohen]. – London : Macmillan, 1980. – P. 179–199.

18. Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е гг.: учеб. пособие / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Й. Й. Шнайдген, А. А. Федулин, К. А. Мазин. – М. : ФОРУМ, 2007. – 256 с.

Sovetskoe zazerkal'e. Inostrannyj turizm v SSSR v 1930–1980-e gg.: ucheb. posobie / V. EH. Bagdasaryan, I. B. Orlov, J. J. Shnajdgen, A. A. Fedulin, K. A. Mazin. – M. : FORUM, 2007. – 256 s.

19. Отдых – это серьезно // Слава Севастополя. – 1984. – 4 февраля.

Otdykh – ehto ser'ezno // Slava Sevastopolya. – 1984. – 4 fevralya.

20. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-3776, оп. 1, д. 508.

Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-3776, op. 1, d. 508.

21. Там же, ф. Р-3776, оп. 4, д. 72.

Tam zhe, f. R-3776, op. 4, d. 72.

22. Там же, ф. П-1, оп. 10, д. 237.

Tam zhe, f. P-1, op. 10, d. 237.

23. Рекомендации по подбору, подготовке туристских групп советской молодежи, выезжающих за рубеж и оформлению выездных документов. – Рига, 1980. – 24 с.

Rekomendatsii po podboru, podgotovke turistskikh grupp sovetskoj molodezhi, vyezzhayushhikh za rubezh i oformleniyu vyezdnykh dokumentov. – Riga, 1980. – 24 s.

24. Воспоминания участника туристкой поездки в ГДР и Чехословакию (1984) // http://forum.rozamira.org/index.php?s=8ddf16e38367c172ba63a981ac6eecd1&act=Print&client=printer&f=1&t=1385.

Vospominaniya uchastnika turistkoj poezdki v GDR i Chekhoslovakiyu (1984) // http://forum.rozamira.org/index.php?s=8ddf16e38367c172ba63a981ac6eecd1&act=Print&client=printer&f=1&t=1385.

25. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2493.

GARK, f. R-3776, op. 1, d. 2493.

26. Сметанская О. [Интервью с Андреем Калининым] // Факты и комментарии. – 2006. – 28 июля.

Smetanskaya O. [Interv'yu s Andreem Kalininym] // Fakty i kommentarii. – 2006. – 28 iyulya.

27. Основные правила поведения советских граждан, выезжающих за границу // Лубянка – старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. документов.– М., 2005. http://www.sps.ru/?id=213821.

Osnovnye pravila povedeniya sovetskikh grazhdan, vyezzhayushhikh za granitsu // Lubyanka – staraya ploshhad': Sekretnye dokumenty TSK KPSS i KGB o repressiyakh 1937–1990 gg. v SSSR: Sb. dokumentov. – M., 2005. http://www.sps.ru/?id=213821.

28. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 4, д. 152.

GARK, f. R-3776, op. 4, d. 152.

29. Памятка для ответственных руководителей групп советских туристов, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны, круизы по линии «Интуриста». – М. : ЦРИБ «Турист», 1981. – 15 с.

Pamyatka dlya otvetstvennykh rukovoditelej grupp sovetskikh turistov, vyezzhayushhikh v kapitalisticheskie i razvivayushhiesya strany, kruizy po linii «Inturista». – M. : TSRIB «Turist», 1981. – 15 s.

30. Тэсс Т. Свет дружбы // Известия. – 1956. – 12 июля.

Tehss T. Svet druzhby // Izvestiya. – 1956. – 12 iyulya.

31. Волк С. Европейские контрасты. Заметки советского туриста. – Л. : Лениздат, 1961. – 169 с.

Volk S. Evropejskie kontrasty. Zametki sovetskogo turista. – L. : Lenizdat, 1961. – 169 s.

32. Рубцов Н. И. Десять дней во Франции // Курортная газета. – 1971. – 11 мая.

Rubtsov N. I. Desyat' dnej vo Frantsii // Kurortnaya gazeta. – 1971. – 11 maya.
33. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 2605, оп. 9, д. 210.
Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy (TSGAVO Ukrainy), f. 2605, op. 9, d. 210.
34. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2385.
GARK, f. R-3776, op. 1, d. 2385.
35. ЦГАВО Украины, ф. 2605, оп. 8, д. 7668.
TSGAVO Ukrainy, f. 2605, op. 8, d. 7668.
36. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 1421.
GARK, f. R-3776, op. 1, d. 1421.
37. ЦГАВО Украины, ф. 2605, оп. 8, д. 4372.
TSGAVO Ukrainy, f. 2605, op. 8, d. 4372.
38. Там же, ф. 2605, оп. 8, д. 8917.
Tam zhe, f. 2605, op. 8, d. 8917.
39. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2448.
GARK, f. R-3776, op. 1, d. 2448.
40. Там же, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2630.
Tam zhe, f. R-3776, op. 1, d. 2630.
41. Попов А. «Back in USSR»: повернення з турпоїздки за кордон у контексті радянських повсякденних практик // Наукові записки з української історії: Зб. наук. статей. – Переяслав-Хмельницький, 2012. – Вип. 29. – С. 333–338.
Popov A. «Back in USSR»: povernennya z turpoïzdki za kordon u konteksti radyans'kikh povsyakdennikh praktik // Naukovi zapiski z ukraïns'koï istoriï: Zb. nauk. statej.– Pereyaslav-Khmel'nits'kij, 2012. – Vip. 29. – S. 333–338.
42. Анкета с воспоминаниями участницы туристской поездки в Чехословакию (1981 г.). Личный архив А. Д. Попова.
Anketa s vospominaniyami uchastnitsy turistskoj poezdki v Chekhoslovakiyu (1981 g.). Lichnyj arkhiv A. D. Popova.
43. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 5М, оп. 2, д. 679.
Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoj istorii (RGASPI), f. 5M, op. 2, d. 679.
44. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 321.
GARK, f. R-3776, op. 1, d. 321.
45. Макаров Д. Дорогами Австрии. Путевые заметки // Крымская правда. – 1976. – 28 июля.
Makarov D. Dorogami Avstrii. Putevye zametki // Krymskaya pravda. – 1976. – 28 iyulya.
46. ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 518.
GARF, f. R-9612, op. 3, d. 518.
47. ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 1230.
GARK, f. R-3776, op. 1, d. 1230.
48. Там же, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2386.
Tam zhe, f. R-3776, op. 1, d. 2386.
49. Анкета с воспоминаниями участника туристской поездки во Францию (1978 г.). Личный архив А. Д. Попова.
Anketa s vospominaniyami uchastnika turistskoj poezdki vo Frantsiyu (1978 g.). Lichnyj arkhiv A. D. Popova.
50. Анкета с воспоминаниями участницы туристской поездки в Венгрию (1974 г.). Личный архив А. Д. Попова.
Anketa s vospominaniyami uchastnitsy turistskoj poezdki v Vengriyu (1974 g.). Lichnyj arkhiv A. D. Popova.
51. Анкета с воспоминаниями участницы туристской поездки в Польшу и Чехословакию (1977 г.). Личный архив А. Д. Попова.
Anketa s vospominaniyami uchastnitsy turistskoj poezdki v Pol'shu i Chekhoslovakiyu (1977 g.). Lichnyj arkhiv A. D. Popova.

Popov A. D. The soviet tourist abroad: mission, illusions, discoveries.

In the article the author characterized ideological bases and world view consequences of soviet tourists' trips abroad in the second half of the 50s – 80s XX century. This type of activity in the USSR was called outgoing tourism and in the post-Stalinist period increased rapidly: from 2 thousand tourists in 1955 to 2.2 million tourists in 1990. The official mission of Soviet tourists abroad must consist in propaganda of the ideas of socialism, creating a very positive image of the citizen of the USSR. For this reason the careful selection of future participants of foreign trips not only on production, social and ideological signs was carried out, but sometimes even by appearance. Informative preparation to the journey consisted in strengthening of stereotypes of soviet propaganda about the crisis of the capitalist system, its injustice and instability. At the same time an idea about that all workers of the foreign states sincerely sympathize with the Soviet Union and will be always glad to its representatives was suggested.

However, the real contact with foreign reality often led to the destruction of the myths and stereotypes created by soviet propaganda, ideological reinterpretation of the image of foreign countries. In many cases it was connected with the «great discoveries» making by Soviet tourists, which were the results of their temporary contact with market economy, sexualities and eroticism, the Western cult of individualism, alternative concepts of historical memory, undisguised religiosity of people in other countries. As a result Soviet tourists had powerful cross-cultural shock which quite often led to critical rethinking of the propaganda thesis about absolute advantage of socialism and the Soviet way of life. In such cases outgoing tourism became «a source of pessimism» for them, and information about these «great discoveries» was passed to their relatives and friends, despite the willingness of Soviet authorities to censor the impression of foreign reality.

Keywords: the Cold War, cultural diplomacy, outgoing tourism, ideology, world view, cross-cultural shock, the USSR.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 47–52.

УДК 97 (470)

НЮАНСЫ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА В МОСКОВСКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ XVII В.

Почекаев Р. Ю.

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru

Предпринимается попытка проследить особенности правового регулирования отношений властей Московского царства и Крымского ханства к принципу неприкосновенности послов. На двух примерах середины XVII в. автор рассматривает, на кого правители обоих государств возлагали вину за причинение вреда дипломатам и пытается выяснить, почему власти Москвы и Крыма по-разному представляли себе ответственность за нарушение посольского права.

Ключевые слова: Московское царство, Крымское ханство, посольское право, дипломатическая неприкосновенность, земский собор 1639 г., Ислам-Гирей III, Мухамма-Гирей IV.

История дипломатических отношений Московского царства и Крымского ханства неоднократно исследовалась различными специалистами в самых разных аспектах. Однако к числу наименее разработанных из них относятся вопросы правового обеспечения дипломатических процессов. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть особенности подхода к одному из принципов посольского права (или, используя современную терминологию, права внешних сношений) – неприкосновенности дипломатических представителей и различного отношения московской и крымской правящей элиты к нарушению этого принципа.

Институт дипломатических представителей, равно как и принцип их неприкосновенности имеет весьма древнее происхождение. Так, например, в Древнем Египте дипломаты считались личными представителями направивших их правителей, что делало их неприкосновенными лицами, а в Древнем Китае их задержание или иные насильственные действия в отношении послов и посланцев считались грубым нарушением «ли», т. е. правил общения [3, с. 450–451]. Этот принцип обеспечивается и современным международным правом, будучи зафиксированным в ряде Венских конвенций [см. подробнее: 2, с. 172–173, 177].

Разделяли принцип неприкосновенности послов также в Монгольской империи и государствах Чингизидов. Весьма характерными представляются эпизоды убийства монгольских послов хорезм-шахом Алла ад-Дином Мухаммадом II в 1219 г. или русскими князьями перед битвой на р. Калке в 1223 г. и реакция на него монгольских правителей. Вряд ли следует соглашаться, в частности, с мнением Л. Н. Гумилева о том, что взятие и уничтожение города Козельска в 1238 г. было местью за нарушение принципа посольского права, имевшего место за пятнадцать лет до монгольского похода на Русь [5, с. 339–340], однако признание и соблюдение Чингизидами этого принципа не подлежит сомнению. И, как мы увидим, со временем оно не исчезло, и потомки Чингис-хана, стоявшие во главе Крымского ханства, весьма болезненно реагировали на случаи насилия в отношении их послов. Впрочем, это не мешало и

самим крымским властям допускать подобные нарушения в отношении иностранных дипломатов – в большинстве случаев московских.

Естественно, когда сведения о подобных нарушениях доходили до правителей государств, дипломатическим представителям которых причинялся вред или наносилось оскорбление, вставал вопрос об ответственности – ведь, как уже упоминалось, с глубокой древности посол являлся личным представителем направившего его монарха, и оскорбление ему автоматически становилось оскорблением монарха и государства в целом. И вот тут-то возникали различные нюансы в вопросе поиска виновных и порядке привлечения их к ответственности.

В качестве примера будут рассмотрены два случая из истории русско-крымских отношений середины XVII в., нашедшие отражение в официальных актах обоих государств. В официальных документах, отразивших эти два в общем-то близких по времени случая, ярко отразилось различное отношение к проблеме нарушения неприкосновенности послов со стороны Московского царства и Крымского ханства. Таким образом, главной целью является не реконструкция политических событий (хорошо известных историкам), а попытка прояснить причины того, что русские и крымские правители по-разному представляли себе ответственность противоположной стороны за нарушение принципа неприкосновенности дипломатов. Таким образом, исследование приобретает междисциплинарный характер, поскольку сочетает элементы источниковедения и юридической антропологии.

Итак, первый пример датируется январем – апрелем 1639 г., когда в Крымском ханстве находилось московское посольство И. Фустова и И. Ломакина, которые в первые же дни по прибытии подверглись «грабежу» со стороны самого хана Бахадур-Гирея (прав. 1637–1641), а затем его родственников и приближенных. При этом посланцы не только лишились значительной части имущества, но и подверглись тюремному заключению и даже пыткам – такими методами крымские власти пытались добиться от послов обещания дальнейших ежегодных выплат в увеличенном размере. Эти события, достаточно подробно рассмотренные в общем контексте московско-крымских отношений первой половины XVII в. в специальном исследовании А. А. Новосельского [7, с. 272–274] (обращались к этому сюжету и другие авторы), не нуждаются в подробном описании, поскольку не являются темой настоящего исследования. Для нас наиболее интересными представляются правовые последствия столь вопиющего нарушения принципов посольского права со стороны крымских властей.

А таковым последствием стал специально созванный по указу царя Михаила Федоровича (прав. 1613–1645) и приговору Боярской думы Земский собор, прошедший 19–26 июля того же 1639 г. [7, с. 274–275; 12, с. 293–298]. Как видим, московские власти весьма серьезно отнеслись к оскорблению, нанесенному государству в лице его дипломатических представителей, не говоря уж о причиненном им физическом вреде и материальном ущербе. Решение Земского собора было оформлено в виде «мнений» высшего духовенства (Освященного собора) и купечества («гостей и торговых людей гостиной сотни» и «торговых людей суконной сотни»), уже неоднократно публиковавшихся [6; 9; 12].

Соответственно, как в приговоре Боярской думы, так и в решениях частей Земского собора были выработаны предложения, как царю надлежит действовать в сложившейся ситуации. Нас интересует именно вопрос ответственности за нарушение крымцами принципов посольского права: кто, по мнению участников Земского собора, должен был ее понести.

Боярская дума предложила в дальнейшем не направлять «казну» непосредственно в Крым, а передавать ханским представителям на границе; крымских же послов предлагалось, в качестве ответа на нарушение неприкосновенности московских дипломатов, «подержать… на дворех запертых и никуды не спущать, и корму убавить половина» [12, с. 295].

Члены Освященного собора во главе с патриархом Иоасафом I, предложили больше не направлять в Крым деньги, а, напротив, тратить их на содержание войск и крепостей на границе с Крымом. От рекомендаций же в отношении ханских послов – следует ли их подвергнуть каким-либо санкциям в ответ на «позор и мучение и грабеж» русских послов в Крыму – представители высшего духовенства воздержались [6, с. 373–374].

Мнение представителей торгового сословия оказалось менее четко выраженным: они лишь задали риторический вопрос: «за што им [имеются в виду хан, калга-султан и нураддин-султан – *Р. П.*] давать твое государево жалованье, что оне в шерти своей ни в чем не стоят» [12, с. 300, 301]. Окончательное же решение данной проблемы торговцы, точно так же, как бояре и духовенство, оставили за царем, заявив, что примут любую его волю и сделают все то, что потребуется.

Для нас весьма важно, что и Боярская дума, и Земский собор видят в причинении вреда московским послам прежде всего оскорбление государя и, соответственно, государства. Следовательно, все санкции, которые они предлагают, относятся к иностранному государству, позволившему себе оскорбить русских дипломатов: прекращение денежных выплат в Крым и т. д.

В том же ключе действовали царские власти и после Земского собора: представители Боярской думы высказали крымским послам все обвинения и потребовали объяснений от ханских властей. При этом они ссылались на единое мнение членов Земского собора о поддержке ими царской позиции по данному вопросу. Весьма интересно, как отмечает А. А. Новосельский, что московским дипломатам (при помощи их союзников среди ханских же приближенных), упирая именно на вышеупомянутые обвинения, удалось убедить крымского хана отказаться от требования увеличить «поминки» [9, с. 29].

Фактически «зеркальная» ситуация имела место в 1657 г.: на этот раз оскорблению (и даже нападению) подверглись представители крымского посольства в Москве, причем был даже убит ханский гонец Мухаммад-имелдеш [см.: 8, с. 34–35]. Узнав об этом, крымский хан Мухаммад-Гирей IV (прав. 1641–1644 и 1654–1666) направил царю Алексею Михайловичу (прав. 1645–1676) ярлык «мохаббат-наме», в котором заявлял: «Убийство Нашего посла, насилия над людьми близ Ваших пограничных городов – разве это подходящие для падишахского достоинства и дружбы дела?» В отличие от московских властей, хан не собирался обсуждать последствия на межгосударственном уровне, а предложил собственное решение:

«Если желаете дружбы, поймайте незаконнорожденного, убившего Нашего посла, воздайте ему должное и велите найти незаконнорожденных, чинивших насилия над послом на дороге, воздайте ему должное. А также, если кто-либо решится на такое дело, такого должна ожидать казнь» [11, с. 130].

Как видим, крымский хан видит в нарушении неприкосновенности дипломатов не проявление неуважения к нему лично и возглавляемому им государству, а всего лишь уголовное дело, по которому прямо и рекомендовал, как следует выносить приговор. Означает ли это, что Мухаммад-Гирей IV не осознавал международно-правовой характер происшедшего инцидента и считал его «бытовым» преступлением? Вряд ли это было так. Еще его непосредственный предшественник на крымском троне, хан Ислам-Гирей III (прав. 1644–1654) в переписке с польским королем Владиславом IV (прав. 1634–1648) упоминал о том, что королевские подданные задержали его посла к королю и удерживают его насильно, но при этом не требовал наказания «непосредственных исполнителей» этого нарушения, предпочитая обсуждать эту проблему непосредственно с королем, которому в 1646 г. направлял соответствующие ярлыки [1, с. 370, 374–375]. Почему же в отношении аналогичных действий московских властей преемник Ислам-Гирея придерживался иной позиции?

Думается, все дело в том, что крымские ханы, признававшиеся и Москвой как главные наследники распавшейся Золотой Орды [см., напр.: 14, с. 30–31], продолжали считать московских государей своими вассалами с соответствующей системой подчинения и возможностью влиять на ее внутреннюю политику. В рамках такой парадигмы государь-сюзерен вполне мог предписать государю-вассалу наказать его (вассала) подданных за какие-то преступления, совершенные и против сюзерена. Ярким примером тому является история с новгородскими ушкуйниками, разграбившими в 1360 г. золотоордынский город Жукотин: хан Хызр (прав. 1360–1361) приказал великому князю владимирскому Дмитрию Константиновичу (прав. 1359–1362) захватить этих разбойников и выдать их ордынским послам, что и было сделано [см., напр.: 10, с. 181].

Да и сам Мухаммад-Гирей IV, похоже, не делал различий между своими собственными подданными и подданными московского царя, предписывая им одинаковые наказания за схожие преступления. Так, в письме тому царю Алексею Михайловичу, направленном весной 1657 г., он упоминает о том, что один из его послов допустил оскорбление московского царя («из послов Наших один по имени Мурад, некто ничтожный, Вам, брату Нашему, высказал неподобающее слово, никоим образом не соответствующее славе и достоинству правителей-падишахов») и обещает, что «если это слово действительно было сказано им, он не уйдет от Нашего правосудия» [11, с. 121]. Восприятие Московского государства как вассального по отношению к Крымскому ханству, таким образом, вполне объясняет ту непосредственность, с какой хан «рекомендует» царю, как поступить с нарушителями норм посольского права!

Подобные нюансы в дипломатических сношениях Московского государства и Крымского ханства уже отмечал Л. А. Юзефович в своем исследовании о российском посольском церемониале – правда, применительно к реалиям XVI в. Кроме того,

исследователь сосредоточился на формально-ритуальных аспектах посольских отношений – в частности, на том, что московским послам категорически запрещалось принимать ханские письма к царю, запечатанные перстневым нишаном (поскольку на посланиях иностранным государям должна была проставляться большая тамга, тогда как перстневая печать обычно ставилась на ханских актах, адресуемых собственным подданным или вассальным правителям) [13, с. 22–27; 14, с. 23–31]. Однако, как мы могли убедиться, восприятие Московского государства как нижестоящего в международной иерархии и до определенной степени подчиненного Крымскому ханству сохранялось у крымской правящей элиты и столетие спустя. Причем проявлялось и в таком специфическом аспекте, как нарушение дипломатической неприкосновенности и поиск виновных в этом преступлении.

Таким образом, можно сделать, что «политика двойных стандартов», использовавшаяся Крымским ханством при нарушении норм посольского права со стороны Московского царства и Польско-Литовского государства, вовсе не отражала низкий уровень правовой культуры ханства и его правителей. Разное отношение к этим двум государствам объяснялось тем, что одно из них прежде являлось вассалом ханов-Джучидов – предков крымских ханов, а другое и прежде рассматривалось как независимый партнер в рамках международной политики. Вероятно, немалую роль сыграло в этом и сохранение регулярных выплат из Москвы в Крым, традиционно воспринимавшихся как дань и, следовательно, подтверждавших зависимый статус русских правителей от крымских ханов. Как известно, эта ситуация изменилась лишь в 1700 г. по итогам Константинопольского мирного договора.

Список использованных источников и литературы

1. Абдужемилев Р. Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 388 с.

Abduzhemilev R. R. Khronika Mekhmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoi khudozhestvennoi literatury XVII v. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016. 388 s.

2. Бирюков П. Н. Международное право. М.: Юристъ, 1998. 416 с.

Biryukov P. N. Mezhdunarodnoe pravo. M.: Yurist, 1998. 416 s.

3. Буткевич О. В. У истоков международного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр пресс», 2008. 881 с.

Butkevich O. V. U istokov mezhdunarodnogo prava. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr press», 2008. 881 s.

4. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). Simferopol': Antikva, 2015. 936 s. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и К°., 1992. 512 с.

Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Klyshnikov, Komarov i Ko., 1992. 512 s.

6. Мнение Иосафа патриарха и всего Освященного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 1861. Т. 2. С. 372–374.

Mnenie Iosafa patriarkha i vsego Osvyashchennogo sobora // Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. 1861. T. 2. S. 372–374.

7. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.

Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 448 s.

8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. С. 13–135.

Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami vo vtoroi polovine XVII veka // Novosel'skii A. A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma. M.: Nauka, 1994. S. 13–135.

9. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. Симферополь, 2008. 600 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya. T. 2: TAURICA ORIENTALIA / Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya. Simferopol', 2008. 600 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 12).

10. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXV. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 462 s.

11. Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереяславского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.

Faizov S. F. Pis'ma khanov Islam-Gireya III i Mukhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhailovichu i korolyu Yanu Kazimiru. 1654–1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni. M.: Gumanitarii, 2003. 168 s.

12. Шумилов В. Н. Дело земского собора 1639 г. // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 293–302.

Shumilov V. N. Delo zemskogo sobora 1639 g. // Dvoryanstvo i krepostnoi stroi v Rossii XVI–XVIII vv. Sbornik statei, posvyashchennyi pamyati A. A. Novosel'skogo. M.: Nauka, 1975. S. 293–302.

13. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется…». М.: Международные отношения, 1988. 216 с.

Yuzefovich L. A. «Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya…». M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 s.

14. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

Yuzefovich L. A. Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVII v. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2007. 344 s.

Pochekaev R. Yu. The Shades of the Ambassadorial Law in the Moscow-Crimean Relations in the middle of the 17th c.

The article is an attempt to clarify specific features of legal regulation of relations between Moscow State and Crimean Khanate – in particular, of attitude of their authorities towards the personal immunity of ambassadors. By two examples of the middle of the 17th cc. author examines on whom the rulers of both states laid the blame for such harm-doing and attempts to explain why authorities of Moscow and Crimea practiced different responsibility for offence against the ambassadorial law.

Keywords: Moscow State, Crimean Khanate, ambassadorial law, immunity of diplomats, Zemskiy sobor of 1639, Islam-Geray III, Muhammad-Geray IV.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 53–62.

УДК 908(1-924.71):910(047.2)«18/19»

КРЫМСКИЙ МАРШРУТ ГРАН-ТУРОВ ПО РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

Прохорова Т. А.

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Российская Федерация
E-mail: grejpfrut@mail.ru

Проанализирован феномен путешествия, которое как форма познания окружающего мира насчитывает не одну тысячу лет. Отмечено, что практика путешествий стала особенно популярной в эпоху Просвещения, когда стали практиковать гран-туры. Определено, что в это время формируется «крымский маршрут». Гран-туры, предпринимаемые в Россию и Крым, были немного скромнее и могут быть названы образовательными поездками. В последующее время познавательный аспект вояжей оставался все так же актуальным.

Ключевые слова: путешествия, гран-тур, Просвещение, Крым.

Крымоведение как крымский вариант регионального краеведения оформилось сравнительно недавно, но уже стало одним из наиболее актуальных направлений современных историографических штудий [см., например: 1–9]. Круг исторических источников, используемых специалистами по крымской истории, необычайно широк: от археологических находок до архивных документов новейшего времени. Особую роль в перечне исторических нарративов занимает путевая литература о Крыме.

Объединенные условным названием «путевая литература» (англ. travel writing) сочинения путешественников привлекательны как для исследователей, так и для широкого круга почитателей словесности, любителей истории и культуры. К трудам вояжеров обращались историки и археологи, были среди них и исследователи Крыма. Ученые, как правило, опускали эмоциональные пассажи авторов записок, их интересовала конкретика: рассказы о природе полуострова, его жителях, их быте, верованиях, описания исторических памятников Крыма.

Современными исследователями неоднократно подчеркивалась огромная роль травелогов в изучении Крыма, много было сказано о формировании «крымского текста» [10; 11], но за рамками внимания историков оставался тот факт, что образовательные поездки в Крым были частью общеевропейского явления совершения гран-туров – продолжительных путешествий аристократической молодежи к крупнейшим европейским историческим и культурным центрам.

Крым первой половины XIX в. – европейская terra incognita – был местом паломничества для многих путешественников, которых объединяла жажда информации. Российские историки, художники, литераторы, государственные служащие и монаршие особы устремились на юг с целью побывать в Тавриде – романтичном и загадочном уголке с ароматом Востока. Жителям XIX в., в которых не угасал дух Просвещения, было трудно определить, каков же вектор исторического развития полуострова: здесь переплелись судьбы Древней Греции и Рима, кочевых народов, Генуи, Венеции, Крымского ханства… И все это оказалось во власти российской короны. Искушение поехать в Крым было велико: увидеть руины легендарного Боспора, побродить по

земле грозных скифов и тавров, ощутить вдохновение Геродота и Страбона – об этом мечтал всякий мало-мальски образованный человек. Для иностранных путешественников важен бы опыт сравнений, что нередко выливалось в некий политический и научный шпионаж. Добавим к этому то, что путешествовать было модно. XIX столетие называют «золотым веком» путешествий для европейцев. Среди пилигримов Крыма первой половины XIX в. были профессора, учёные и исследователи, известные далеко за пределами своей родины, такие как В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, Н. Н. Мурзакевич, Э. Д. Кларк, Ф. Дюбуа де Монпере. Наряду с ними в Крым приезжали молодые путешественники без чинов, званий и научных степеней. Сюда их приводила любовь к авантюрам, желание познавать, долг перед службой или же охота за новыми впечатлениями, однако в итоге они неизбежно вдохновлялись экзотикой Крыма, брались за перо и делились своими чувствами от пережитого.

В конце XVIII в. Крым был включен в маршрут путешествий по Восточной Европе и России; некоторые решались ехать еще дальше – в Южную Африку, Центральную Америку. В XVIII в. маршрут путешествий был стандартный: Лондон – Рим – Неаполь – Париж; другой вариант того же пути пролегал по морю. Взяв обратный курс, путешествовали по Нижней Германии. Развитие инфраструктуры и увеличение колониальных владений создали новые возможности для путешествий из Северной Европы. Из Британии отправлялись морем на Средний Восток через Гибралтар и Мальту. Плыли в Александрию, оттуда в Каир, далее шла Святая земля и гора Синай, после отправлялись в Иерусалим, посещали также Константинополь, Дамаск и Афины. Эти несколько месяцев, проведенные богатыми людьми за рубежом, были паузой между учебой и работой, юностью и, следовательно, взрослой жизнью. Чаще всего кульминацией поездки были Италия и Греция – колыбель европейской цивилизации. В поездке молодые люди посещали оперу, скупали шедевры Ренессанса, учились манерам и этикету, искали себе наставников, приобретали новые знания. Этот вид путешествий получил название гран-туров. Но прежде чем практиковать крымский маршрут, гран-туристы должны были решиться приехать в Россию, частью которой Крым стал в 1783 г.

Гран-тур (англ. Grand Tour) был традиционной поездкой по Европе, осуществляемой главным образом европейской аристократической молодежью за собственными средства или, если юноша был скромного происхождения, за счет богатых покровителей. Особо массовым явлением гран-туры стали с середины XVII в. Конец «эпохи гран-туров», как принято считать в Европе, наступил в 40-х гг. XIX в. со снижением интереса к неоклассицизму и с развитием железнодорожного и пароходного транспорта, которые сделали путешествия более массовыми и доступными, и путешествия были лишены романтики и духа авантюризма.

Основная ценность гран-тура заключалась в возможности прикоснуться к античному культурному наследию и произведениям эпохи Возрождения, а также познакомиться с представителями с аристократического общества европейских столиц. Для многих вояжеров это была единственная возможность в жизни увидеть конкретные произведения искусства или услышать определенную музыку. Гран-тур мог длиться от нескольких месяцев до нескольких лет и обычно проводился в сопровождении зна-

ющего гида или наставника. Для аристократов гран-тур был нечто большее, чем поверхностная культурная поездка, влияние знати в XVIII в. определялось в большей мере культурной гегемонией, нежели проявлениями экономической или физической (военной) силы [12, p. 43].

В сущности содержание европейских гран-туров не носило характер ученого или религиозного паломничества, хотя подобные элементы в поездке могли присутствовать или даже превалировать. В XVII в. гран-тур становится прекрасной возможностью раскрыть свой талант для молодых художников. Росту популярности таких поездок способствовали сочинения, освещающие образовательные вояжи. Вскоре появились руководства по совершению гран-туров, где были обозначены обязательные места для посещения, список тех произведений искусства, знакомство с которыми было также обязательной частью программы. После посещения Рима и Неаполя путь следовал на юг Италии и на Мальту, еще меньше решались ехать в Грецию, все еще находящуюся под властью Турции, и Россию.

С выходом в свет сочинения Джона Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690 г.) оформляется идея о путешествии ради любопытства и обучения [13]. Знание, как следовало из новой философской парадигмы, происходило исключительно из внешних чувств. Таким образом, можно было максимально «использовать» окружающий мир, принимая от него все, что он предлагает. Путешествия поэтому были необходимы для одного, чтобы сменять обстановку, развивать ум и расширять знания о мире. Историк Э. Гиббон, вспоминая свой гран-тур, который он совершил, будучи молодым человеком, отмечал, что «зарубежные поездки завершают образование английского джентльмена». Классический гран-тур не только дополнял гуманитарное образование, но и позволял приобрести эксклюзивные вещи, пополнив свою коллекцию, способствуя таким образом росту престижа и статуса участников. Гран-тур был также символом богатства и свободы [14].

Развитие парового транспорта сделало гран-туры дешевле, доступнее, безопаснее и проще. В типичный маршрут были включены уже Германия и Швейцария, границы гран-туров расширялись все дальше на восток и достигли наконец глубин России.

В 1696 г. на российский престол вступил Петр I, который испытывал страсть к путешествиям и сам неоднократно возглавлял «великие посольства» в европейские страны. С момента начала его путешествий в Россию также потянулись путешественники, посвятившие свои путевые заметки описаниям российской столицы, реформ и правления царя. Первым гран-туристом из числа британских подданных, посетившим Россию, считается анонимный «английский джентльмен», автор «Нового атласа, или путешествий и странствий по Европе, Азии, Африке и Америке» (1698), написанного после 9 лет путешествий с 1684 г. [15]. Автор проехал через Москву, поднявшись по Волге из Астрахани, проехав через Вологду и Новгород и отправившись дальше в Польшу. «Прорубив окно в Европу», Петр Алексеевич способствовал тому, что и Россия распахнула свои двери для разных категорий иностранных вояжеров. К запискам путешественников прибавились и пассажи, написанные приглашенными из Европы специалистами, которые по долгу контракта или службы длительное время

жили в России и имели возможность воочию наблюдать за проходившими там переменами. Из Британии на работу в Россию приезжали архитекторы, ландшафтные садовники, каменотесы, кузнецы, мастера, инженеры, но лишь некоторые оставляли записки о своем пребывании в России. Следующее XIX столетие было гораздо богаче на подобного рода записки.

Свои впечатления о пребывании в России первым запечатлел британский посол Чарльз Уитуорт, проживший в России 10 лет, автор сочинения «Описание России, какой она была в 1710 г.» [16]. Спустя некоторое время вышло сочинение другого посла в России – «Описание России в 1767 г.» Джорджа Макартни [17]. Их сочинения привлекли внимание Русского Императорского исторического общества и были опубликованы в сборнике, объединившем подобного рода сюжеты, полные описаний придворных интриг, сплетен, политических и военных афер и социальных перемен (в «Сборнике Русского Императорского археологического общества», т. 39, 50, 61). В их числе – переписка британского консул-генерала Томаса Уорда и его секретаря Клаудиуса Рондо с британским правительством в 1728–1733 гг., включающая инструкции и депеши [18]; экстраординарного и полномочного представителя в России лорда Джеймса Тайроли в 1744 г., сменившего его Джона Хиндфорда в 1745–1749 гг., воспоминания Мельхиора Гай Дикенса в 1750–1753 гг., а также депеши, адресованные Чарльзу Каркарту и написанные им в разные периоды в 1769, 1770 и 1772 гг.

Не менее плодотворным было писательское творчество купцов и коммерсантов, работавших в Московской и Русской компаниях и следовавших торговыми путями в Сибирь, Китай, Персию и Индию через Россию, – Джеймса Спилмена («Путешествие через Россию в Персию», 1742 г.), Джоны Хэнвэя («Исторический очерк британской торговли на Каспийском море, с журналом автора путешествия из Англии через Россию в Персию», 1754 г.) [19; 20].

Отдельной группой авторов следует выделить священников англиканской церкви, направленных в Санкт-Петербург, Москву, Архангельск и Одессу Русской компанией для ее британских служащих. В их числе были преподобные Томас Консет, Джон Глен Кинг и Уильям Тук, живописавшие русское православие и историю.

В списке сочинений о России XVIII в. значатся и произведения докторов, несущих медицинскую службу при императорском дворе, в крупных образовательных и торговых учреждениях, а также в аристократических домах. Свои воспоминания о России оставили два шотландских доктора Джон Кук и Джон Белл (автор «Путешествия из Петербурга в России в различные части Азии», 1763 г.) [21]. Большинство же врачей оставили свои заметки неопубликованными, за исключением доктора Мэттью Гатри, терапевта Дворянского Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге при Екатерине II, автора многочисленных анонимных статей в лондонский журнал «The Bee» в 1790-х гг., но известного как «редактор» сочинения его жены Мэри Гатри, совершившей вояж в Крым в 1795–1796 гг. (опубликован в Лондоне в 1802 г.) [22]. Миссис Гатри, в свою очередь, была последней из женщин, чьи заметки, по крайне мере в виде писем, были опубликованы в XVIII в. Британские гувернантки чаще встречались в домах русской знати с середины XIX в. Нередко записки оставались анонимными, при этом первым и наиболее распространенным псевдонимом для англо-русского

контекста была подпись «леди». Среди женской части авторов особо следует отметить Элизабет Крейвен – первую британскую туристку, совершившую свое приключенческое путешествие через Крым в Константинополь и опубликовавшую свои письма в то время, когда Россия по ряду причин стала все чаще появляться в списке туристических маршрутов.

В XVIII в. особую популярность приобретают гран-туры, главной целью которых, по выражению доктора Джонсона, было «увидеть берега Средиземноморья» [23, p. 28], но в то же время и северные земли манили наиболее бесстрашных путешественников. Основание в 1703 г. Санкт-Петербурга, которому пророчили славу Северной Венеции, способствовало оживлению интереса путешественников к России. Отныне иностранцы стали собираться в путь, руководствуясь исключительно туристским интересом и желанием увидеть достопримечательности российской столицы. С этой целью в Россию приехал 25-летний сэр Фрэнсис Дэшвуд, сопровождая чрезвычайного посла барона Форбса в Санкт-Петербург в июне 1733 г., а также итальянского ученого Франческо Альгьяротти в 1738 г., оставившего первые туристские заметки о петровской столице, которые увидели свет в английском переводе в 1769 г.

Первым британцем, кого мы безоговорочно можем назвать гранд-туристом, оставившим описание Санкт-Петербурга, которое вскоре вышло в свет, был 23-летний Натаниэль Рэксолл, однако специфическое обозначение «Северный тур» в названии труда появляется только с выходом книги Джона Хеникера в 1775 г. Русские «туры» стали совершаться все чаще по мере того, как XVIII в. подходил к концу, и это было обусловлено тем, как мало было известно в Европе о России, и тем, что главные труды о России, читаемые европейцами, были написаны «кабинетными» путешественниками (наиболее популярные из них – Дж. Маршалл, Р. Джон, П. Н. Шентро и У. Томсон).

Не только приезжие оставляли описания, но и их учителя, шутливо называемые «вожаками медведя», которые сопровождали молодых аристократов в дальних путешествиях. Двое из них, оба Кембриджские преподаватели, приобрели особую известность в конце XVIII – начале XIX в.: Уильям Кокс и Э. Д. Кларк. Первый проделал вполне стандартный путь из Польши в Россию, а Кларк двинулся из Москвы в Крым и к берегам Азовского моря, а затем – в Константинополь. За год до известного путешествия Екатерины II по южным провинциям своего государства по достопримечательным местам этого края путешествовала леди Крейвен, оставив одно из первых полных описаний Крыма в XVIII в. Справедливости ради стоит отметить статью неизвестного британского офицера, опубликованную в «Gentlemen's Magazine» в 1786 г. и представленную публике как единственное описание Крыма. Тогда же в Таврику приехал Ш. Ж. Ромм со своими учениками – П. Строгановым и А. Воронихиным.

Имя Шарля Жильбера Ромма (1750–1795) более известно из-за его связи с историей французской революции. Французская историография насчитывает несколько десятков работ, посвященных революционной страничке в его жизни [24; 25; 26]. Вполне закономерно, что российские историки занялись изучением российского периода его жизни (в России он пробыл почти семь лет как воспитатель единственного сына графа А. С. Строганова) [27]. Прибыв в Россию в декабре 1789 г., Ромм обрел в

усадьбе Строгановых второй дом: к нему относились как к члену семьи, он полностью руководил воспитанием юного Павла Строганова и даже давал по этому поводу указания отцу [28].

Ромм был талантливым учителем; основным педагогическим приемом он считал закалку духа, поскольку она пробуждала в человеке волю к освоению окружающей действительности. Путешествия должны были познакомить Павла Строганова с родной страной, акцент делался на изучение родного языка, географии России, ее промышленности, быта и народов. О путешествиях исследователи могут узнать из трех сохранившихся дневников: 1781 г. – в Нижний; 1784 г. – к Белому морю и 1786 г. – в Крым. Ко времени последнего вояжа Ромм был уже опытным пилигримом. Большую роль в освоении полуострова сыграли некоторые путешествия, которые он изучил накануне («Выписки из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма», напечатанные в «Месяцеслове» на 1783 г., «Описание Тавриды» К. И. Габлица, вышедшие за год до его посещения Крыма).

Еще одним путешественником, практиковавшим образовательные вояжи на изломе XVIII в., был Эдвард Дениэл Кларк (Edward Daniel Clarke; 1769–1822). В Крыму Э. Д. Кларк побывал в 1800 г. Английский натуралист, минеролог и путешественник, уроженец города Виллингдона (графство Сассекс), он всегда испытывал страсть к путешествиям, но, поскольку семья его была небогата, на возможность странствовать приходилось зарабатывать усердным трудом. Частными уроками заработал средства на путешествие по Германии, Швейцарии, Италии (жил в Неаполе в 1792–1794 гг.); в 1796 г. вместе с другим учеником, сыном лорда Уксбриджа, путешествовал по Шотландии и Восточной Исландии, а в 1799 г. вместе со своим воспитанником Дж. Криппсом (J. M. Cripps) отправляется в путешествие по Европе, маршрут которого пролегал через Норвегию, Швецию, Россию, Крым, Константинополь, Родос, Египет и Палестину [29].

Путешественник приехал в Крым, когда в России «процветала тирания императора Павла» [30, p. 373]. В Тавриде Кларку удалось отвлечься от негативного впечатления, которое произвела на него «деспотичная» Россия. Проезжая Керчь, Феодосию, Карасубазар, Бахчисарай, Симферополь, Севастополь и Козлов, Кларк уделял огромное внимание древностям. В Юго-Западном Крыму он, прежде всего, осмотрел Инкерман, особенно его привлекла средневековая крепость, которую, по его мнению, построил еще Диофант, часовни, церкви с арочными окнами и саркофагами, вырытые в скале, мост через реку (акведук). В Севастополе главным объектом посещения был Херсонес – разрушенный и разобранный русскими на строительный материал, особенно его двухпанцирные стены, остатки мола, некрополь, расположенный неподалеку Евпаторий. Не обошел автор вниманием и Балаклаву, напомнившую ему Помпеи. Обозрение этих объектов составило великолепную образовательную программу для иностранных визитеров.

В XIX в. постепенно формируется иная разновидность гран-тура – теперь путешествовали без сопровождения наставников и гувернеров. Это способствовало тому, что труды, написанные после такого путешествия, создавались без знания и без понимания российской истории, традиций и обычаев ее народов – главного предмета своего описания. Такие опусы вполне закономерно вызывали негодование русских.

Вот что услышал от своего русского собеседника Лейт Ричи: «Мне кажется странным, что вы, англичане, приезжаете в Россию с целю ознакомиться с традициями и характером людей, не понимая ни единого слова на их языке. Вы приезжаете сюда, полные предрассудков относительно нас как нации. Вы видите все вокруг враждебным и непохожим на привычные для вас дома вещи, кроме этикета в домах нескольких семей, у которых вы гостите. Вы не предпринимаете никаких попыток изучить, понять или постичь окружающие обычаи. Вы оцениваете Россию как грубого и мощного монстра, рассматривая его через свой театральный бинокль или из окон своего экипажа. В городах единственным авторитетом для себя вы признаете ваших проводников, в деревнях вы скитаетесь в неведении, не имея возможности что-либо понять или что-либо спросить. Удовлетворенные увиденным, вы затем возвращаетесь домой и без капли злобного чувства в душе, но преисполненные невежества, садитесь за написание новых очерков, лживых и абсурдных, которыми и так наводнена Европа» [31, p. 24–25].

Совершенно очевидно, что путешественники, находясь в Крыму в течение двух-трех недель, описывали местные порядки и обычаи весьма поверхностно, не ставя перед собой цели составить объективное описание края. Трактовка многих явлений, общая неприглядная картина быта, сложности, возникающие в пути из-за отсутствия инфраструктуры, усиливали эффект неприязненного отношения к российским порядкам. Совершенно иначе Россия представлена в трудах тех иностранцев, которые несколько лет прожили в стране и, соответственно, были более близки к «пониманию русских». В числе этих авторов следует назвать женщин, служивших в домах дворян в качестве гувернанток: Элизабет Ригби, Ребекка МакКой, Мэри Смит и Шарлота Бурне. Однако окончательно ключ к этому «пониманию» был найден иностранными живописателями россйиских обычаев в ходе Крымской войны.

В эпоху романтизма, сентиментализма и позитивизма (конец XVIII – начало XIX в.) просвещенные представители европейской общественности сознавали важность путешествий в образовательном процессе благодаря сочинениям Ф. Поссе (Franz Posselt) и французских просветителей (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье) [32, с. 487–490]. И в реалиях современного мира поездки чрезвычайно полезны: они расширяют кругозор, пополняя запас знаний и разрушая стереотипы. По выражению Ф. Бэкона, «человек, отправляющийся в путешествие в страну, языка которой не знает, собственно, отправляется в школу, а не в путешествие», сам автор использовал поездки для изучения языков, обычаев народов, форм государственного правления и характеров государственных деятелей. Возвращение к этой формуле актуально для современных процессов образования, учитывая возможности нынешних субъектов образования. Мобильность современного общества, виртуализация и глобализация путешествий не лишают их главного назначения – служить делу Просвещения.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с.

Nepomnyashchiy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX veka) / A. A. Nepomnyashchiy ; In-t ukr. arkheografii i istochnikovedeniya im. M. S. Grushevskogo NAN Ukrainy. – K., 1999. – 212 s.

2. Непомнящий А. А. Иностранные путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України : проблеми національного та культурного розвитку : міжн. наук.-метод. конф. : наук. доп. : у 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.

Nepomnyashchiy A. A. Inostrannye puteshestvenniki o kolonizatsii Kryma v kontse XVIII – XIX veke / A. A. Nepomnyashchiy // Zaselennya Pivdnya Ukraïni : problemi natsional'nogo ta kul'turnogo rozvitku : mizhn. nauk.-metod. konf. : nauk. dop. : u 2 ch. – Kherson, 1997. – Ch. 1. – S. 219–223.

3. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Сімферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.

Nepomnyashchiy A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya) : biobibliografichne doslidzhennya / A. A. Nepomnyashchiy. – Simferopol' : Biznes-inform, 2003. – 456 s.

4. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 138–144.

Nepomnyashchiy A. A. Mandrivnitstvo po Krimu u pershiy tretini KhIKh st. ta yogo rol' u rozvitku kraєznavstva ta turizmu / A. A. Nepomnyashchiy // Turistichno-kraєznavchi doslidzhennya / In-t turizmu FPU. – Kiïv, 1998. – Vip. 1 : mater. III Vseukr. nauk.-prakt. konf. «Turizm v Ukraïni : ekonomika ta kul'tura» : u 2 ch. – Ch. 2. – S. 138–144.

5. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII–XX вв. о Крыме : реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.

Deremedved' E. N. Angliyskaya literatura puteshestviy XVIII–XX vv. o Kryme : realizatsiya protsessa kommunikatsii / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2004. – № 49. – S. 112–115.

6. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.

7. Деремедведь Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.

Deremedved' E. N. Krym glazami angliyskogo puteshestvennika R. Layella / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. – № 43. – S. 163–169.

8. Мальгин А. В. Русская Ривьера : курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи : конец XVIII – начало XX в. / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 352 с.

Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era : kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii : konets XVIII – nachalo XX v. / A. V. Mal'gin. – Simferopol' : SONAT, 2006. – 352 s.

9. Громенко С. В. Stepy, morze i góry : польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / С. В. Громенко ; под ред. проф. А. А. Непомнящего ; Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Крым. ун-т культуры, искусств и туризма, Крым. о-во поляков. – Симферополь : Антиква, 2011. – 304 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 14).

Gromenko S. V. Stepy, morze i góry : pol'skie puteshestvenniki kontsa KhVIII – nachala KhKh veka o Kryme / S. V. Gromenko ; pod red. prof. A. A. Nepomnyashchego ; Tavr. nats. un-t im. V. I. Vernadskogo, Krym. un-t kul'tury, iskusstv i turizma, Krym. o-vo polyakov. – Simferopol' : Antikva, 2011. – 304 s. – (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya» ; vyp. 14).

10. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста : дисс. … канд. культуролог. наук / А. П. Люсый. – М., 2003. – 267 с.

Lyusyy A. P. Krymskiy tekst russkoy kul'tury i problema mifologicheskogo konteksta : diss. … kand. kul'turolog. nauk / A. P. Lyusyy. – M., 2003. – 267 s.

11. Крымский текст в русской культуре : мат. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб., 2008. – 250 с.

Krymskiy tekst v russkoy kul'ture : mat. mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg, 4–6 sentyabrya 2006 g. / Pod red. N. Buks, M. N. Virolaynen. – SPb., 2008. – 250 s.

12. Thompson E. P. The making of working class / E. P. Thompson. – London : Penguin Adult, 1991. – 958 p.

13. Locke J. An Essay concerning Human Understanding : in 4 books / Locke J.. – London, 1690.

14. Chaney E. Gibbon, Beckford and the Interpretation of «Dreams, Waking Thoughts and Incidents» / E. Chaney // The Beckford Society Annual Lectures. – London, 2004. – P. 25–50.

15. C.T. The new atlas, or travels and voyages in Europe, Asia, Africa and America, through the most renowned part of the world / C. T. – London : J. Cleave and A. Roper, 1698. – 236 p.

16. Whitworth Ch. An account of Russia as it was in the year 1710 / Ch. Whitworth. – Twickenham : Strawberry Hill, 1758. – 158 p.

17. Macartney G. An account of Russia MDCCLXVII / G. Macartney. – London : privately printed, 1768. – 230 p.

18. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 61 : [Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе : сообщено из английского Государственного архива Министерства иностранных дел. Ч. 5]. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1888. – XI, 610, [4] с.

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – T. 61 : [Diplomaticheskaya perepiska angliyskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore : soobshcheno iz angliyskogo Gosudarstvennogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del. Ch. 5]. – SPb. : Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1888. – XI, 610, [4] s.

19. Spilman J. A journey through Russia into Persia; by two English gentlemen, who went in the year 1739, in order to make a discovery how the trade from Great Britain might be carried on from Astracan over the Caspian / J. Spilman. – London : Dodsley, 1742. – 70 p.

20. Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels from England through Russia, Germany and Holland : in 4 vols. / J. Hanway. – London : sold by Mr. Dodsley, Mr. Nourse, Mr. Millar and others, 1753.

21. Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia : in 2 vols./ J. Bell. – Glasgow : printed for the author by Andrew and Robert Foulis, sold by R. and A. Foulis and others, 1763.

22. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea : the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy / M. Guthrie. – London : T. Cadell, 1802. – 459 p.

23. Boswell J. Life of Johnson LL.D. : in 4 vols. / J. Boswell. – Oxford : Published by Talboys and Wheeler ; London : William Pickering, 1826. – Vol. 3. – 401 p.

24. Ehrard J. Gilbert Romme (1750–1795), actes du colloque de Riom (19 et 20 mai 1995) / J. Ehrard. – Riom, 1996. – 304 p.

25. Brunel F. Les derniers Montagnards et l'unité révolutionnaire / F. Brunel. // Annales historiques de la Révolution française. – 1977. – № 229. – P. 385–404.

26. Ehrard J. Romme vu à travers ses livres / J. Ehrard // Annales historiques de la Révolution française. – 1996. – № 304. – P. 195–205.

27. Раткевич К. И. К биографии Жильбера Рома / К. И. Раткевич // Ученые записки Ленинградского государственного университета: серия исторических наук. – 1940. – Вып. 6. – № 52. – С. 264–275.

Ratkevich K. I. K biografii Zhil'bera Roma / K. I. Ratkevich // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta: seriya istoricheskikh nauk. – 1940. – Vyp. 6. – № 52. – S. 264–275.

28. Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов : история необычного союза / А. В. Чудинов. – М., 2010. – 344 с.

Chudinov A. V. Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov : istoriya neobychnogo soyuza / A. V. Chudinov. – M., 2010. – 344 c.

29. The Life and Remains of the Rev. Edward Daniel Clarke, LL. D. Professor of Mineralogy in the University of Cambridge // The Cambridge Quarterly review and academical register. – London, 1824. – Vol. 1. – P. 19–51.

30. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe Asia and Africa. Part 1 : Russia, Tartary and Turkey / E. D. Clarke. – Ed. 4. – London, 1817. – Vol. 2. – 549 p.

31. Cross A. In the land of Romanovs: an annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian empire (1613–1917) / A. Cross. – Cambridge : Open Book Publishers, 2014. – 419 p.

32. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. / Ж.-Ж. Руссо. – Т. 1 : Эмиль, или о воспитании. – М., 1981. – 656 с.

Russo Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya : v 2 t. / Zh.-Zh. Russo. – T. 1 : Emil', ili o vospitanii. – M., 1981. – 656 c.

Prochorova T. A. The Crimean route of the grand tours to Russia in XVIII–XIX centuries

The article is devoted to the phenomenon of «travel», which is a form of knowledge of the world more than one thousand years. It is noted that the travel practice became especially popular during the Enlightenment, when they began to practice the grand tours. It was determined that the «Crimean route» was formed at this time. Grand tours undertaken in Russia and the Crimea were a bit more modest and could be called educational trips. In the subsequent time the cognitive aspect of voyages remained still actual.

Key words*:* travels, grand tours, The Enlightenment, the Crimea.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 63–79.

УДК 811'512.16

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИДЕНТИФИКАЦИИ СОСЛОВНЫХ ТИТУЛОВ, ЗВАНИЙ, ДОЛЖНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ РЕЕСТРОВ СУДОВ ШАРИАТА XVII–XVIII ВВ.

Рустемов О. Д.

Ардаханский университет, Ардахан, Турция
E-mail: ali_rustem@rambler.ru

Титулы и сословные звания наряду с письменными формами обращения являются важными свидетельствами лингвокультурного состояния определенной эпохи у разных народов. Кадиаскерские книги Крымского ханства как раз можно рассматривать как один из источников такой информации. В статье речь идет о состоянии синкретичной языковой культуры Крыма в XVII – XVIII вв. не только на уровне взаимодействия арабского и тюркского языков, но также и на уровне смены традиций ордынского тюркского языка на традиции языка огузской группы, соотносимого с языком тюрок сельджуков восточной Анатолии, Кавказа и Крыма. В этой связи титулы и звания, представленные в работе, являются своеобразным срезом, освещающим указанные процессы.

Ключевые слова: титулатура, сословные звания, Крымское ханство, крымские судебные реестры, кадиаскерские книги, формы обращения.

Кадиаскерские книги[1], или судебные сборники, Крымского ханства являются источником самой разнообразной информации относительно быта и социальных взаимоотношений крымских татар, государственного административного устройства, особенностей синкретичного тюрко-мусульманского права, основанного, прежде всего, на шариате, в практике которого присутствовали также элементы древних, собственно тюркских обычаев и юридически значимых регуляторных правил (более подробно об особенностях крымского права см. [8; 9; 14]. О чрезвычайно содержательной стороне в описании внутренней жизни Крымского государства в ханскую эпоху писал первый исследователь этих документов Владимир Смирнов, который и назвал их кадиаскерскими тетрадями и сообщил, что первые тома начинаются с XVI-го века [15, С. 33], тогда как в сохранившейся коллекции сегодня самый ранний том относится к периоду 1608–1612 гг., а общее их количество составляет сто двадцать один том (подробней см. [5]).

С конца XIX века и по настоящее время книги крымских кадиев неоднократно появлялись в поле зрения как отечественной, так и зарубежной ученой общественности, но систематическому изучению они до сих пор не подвергались.

Историю изучения данных памятников крымского делового языка мы подробно описывали в своих предыдущих работах [9; 24]. Из всех исследовательских школ необходимо отметить усилия турецких ученых, которые сделали цифровые копии

[1] Кадиаскерские книги описываются нами по следующему источнику: Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90. Тома: 1, 3, 22, 23.

некоторой части томов и выпустили две книги по материалам, содержащимся там [18; 23]. Одновременно с этим необходимо отметить, что предмет их исследований сводится исключительно к историческому аспекту и в некоторой степени повторяется в каждом из указанных изданий. Прежде всего, это описания социально-экономической жизни отдельного города Карасу-Базара или полуострова в целом, включающие в себя также информацию об административном устройстве и аппарате управления Крымского государства, отдельные аспекты его монетарной политики и некоторые другие общие сведения о ремеслах, сельском хозяйстве, торговле и прочих видах экономической деятельности.

С 1925 года, после публикации крымского лингвиста-тюрколога Бекира Чобан-заде [20] в отечественном востоковедении эти документы, по сути, были преданы забвению, если не считать заметки Васильевой от 1993-го года о доступности для чтения и изучения указанных книг в хранилищах РНБ[1] в Санкт-Петербурге.

С другой стороны, турецкие ученые, работающие с крымскими памятниками, фокусируют свое внимание, как правило, на информации исторического характера, оставляя в стороне филологический аспект изучения документов, несмотря на богатый и любопытный материал, содержащийся в них.

В попытках восполнить этот пробел, нами был опубликован ряд статей, посвященных вопросам внутренней стилистики, особенностям различных типов документов, топонимики и другим проблемам языковедческого характера [9–13].

Исследования в области внутренней лингвистики крымских судебных книг актуальны с точки зрения определения диалектной базы тюркского языка, истории становления крымского книжного стиля и истории языка в целом. В этой связи языковой материал, представленный в крымских сиджилях[2], предполагает ряд направлений работы с ним.

Первое направление должно быть основано на анализе тюркской лексики, с учетом соотнесенности ее с историческими литературными центрами и ареалами распространения тюркских диалектов, а впоследствии и сформировавшихся языков в синхронном континууме с изучаемыми памятниками. Говоря об анализе лексического материала, необходимо отметить также важность подробного наблюдения за явлениями синтаксиса и морфологического словообразования опять же в компаративистском ключе. Подобное исследование позволит описать языковую ситуацию изучаемой эпохи, а его конечным результатом будет точное определение диалектного состава языка и его принадлежности к той или иной языковой группе.

Более широкое исследование не только крымских кадиаскерских книг, но и многих других памятников крымскотатарского языка в диахронии его развития способно дать четкое и уверенное представление об истории языка, об этапах формирования его основного ядра, субстратных и адстратных явлениях в нем, об истории сосуществования разноязыких литературных традиций и особенностях становления современного языка

[1] Российская национальная библиотека, до 1992 года – Российская публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).

[2] *Сиджиль* (осм. из араб. *sicil* – سجل) – книга юридических актов, реестр, запись; *«sicil kesmek»* – вынести приговор.

на более поздних этапах. Результаты этого исследования помогут выработать основные принципы языковой политики в наше время.

Изучение истории становления книжного стиля должно проходить в русле исследования исторической стилистики крымскотатарского языка, которое представляет собой совершенно неизведанное поле, за исключением статей обще-описательного характера [11].

На стыке двух направлений, а именно истории языка и исторической стилистики, мы позиционируем вопросы изучения крымской титулатуры, сословных званий и модальных обращений (эпитетов).

В плане языковых традиций здесь необходимо различать совершенно разные лингвокультурные источники: арабский, в гораздо меньшей степени – персидский и тюркский языки. Первоначальные характеристики языка памятников позволяют определить его как крымский вариант османского языка. Общим с собственно османским языком является, прежде всего, большое количество традиционных арабских заимствований, которые в документах официально-делового, научного или исторического характера заняли следующие языковые ниши: отраслевая и научная терминология, абстрактно-понятийная лексика, в том числе и религиозного характера, форманты служебных частей речи, такие как предлоги, послелоги и союзы, а также наречия различного типа. По-арабски в исследуемых памятниках написаны даты, включая существительные, связанные с временными понятиями: gurre / ‘غره’ – первый день всякого месяца; evvel / ‘اول’ – начало, первая половина месяца; ahîr / ‘اخر’ – последняя, вторая половина месяца. Или такие арабо-тюркские выражения: sene-i kâmil’i-ye dek / ‘سنۀ كاملۀ دك’ – по завершении года (дословно: «как год будет полным»), где все значимые слова – арабские, а тюркской является только частица – «dek», сопоставимая с союзным словом «как» (сравнение: как *что-то*), совпадающего по значению также с пространственно-временным предлогом «до» (как придет осень = до осени; как перейдешь реку = как доплывешь до того берега).

Такую ситуацию венгерский тюрколог Немет описал в свое время как наличие в османском языке «двойной системы» [22], подразумевая под этим, что арабо-персидские заимствования образуют в нем отдельный, совершенно обособленный слой. Такого же мнения придерживался В. Г. Гузев в своих наблюдениях за явлениями в староосманском языке [7, С. 12–13].

В отношении сословных титулов, ремесленных званий, а также эпитетов распределение долей речевых средств имеет ту же картину, что и на всех других языковых уровнях. В большей степени здесь проявляется наличие арабских слов, тюркских гораздо меньше. В приведенной ниже таблице можно увидеть соотношение этих терминов, которые мы выбрали из источника[1] путем стратификации по языковому и семантическим признакам:

[1] Источником послужил 1-ый том записей крымских судов шариата бахчисарайского кадылыка (судебного округа) [Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90. Том: 1, Страниц – 94; Разворотов – 188. Рукопись. Письменность – арабская, язык – османский, крымскотатарский]

№	Должность	Значение, перевод
1.	Abd-i mezun (عبد مأذون) / (араб.).	1. Раб, имеющий разрешение на торговлю, совершать куплю-продажу различных товаров.
2.	Ağa (اغا) / (тюрк.)	1. Чиновник, порученец, офицер (дворцовой стражи и т. п.). 2. Влиятельный, авторитетный человек. 3. Старший брат.
3.	Âhenger (آهنگر) / (фарси)	Кузнец (на монетном дворе).
4.	A'lem (اعلم) / (араб.).	От «âlim»: знаток, знающий лучше всех, осведомленный лучше остальных. A'lem-ül-ulemâ – ученейший среди ученых.
5.	Aqay (آقای) / (Крым. тюрк.)	Мужчина, муж. Обращение к лицам мужского пола. Обращение к старшим с оттенком уважения. Слово западно-кыпчакского происхождения. В памятниках встречается в составе личных имен.
6.	Atalıq (اتالق) (тюрк).	1. Наставник; учитель в военном деле. 2. Отчим. 3. Чиновник высшего разряда, опора государства, государственный смотритель.
7.	Ayân (اعیان) / (араб.).	1. Пожилой, мужчина. 2. Староста (деревни, квартала). 3. В Османское время – передовые люди своего городка, поселения. 4. Форма обращения. 5. *Омоним*: Очевидный, известный.
8.	Bazirgân (bezirgân) (بازرگان) (фарси)	То же, что: «tüccar» (араб.). – торговец, купец.
9.	Bek (بک) / (тюрк.).	1. Сильный, могучий, здоровый. 2. Совпадает с турецким словом: «beğ» – муж, мужчина; правитель области, глава племени или племенного союза; владетель; богатый и авторитетный человек.
10.	Bey (بای) / (тюрк.).	1. Употребляется как эпитет после имени собственного (Кенан-бек / Кылычбей), совпадает по значению со словами «bek» или «beğ».
11.	Beyt-ül-mal emini (بيت المال امين) / (араб.).	Хранитель казны, хранитель общественного имущества, которое сдается ему для сохранения. Таковыми были, например, капитаны торговых кораблей, кому купцы перед выходом на берег иногда отдавали на хранение свои деньги или товары.
12.	Bikeç (بکچ) / (тюрк.).	1. Молодая женщина. Молодая госпожа. 2. Невестка; золовка.
13.	Bölük Başı (بولکباشی) / (тюрк.).	1. Командир подразделения янычар, сопоставимого с ротой. Командир роты янычар.
14.	Cariye (جاريه) / (араб.).	Невольница, рабыня.
15.	Çavuş (چاوش) (фарси).	1. Руководитель в каком-то деле, старший. 2. Судебный пристав. 3. *Воен.* Старшина, сержант (звание), командир отделения.
16.	Çelebi (چلبی) / (тюрк.).	1. В значении «бей» – «господин», хорошо одетый, воспитанный, образованный молодой человек, горожанин. 2. Титул сыновей турецкого султана до XV-го века. 3. Самое высокое звание в суфийском ордене Бекташи. 4. Христианские купцы.
17.	Çora (چواه) / (тюрк.).	Работник, батрак; раб, слуга.
18.	Debbağ (tabaq) (باغ) / (араб.).	Кожевенник, дубильщик кожи.
19.	Defterdar (دفتردار) / (фарси).	В Османской империи – звание министра финансов.
20.	Derzi (terzi) (درزی) / (фарси).	Портной, закройщик.

21.	Efendi (افندى/ (араб.).	Господин, просвещенный человек. Обращение к светским чиновникам.
22.	El-Bevvab (البوّاب) / (араб.).	Страж ворот, швейцар, охранник (см. qapıcı).
23.	Elhac, El-hacı, hacı (الحاج) / (араб.).	Хаджи, паломник сходивший в хадж – обязательное для каждого мусульманина действие (фарз) – посещение Мекки и Каабы хотя бы раз при своей жизни.
24.	El-Hafız (الحافظ) / (араб.).	Чтец Корана, тот кто знает Коран наизусть. Происходит от одного корня с «hafıza» – «память».
25.	El-İmam (الامام) / (араб.).	Настоятель соборной мечети, глава мусульманского прихода.
26.	El-Kâtib (الكاتب/ (араб.).	1. Писатель, пишущий книги. 2. Секретарь, писарь. 3. В Османской империи – чиновник, ведающий официальной перепиской, подготавливающий официальные письма и указы на специальном государственном совете – Диване. 4. Государственный служащий.
27.	El-Müderris (المدرس) / (араб.).	Учитель, педагог, наставник.
28.	El-Müezzin (المؤذن) / (араб.).	Муэдзин.
29.	El-Vaiz (الواعظ) / (араб.).	Проповедник, учитель в делах веры
30.	Emir İstabl. (امير الاصطبل) / (араб.+франц.).	Смотритель (эмир) конюшен. Ср. ‘Mir ahur’.
31.	En-Naib (النائب) / (араб.).	В крымских сиджилях: «помощник, заместитель судьи».
32.	Er-Racil (الراجل) / (араб.).	1. Пеший, идущий пешком. 2. Пехотинец; пеший воин, вооруженный ружьем. Мушкетер. (ср. Piyade).
33.	Eş-Şeyh (الشيخ) / (араб.).	Духовный наставник; Глава монашеского ордена, настоятель суфийской обители (теккие). Предводитель племени, клана.
34.	Gazî (الغازي) / (араб.).	Изначально: название вольных воинов-добровольцев, защитников веры, правды и справедливости. Понятие встречается в мусульманских источниках с X–XI вв. В Крымском ханстве – титул, прибавлявшийся к именам дворян, воителей, воинов Ислама, показавших себя как храбрые воины в походах и войнах прошлых лет.
35.	Gülâm (الام) / (араб.).	Мальчик, невольник, юноша в услужении.
36.	Haddekeş (حدكش) / (араб.+фарси)	Прокатчик заготовок под монеты на монетном дворе. Хаддекеш нарезал из медного или серебряного прута монеты и подгонял их под нужный диаметр.
37.	Hâkim (حاكم) / (араб.).	1. Выносящий решение (хукм), один из эпитетов Аллаха. 2. Судья, стоящий надо всем. 3. Эмир, правитель области, губернатор.
38.	Halife (خليفه) / (араб.).	1. То же, что «халиф». Некто, занимающий должность и несущий обязанности по защите веры и мусульман как векиль (уполномоченный представитель, заместитель) пророка Мухаммада. 2. Правитель. 3. Звание некоторых из османских султанов. 4. Чиновник первого класса, секретарь у Высокого порога (во дворце султана). 5. Некто хорошо воспитанный и образованный, благочестивый. 6. То же, что «кальфа» – ученик и помощник торговца в бакалейной лавке.

39.	Hammâmci (حمامجی) / (фарси+тюрк.).	Банщик. Смотритель бани.
40.	Han (خان) / (тюрк.).	Хан, правитель тюркского государства. Высший ранг в тюркской феодальной иерархии. После Чингиз-хана ханами могли быть только потомки из его дома, чингизиды. Все остальные тюркские правители именовали себя султанами, эмирами или шахами.
41.	Hani Sultan (خانی سلطان) (тюрк.+араб.).	Принцесса, дочь хана.
42.	Hatun (خاتون / тюрк.).	Госпожа, дама. Замужняя женщина, жена.
43.	Hazinedar başı (خزینه داربشی) / (араб.+фарси+тюрк.).	Главный казначей. КСС. С. 16-В (1-79 / 76). Текст 2-ой.
44.	Hazret (حضرت) / (араб.).	Происходит от «huzûr» (близость, перед, впереди; присутствие, присутствующий). Мн. Форма. «hazerât». Звание. Употребляется с целью подчеркнуть уважение, мощь, величие того, о ком идет речь. (Hazret-i, Peygamber / Хазрет Посланник /, Hazret-i Ali / Хазрет Али / 4-ый халиф, зять пророка Мухаммеда САС). В форме «Hazretleri» звание употреблялось после имени власть имущих и важных людей, в том числе и хана – Selâmet Giray han Hazretleri.
45.	Hudâvendigâr (خداوندگار) / (фарси).	1. Эмир, правитель. 2. Звание османского султана Мурада Первого.
46.	İbn (ابن) / (араб.).	Сын.
47.	İbne (ابنه) / (араб.).	Дочь.
48.	Kâfir (کافر) / (араб.).	Неверующий. Не признающий единства Аллаха, не признающий Истины. Не мусульманин.
49.	Keskiçi (کسکیجی (тюрк.).	Резчики монет на монетном дворе.
50.	Kilârcı Başı (الرجی بشی) / (фарси+тюрк.).	От «Kilâr» (фарси) – амбар, склад, подпол, погреб. И «Baş» (тюрк.) – голова, глава; начальник, руководитель. Интендант, главный интендант, хранитель государственных или армейских припасов и провианта.
51.	Körükçü (کرکچی (тюрк.).	Костровые, следящие за температурой огня в плавильне на монетном дворе и поддающие воздух мехами.
52.	Köyne (کوینه) / (тюрк.).	Зять. Жених. Ср. – küykü, kiyev, damat.
53.	Mahderrat (مخدرات) / (араб.).	Эпитет. множ. число от «mahdure» – покрытые (закрытые чадрой) женщины.
54.	Ma'zûl (معزول) / (араб.).	От (azl) освобожденный (от должности), уволенный.
55.	Mermerci (مرمرجی) / (араб.+ тюрк.).	Мраморных дел мастер, резчик по мрамору.
56.	Mevlâna (مولانا) / (араб.).	1. Образованный человек, господин. 2. Выступает в значении «Эфенди». 3. Употребляется в значении «Хазрет».
57.	Mirza (مرزا) от / «emir-zade» – «сын эмира» (араб. + фарси).	Владелец наследственного титула, дворянин.
58.	Müfettiş (مفتش) / (араб.).	Инспектор, ревизор, проверяющий (от «teftiş» – инспекция, выездная комиссия, проверка).

59.	Müftü (müfti) (مفتی) (араб.).	От «фетвы» (решение знатоков веры по какому-нибудь спорному вопросу или иску». Муфтий, настоятель мечети, тот, кто дает фетву, комментарий, решение.
60.	Muhtesib (محتسب) / (араб.).	1. Чиновник, назначаемый властями города, надзирающий за соблюдением правил торговли, правильными весами и ценами, ремесленниками и торговцами. Имел полномочия для наказания виновных. 2. Полицмейстер.
61.	Muhzır (محضر) / (араб.).	(от: huzûr) – пристав в суде шариата, чиновник, вызывающий на суд.
62.	Mülâzım (ملازم) / (араб.).	От «lüzûm» (нужный, необходимый). 1) Некто прикипевший и не покидающий какого-либо места или человека. 2) Стажер, практикант, работающий без оплаты. 3) *воен*. лейтенант.
63.	Mürteziqa (مرتزقه) / (араб.).	От: «rızq» – пропитание, средства для жизни, хлеб насущный. Получатели выгоды, платы, арендаторы. Служители вакфа (переданные в мусульманскую общину объекты недвижимости: баня, магазины, ремесленные цеха, лавки, мельницы и т. п.), получающие свою плату с эксплуатации данных объектов.
64.	Müşter (i) (مشتری) / (араб.).	Покупатель, клиент
65.	Mütevelli (متولی) (араб.).	1. Выполняющий обязанности, заместитель, попечитель. 2. Управляющий вакфом.
66.	Müvezzi' (موزع) / (араб).	От: «vez'». Мн. «müvezziîn»: 1. Распределяющий, распределитель, разделяющий, распространяющий. 2) курьер, почтальон.
67.	Nâib (نایب) / (араб.).	1. Уполномоченный (*кем-то*), представитель (*чей-то*), заместитель. 2. Помощник судьи. Судья в небольшом поселении.
68.	Naqqaş (نقاش/ (фарси).	Мастер узоров, резчик по дереву, художник, расписывающий стены
69.	Oğul (اوغل؛ اوغول) / (тюрк.).	Сын.
70.	Paşa (پاشا) / (араб.).	1. Старший брат. 2. В Османской империи звание гражданских чиновников первого ранга и армейских офицеров, званием выше албая (полковника)
71.	Pergali (پرگالی) (фарси).	От «Pergal» – циркуль. Разметчики монет на монетном дворе
72.	Pir (پیر) / (фарси).	1. Старец, престарелый, пожилой мужчина. Отец-основатель. 2. Основатель тариката (путь, образ жизни, набор приемов духовной и медитативной практики в эзотерическом исламе – суфизме) или определенного вида искусства (как, например, танец дервишей Джелалледдина Руми). Учитель, наставник.
73.	Qadi /qazi/qadiy (قاضی/ (араб.).	Судья (кадий).
74.	Qalğay (qağılğa) (قالغاي؛ قاغالغی / (тюрк.).	Букв. «пусть останется». Калгай – в Крыму титул второго после хана лица государства, наследник престола, тот, кто займет место хана после его смерти.
75.	Qardaş (قاردش / (тюрк.).	Брат. Младший брат, братишка.
76.	Qayın (قاین / (тюрк.).	Брат жены.
77.	Qazaq (قزاق / (тюрк.).	1. «Казак» от тюркского (кадзак / качак) – бегущий от властей, 2. Родственник (как правило, брат) – соперник тюркского правителя (хана), прячущийся от него в степях, в попытке

		собрать вокруг себя сподвижников и захватить власть. 3. Казак – житель юга украины и России, военное сословие вольных людей, живущих по законам казачьей республики.
78.	Qazasker (kadiasker) / (араб.). (قضاعسكر)	Происходит от: «qaza+asker». Изначально: «военный судья». Впоследствии – глава всех кадиев (судей) государства, осуществлявший назначение судей на должность после экзаменов.
79.	Qız (قز) / (тюрк.).	1. Дочь, дочка. 2. Девица, девочка.
80.	Reis (رئيس) / (араб.).	Главарь, лидер. В крымских сиджилях означает «капитан судна».
81.	Şablacı (شباجى).	Шаблонщики монет на монетном дворе. Проверял вес монеты и ее соответствие стандартам, а также вел учет им).
82.	Şağırd (شاگرد/ (фарси).	Ученик, подмастерье у ремесленника, мастера.
83.	Sekban / (фарси).	1. Псарь, воспитатель и дрессировщик собак для охоты. Особое сословие в войске янычар. Загонщик дичи на охоте. 2. Особый род войск, несущих пограничную службу. Гвардия губернаторов (вали) провинций.
84.	Seyyid (سيد) / (араб.).	1. Происходящие из рода Хазрета Хасана, сына четвертого халифа Али, зятя Пророка Мухаммада. Хазрет Али был женат на дочери Пророка – Фатиме. Поэтому считается, что в жилах их сыновей – Хасана и Хусейна течет кровь Мухаммада. 2. Господин. 3. Старший, старшина. 4. Начальник.
85.	Sikkezen (سكه زن/ (араб.).	Гравировщики монет, подготавливающие и наносящие надписи и рисунки на монетном дворе.
86.	Sipâh (سپاه) / (фарси).	Солдат, воин. Армия, армейский, военный, войсковой
87.	Tamğacı (تمغاجي) / (тюрк.).	От «Tamğa» 1. Изготовитель тамг (тавро), печатей. 2. Тот, кто метит скот тамгой. 3. Таможенник, ставящий печать (тамгу) на перечень ввозимого товара.
88.	Tayfa-yı yehudidan (طايفه يهوديدان) (араб.).	(Происхождением) из еврейского племени. «Tayfa» – клан; община; сословие. В Крымском ханстве иудеи служили в ханской канцелярии, казначеями, работали в монетных домах. Были торговыми представителями, просто торговцами и иногда шпионами в пользу крымского хана.
89.	Tolabkeş (طوبلاكش) / (араб.+фарси).	Мастер-прессовальщик на монетном дворе. Отвечал за работу мельничной турбины и прокатного станка.
90.	Tüfenkçi (تفنك/ (фарси+тюрк.).	Янычар, вооруженный ружьем, стрелок.
91.	Udul-i müslimin (عدول مسلمين) / (араб.).	Справедливые мусульмане. Мусульмане, верящие в Единого Бога. Те, кто может выступать свидетелем в судах шариата. По законам шариата, иудеи или христиане не допускались к свидетельству, хотя их показания могли быть выслушаны, но их должны были обязательно подтвердить как минимум двое мусульман-мужчин. Минимальное количество свидетельниц-мусульманок должно было быть не менее четырех. То есть на каждого свидетеля-мужчину – две свидетельницы-женщины.
92.	Usta (اوستاه) / (фарси). От – ûstâd (اوستاد).	1) Мастер своего дела, умелец. 2) Эксперт в какой-либо области, профессор. 3) Звание среди ремесленников в османское время.

93.	Vasî (وصى) / (араб.).	Душеприказчик, опекун над ребенком-сиротой, хранитель его наследства до того, как ребенок вырастет.
94.	Vekil (وكيل) / (араб.).	Адвокат, представитель *кого-л.*, имеющий полномочия от *кого-л.*; действующий от *чьего-л.* имени.
95.	Yeniçeri (ينيچرى) / (тюрк.).	Буквально: «новое войско», «новая армия». Янычары. Регулярная пехота Османской империи в 1365–1826 годах. Янычары вместе с сипахами (тяжелой конницей) и акынджы (лёгкой иррегулярной конницей) составляли основу войска в Османской Турции. Были частью полков капыкулу (личной гвардии султана, состоявшей из профессиональных воинов, официально считавшихся султанскими рабами). Янычарские полки выполняли в османском государстве также полицейские, охранные, пожарные и, при необходимости, карательные функции.
96.	Zevce (زوجه) / (араб.).	Жена, супруга
97.	Zevci (زوجى) / (араб.).	Муж, супруг
98.	Zimmi (ذمي) / (араб.).	Христиане и иудеи, являющиеся подданными исламского государства и платящие харадж (дополнительный налог с немусульман, замещающий им воинскую службу)

В приведенной таблице представлен далеко не полный перечень всех должностей и чинов, которые имели хождение в Крымском ханстве в XVI–XVII вв. Это определенный срез, который был извлечен из первого тома крымских сиджилей. С точки зрения истории языка он демонстрирует явное доминирование османской литературной традиции, на которую был ориентирован язык памятников. В нем присутствует засилье арабских терминов самых разнообразных уровней. Прежде всего, в количественном отношении их явно больше, чем тюркских и персидских вместе взятых.

Их 98-ми терминов, выписанных в таблицу, мы видим всего 20 тюркских, и, 5 составных (арабо- или ирано-тюркских) и 15 заимствованных из языка фарси. При этом слова иранского происхождения почти все связаны с названиями различных профессий или ремесел, за исключением слова “hudâvendigâr”, что означает «обладатель», «хозяин» и употребляется в качестве титула правителя страны (султана или падишаха).

В свою очередь, арабские заимствования употребляются в сплошную. Здесь мы различаем слова и со значениями профессий и ремесел, такие как «muhtesib» (полицмейстер), «haddekeş» (прессовщик), «qadi» (судья), «debbağ» (дубильщик кожи), или такой термин арабо-тюркского словообразования как «mermerci» (мраморных дел мастер), где значимое слово «mermer» / «мрамор» – арабское, а суффикс, обозначающий человека по роду деятельности, «-ci» – тюркский.

Наряду с такими словами мы обнаруживаем в составе письменного крымскотатарского языка арабские заимствования из области духовных званий и определений: «Kâfir» (неверный); «Seyyid»; «Müezzin» (муэдзин), «İmam» (имам), «Müfti» (муфтий), «Şeyhü’l-İslâm» (шейх-уль-ислам), «‘Udul-i müslimin» (справедливые мусульмане), и т. п. В этой связи необходимо сказать, что не просто должности, духовные звания и определения людей по отношению их к Исламу

номинировались арабоязычной лексикой, но вообще вся религиозно-философская, понятийная и техническая терминология была арабоязычной. То есть духовная жизнь крымских и османских тюрок, как и связанные с ней коммуникативная и эмпирическая сферы деятельности, были почти полностью вписаны в арабскую и отчасти персидскую лингвокультурную традицию.

На других лексических уровнях мы наблюдаем подобную экспансию арабского языка, которая проявляется даже в таких семасиологических гнездах, как терминология родства: Ümm (Мать), Uht (Дочь), Bin (Сын), Zevc (Муж), Zevce (Жена), Sagir (Младший).

Арабские термины вытеснили тюркские словоформы в сфере экономики, военной и юридической терминологии. В крымских судебных документах встречаются даже термины, заимствованные самими арабами в эпоху крестовых походов из французского языка, например, «Emir İstabl» / (смотритель конюшен), где «İstabl» – испорченное французское «stable» (конюшня).

Помимо терминологии и обычных лексических понятий, арабизмы в османском и крымскотатарском языках стали источником формирования также и стилистически окрашенных языковых средств, которые соотносятся с модальностью высказывания. Особенно ярко это проявилось в этикетных оборотах и фигурах речи как в частных письмах, так и официально-деловых документах. В результате цветистые, хвалебные обращения стали неотъемлемой частью культуры в текстах эпистолярного жанра и ханских ярлыках, обращенных к подданным. Вот несколько примеров таких арабоязычных обращений к различным сословным лицам Крымского государства:

1. Umdeti’l-eshâbü’l-iclâl (عمدت اصحاب الاجلال) / (араб.). Эпитет. Опора обладателей могущества. Опора великих. Из обращения султана в письме к вельможе, знатному воину, предводителю дворянского рода, высокому чиновнику. [25. КСС 1 Том, С. 13-А (1-82 / 80), Текст 1-ый].

2. Mufahru’l-quzat (مفاخر القضاة/ Эпитет. Гордость всех кадиев; достойнейший из судей. «Фахр» – достойный похвалы; нечто или некто, являющееся причиной восхваления, воспевания.

3. Fahrü’l-aqrân (فخر الاقران / (араб.). Эпитет. Гордость среди себе подобных, достойный, достойный восхваления среди равных. Из обращения султана в письме к вельможе, знатному воину, предводителю дворянского рода, высокому чиновнику. [КСС 1 Том, С. 13-А (1-82 / 80), Текст 1-ый].

4. Fahrü’l-quzat (فخر القضاة/ (араб.). Эпитет. Гордость всех судей. КСС С. 15-А (1-80 / 77). Текст № 4.

5. Celil’il-qadr (جليل القدرت / (араб.) Букв. «степень и звание великие (могущественые). Ваше (Его) Превосходительство, Его Сиятельство. Письменное обращение к вельможному чиновнику».

6. Fuzalâ (فضلاء/ (араб.). Эпитет. Наделенные благородством, благородные, щедрые сердцем (при упоминании какого-либо сословия, например, сословия кадиев).

7. Azam (اعظم) / (араб.) Эпитет. Величайший, могущественнейший (употреблялся при упоминании хана).

8. Qıdveti'l-erbâbi'l-ikbâl (قدوت ارباب الاقبال / (араб.). Эпитет. Предводитель счастливых людей (т. е. счастливых от того, что у них есть такой предводитель). Из письма турецкого султана санджак-бею (наместнику крымской провинции Кефе / Каффы).

Несомненно, что все эти традиции цветистых обращений и высокопарной титулатуры арабо-мусульманского мира пришли в Крым из Османской империи, потому что в ярлыках ордынского периода, а также в более поздних тарханных или дипломатических ярлыках, исходящих из канцелярии непосредственно крымских ханов даже того времени, к которому относятся рассматриваемые здесь кадийские сиджили, слог был гораздо скромнее, а лексика преимущественно была тюркского происхождения (подробней см. [3; 6; 17; 21]). О таком состоянии языка крымских ярлыков пишет также М. А. Усманов: «В отличие от особенностей крымскотурецкой переписки, где еще в последней четверти XV в. происходит „отуречивание", во внутренних документах традиционный официальный язык на кыпчакской основе функционировал еще долго. Об этом свидетельствуют жалования Сахиб-Гирая (№ 16–24), в которых почти полностью отсутствуют элементы османско-турецкого влияния. Язык и стиль этих суюргальных ярлыков отличаются простотой, ясностью, лаконизмом» [16, С. 109].

Таким образом, язык кадиаскерских книг является языком искусственным, не лишенным, однако, при этом изящества и отточенности литературных форм. Тот факт, что все тюрки – анатолийские, закавказские, среднеазиатские и крымские – с большой охотой допускали замену тюркских лексем на арабские, объясняется причинами религиозного характера. В понимании мусульман Коран являлся самой совершенной книгой, которую может только читать смертный, а потому слог и язык Корана – первейший образец для подражания. Рифмованная проза (садж) в сочетании с яркими кораническими образами и метафорами создавала неизгладимое впечатление у чтецов и слушателей (подробней о стилистике кадиаскерских книг см. [13]). Кроме этого, приобщение к исламской переднеазиатской урбанизированной культуре выглядело как цивилизационный переход на новый уровень, что, естественно, вызывало у тюркских мусульман желание подражать на фоне очарования и восхищения (вызванных, возможно, ложными чувствами) великолепием этой культурой.

В отношении же тюркской части языка крымских судебных реестров можно сказать, что зачастую он выступает в качестве вспомогательного средства, ограниченного, в первую очередь, синтаксическими функциями. Во-первых, сам строй речи текстов памятника, построенных по образцу тюркского синтаксиса, и воспринимается именно таким образом. Исключением могут быть фразы и словосочетания, составленные по принципу иранских либо арабских мастаров. Но в целом, нарративный рисунок совпадает с понятием тюркской повествовательной системы. Во-вторых, в построении фраз в большинстве случаев участвуют тюркские глаголы, которые являются непосредственной частью диктума и сообщают признаки действия (прежде всего, время и число). Например, «sual olunub...» (будучи спрошенным…); «takrir-i kelâm idub...» (дав показания по делу…), «...şahidiz, şehadet dahi ideriz.» (тому мы свидетели и свидетельства свои также приносим).

Кроме того, в значительной части сиджилей тюркская лексика представлена в достаточно большом объеме. В этих текстах, особенно в таких, где речь идет о разделе наследства (qısmet-i mevaris), в большом количестве, гораздо превышающим число арабизмов, встречаются тюркские лексемы из таких категорий, как: числительные, названия мастей животных (лошадей и коров), названия животных по их состоянию (возраст, здоровье, порода), приметы людей в словесных портретах и описаниях невольников, предметы быта, оружие, посуда, независимые глаголы, не связанные с арабскими существительными, личные имена людей, топонимика и пр. В большинстве случаев эта тюркская лексика соотносима с южной ветвью огузской группы алтайской (тюркской) языковой семьи. То есть тюркский язык кадиаскерских книг отличается от языка ханских ярлыков, являющегося западно-кыпчакским по своей сути, и содержащего в себе большое количество элементов восточно-кыпчакского, а именно уйгурского языка, распространённого в улусах Джучи и Чагатая.

Этот факт несовпадения диалектной базы возможно было бы объяснить влиянием османского языка. Однако язык крымских памятников отличен также и от османского. Мы склонны считать, что язык крымских судебных реестров является языком тюрок-сельджуков, в большом количестве проникших в Крым и территории за пределами крымского полуострова в X-XIII вв. О миграции огузских племен в Крым свидетельствуют данные археологии [1; 4], описания историков [2; 15], данные топонимики (Салгъыр / Салыр / Салур – название огузского племени; р. Качы – «плотина» на огузском наречии, и целый ряд названий крымских деревень и поселений).

В свете представленных нами данных тюркское население Крымского ханства выглядит довольно неоднородным. То, каким оно было до прихода гузов (огузов) в X-ом и куманов в XII веках, в настоящее время сказать затруднительно. Но то, что до прихода ордынских татар огузы и куманы сосуществовали вместе говорят даже данные известного словаря начала XIII-го века «Codex Cumanicus». В нем наряду с кыпчакскими словами довольно часто встречаются лексемы явно огузского происхождения, которые в контексте словаря представляют собой случаи абсолютной синонимии [19].

После присоединения Крыма к государству, управляемым Бату ханом и его потомками, полуостров вместе с примыкающими к нему степями Дешт-и Кыпчак стал на какое-то время периферией Золотой Орды. Это состояние, как известно, продлилось до середины XV-го века. Все это время в Крыму утверждались ордынские письменные традиции, примеров которым на сегодняшний день мы имеем достаточно. С конца XV-го века Крымское ханство переходит в вассальную зависимость к Османской империи, после чего литературные нормы, основанные на смеси уйгурского и кыпчакского (куманского) языков, начинают уступать свои позиции османскому языку вместе с сопутствующими ему литературными вкусами и канонами.

Это положение вещей отразилось и на титулатуре тюркского происхождения, присутствующей в крымских сиджилях. Она не идентична тем званиям и титулам, которые мы встречаем в ханских ярлыках и которые имеют свою давнюю и

устойчивую традицию. Объяснить этот факт можно стремлением высших крымских чиновников унифицировать документооборот и язык юридических бумаг с османскими документами. Это было требование полного перехода крымской судебной системы на основу шариата и мусульманского права, в корне отличной от предшествующей судебной системы Золотой Орды, в которой в большой степени присутствовали традиции тюркского узуального права.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на рубеже XVII–VIII веков стали складываться собственно крымские нормы литературного, в том числе и делового языка. Это в некоторой степени подтверждают данные того небольшого языкового кластера, который представляют собой титулы и звания населения Крымского ханства. Эти титулы и звания в указанном нами отрезке времени являлись своеобразным симбиозом, сочетающим в себе восточно- и среднеазиатские языковые традиции (ярлыки) и традиции южного и юго-западных огузских диалектов, ориентированных, в конечном итоге, на Стамбул. Однако в отношении всего тюркского языка крымских кадиаскерских книг можно сделать предварительное заключение о его принадлежности к общему южному диалекту, имевшему распространение в восточной Анатолии, Азербайджане и Крыму. Окончательные же выводы по этому вопросу можно будет сделать в результате специальных исследований языка судебных реестров Крымского ханства.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ

Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90.
Том 22
Список мастеровых ханского монетного двора.
Страница 97-А (3-А). Текст – 2 (правая сторона разворота)

Оригинальный текст:

1 satır. Esâmâ-yi ummâl-i (عمّال) darbhaneyi Hazret-i Han
2 satır. Haddekeş ve tolabkeş adet dört nefer: Abdulkerim, Ahmed, Ali, ıtaq yehudi İshaq; âhenger Muqaddes zimmi.
3 satır. Ve iki şağırdı. Pergali adet iki nefer: Yasif ve diger Yasif. Keskiçiler adet dört nefer: Hasan, Hüseyn,
4 satır. Seyfullah, Yusuf. Şablacı adet altı nefer: Arslan, Çerkez, Yehuda yehudi ve şagirdi Yusuf
5 satır. Mustafa, Hüseyn. Körükçü adet iki: Davut, Harun. Sikkezen adet dört nefer. İsrail, Mortukay,
6 satır. Muşi, İlya yehudi.

Перевод

Имена служащих на монетном дворе Хазрета Хана.

Мастер-прокатчик и мастер прессовщик – четыре человека: Абдулькерим, Ахмед, Али и отпущенник иудей Исхак; кузнец зимми (не мусульманин) Мукаддес и два ученика (шагирда); разметчики монет – два человека: Ясиф и другой Ясиф. Нарезчики монет, – четыре человека: Хасан, Хусейн, Сейфуллах, Юсуф. Шаблонщик – шесть человек: Арслан, Черкез, иудей Иехуда; и ученики Юсуф, Мустафа, Хусейн. Костровые – два человека: Давут, Харун.

Гравировщики монет – четыре человека: Исраиль, Мортекай (Мордехай), Муши (Мойша), иудей Илья.

Том 22

Ярлык Мурад Гирей хана о новом стандарте монет
Страница 97-А (3-А). Текст – 3 (правая строна разворота).

Оригинальный текст:

1 satır. Bais-i menşür-i beşaret-i (بشارت) (közaydın) muhsin-i han-i ve tevki'-i refi'-i hükümet-i nefs-i haqani budur ki, hani nevbaht-i Ali-taht saadet makrunnında
2 satır. cülûs-i hümayunuň vaki olub qanun-i qadim-i padişahanem üzre darbhane işledüb zir-i (altında) hükümetimizde olan
3 satır. şehirler ve köylerde sikke-i cedid-i hani icra olunmaq fermanım olduğından darbhane hidmetine me'mur
4 satır. olanlar bâlâde defter olunub ve yetmiş ayar üzere sim han-i qat olunmaq fermanım olub zikr olunan
5 satır. ayardan bir dakika noksan ve ziyad idenler qat'-i yed (el kesilir) ve ibret-i alem olmaq şartıyla umumen hidmet-i darbhanede olanlar
6 satır. yedine bu sikke tis'a ve semânîn ve elf-i mah-i Rebiul-ahîrun dörtüncü gününden bu emr-i devlet tebliğin
7 satır. ve merkum ve buyurdum ki, bade'l-yevm qanun-i qadim-i şahanemiz üzre darbhanemiz işleyüb darbhane hidmetine
8 satır. Me'mur olanlar zikr olunan ayar üzre sabit qadem olub hile idenler ve yahud ayardan
9 satır. Noqsan idenler qat'-i yed olunub ibret-i alem olmaq şartın üzerlerine iltizam eyleüb
10 satır. Kemale sadaqat ve istiqametle hidmet-i lâzımeleri edasından soňra hidmetleri mukâbilesinde tayın
11 satır. Olunan vazifelerin alub benim devam-i ömr-i devletim ed'iyesine müdâvemet ve mümâreset ideler.
Bi'l-maqamı Bahçesaray.
Перевод:

Поводом для обнародования исполненного радостным известием фермана благодетельного хана и сообщения нашего, скрепленного высокой государственной печатью самого хакана повеления, явилось то, что Мы, недавно взошедшие на высокий престол счастья, согласно закону древних падишахов, будем использовать работу монетного двора так, чтобы в находящихся под нашей державной рукой городах и селах пустить в обращение новую монету. Для этого, согласно Нашему ферману, перечисленные выше и записанные в книгу мастера монетного двора будут бить (в тексте – «нарезать». – *О. Р.*) *серебряные монеты семидесятой пробы* (**ayar** – содержание основного вещества в монетах или изделиях из драгоценных металлов. В данном случае – серебра. – *О. Р.*) *с условием, что, если хотя бы на малую толику в пробе будет недостаток или, наоборот, чрезмерность – виновному, дабы послужило это уроком всему миру, отрежут руку. Посему в согласии с Нашим государственным решением от четвертого дня месяца Реби-уль-ахыра года 1089-го* (1678 г. по европейскому летоисчислению. – *О. Р.*) *и согласно древнему закону всех шахов повелеваем: начиная с этой даты все работники монетных дворов пусть бьют монету установленной пробы и следят за тем, чтобы не было в ней недостатка или чрезмерности с условием, что если такой недостаток или иное мошенничество обнаружится, то будет отрезаема им рука. Посему да*

блюдут они порядок и с совершенством выполняют свои обязанности, следуя Нашей воле. И сослужив свою службу и выполнив все необходимое, пусть продолжают поминать в добрых своих молитвах наше государство, пока длятся дни нашей жизни.

В месте Бахчисарай.

Список использованных источников и литературы

1. Акчокраклы О. Старо-крымские надписи: по раскопкам 1928 года // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1929. – Т. 3.– С. 152–159.

Akchokrakly O. Staro-krymskie nadpisi: po raskopkam 1928 goda // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii. – 1929. – T. 3.– S. 152–159.

2. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература РАН, 2002. – 758 с.

Bartol'd V. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov. Moskva, Vostochnaya literatura RAN, 2002. – 758 s.

3. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1851. – 24 с.

Berezin I. Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluga i Saadet Gireya s vvedeniem, perepis'yu, perevodom i primechaniyami. – Kazan', Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1851. – 24 s.

4. Боданинский У. Чуфут-кале: по материалам раскопок 1928–1929 гг. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1929. – Т. 3. – С. 170–187.

Bodaninskii U. Chufut-kale: po materialam raskopok 1928–1929 gg. // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii. – 1929. – T. 3, S. 170–187.

5. Васильева О. В. Крымско-татарские материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник / Российская национальная библиотека. – СПб., 1993. – Вып. 5. – С. 37–45.

Vasil'eva O. V. Krymsko-tatarskie materialy v Otdele rukopisei // Vostochnoi sbornik / Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. SPb, 1993. Vyp. 5. S. 37–45.

6. Вельяминов-Зернов В. Материалы для изучения Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – СПб., Императорская АН, 1864. – 951 с.

Vel'yaminov-Zernov V. Materialy dlya izucheniya Krymskogo khanstva, izvlechennye po rasporyazheniyu imperatorskoi AN iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del. – SPb., Imperatorskaya AN, 1864. – 951 s.

7. Гузев В. Г. Староосманский язык. – М.: Наука, 1979. – 95 с.

Guzev V. G. Staroosmanskii yazyk. M.: Nauka», 1979. – 95 s.

8. Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. – Казань: Фэн, 2009. – 260 с.

Pochekaev R. Yu. Pravo Zolotoi Ordy. – Kazan', Fen, 2009. – 260 s.

9. Рустемов О. Д. Крымские сиджили XVII – XVIII вв.: жанровая структура юридического документа «хукм» // Вестник СПб университета им. А. С. Пушкина: «Востоковедение. Африканистика. Серия 13. – 2015. – Вып. 1. – С. 55–63.

Rustemov O. D. Krymskie sidzhili XVII-XVIII vv.: zhanrovaya struktura yuridicheskogo dokumenta «khukm» // Vestnik SPb universiteta im. A. S. Pushkina: «Vostokovedenie. Afrikanistika. Seriya 13. 2015.– .Vyp 1. S. 55–63.

10. Рустемов О. Д. Крымские судебные книги: типы документов и их структура. Сходознавство / Інститут сходознавства им. А. Ю. Кримського НАН України. – Київ, 2015. – № 70. – С. 95–114.

Rustemov O. D. Krymskie sudebnye knigi: tipy dokumentov i ikh struktura. Skhodoznavstvo / Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krims'kogo NAN Ukraïni. Kiïv, 2015. № 70. S. 95–114.

11. Рустемов О. Д. Актуальные вопросы исторической стилистики крымскотатарского языка. // Сходознавство Інститут Сходознавства им. А. Ю. Кримського НАН України.– Київ, 2013.– № 67.– С. 111–123.

Rustemov O. D. Aktual'nye voprosy istoricheskoi stilistiki krymskotatarskogo yazyka. // Skhodoznavstvo Institut Skhodoznavstva im. A. Yu. Krims'kogo NAN Ukraïni.– Kiïv, 2013.– № 67.– S. 111–123.

12. Рустемов О. Д. Словесные портреты и описания людей в крымских судебных книгах XVII – XVIII вв. // Золотоордынское обозрение.– 2015.– № 2. – С. 37–42.

Rustemov O. D. Slovesnye portrety i opisaniya lyudei v krymskikh sudebnykh knigakh XVII – XVIII vv. // Zolotoordynskoe obozrenie.– 2015.– № 2. – S. 37–42.

13. Рустемов О. Д. Вопросы стилистических соответствий при переводе текстов судебных решений бахчисарайского сакка на русский язык // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Филология. Социальные коммуникации». – 2014.– Т. 27 (66), № 3.– С. 181–186

Rustemov O. D. Voprosy stilisticheskikh sootvetstvii pri perevode tekstov sudebnykh reshenii bakhchisaraiskogo sakka na russkii yazyk // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». – 2014.– T. 27(66), № 3.– S. 181–186

14. Рустемов О. Д. Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского ханства // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Филология». 2013. – Т. 26(65), № 2. – С. 232–238

Rustemov O. D. Istochniki po izucheniyu stanovleniya ofitsial'no-delovogo stilya krymskotatarskogo yazyka epokhi Krymskogo khanstva // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: «Filologiya». – 2013.– T. 26(65), № 2.– S. 232–238

15. Смирнов В. Д. Крымское Ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– Казань: Изд-во Казанского университета, 1887. – 768 с.

Smirnov V. D. Krymskoe Khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– Kazan', Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1887. – 768 s.

16. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. – 319 с.

Usmanov M. A. Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV – XVI vv. – Kazan', Izd-vo Kazanskogo Universiteta, 1979. – 319 s.

17. Ярцов Я. О. Ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей 1848.– Т. 2. – С. 675–680.

Yartsov Ya. O. Yarlyki krymskikh khanov // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 1848.– T. 2.– S. 675–680.

18. Bıyık, Ömer. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (Административная и социально-экономическая история Крыма). Ötüken Neşriyat, İstanbul, 2014. – 300 s.

Bıyık, Ömer. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (Administrativnaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Kryma). Ötüken Neşriyat, İstanbul, 2014. – 300 s.

19. Codex Cumanicus / Komanisches wörtbuch / Edidit K. Grönbech. Kopenhagen, Einar Munksgaard, 1942. – 411 p

Codex Cumanicus / Komanisches wörtbuch / Edidit K. Grönbech. Kopenhagen, Einar Munksgaard, 1942. – 411 p

20. Çobanzade B. Leningratta Qırım hatireleri / Oquv işleri (ایچتماعی وقو İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri.Bağçesaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5. S. 14–19.

Çobanzade B. Leningratta Qırım hatireleri / Oquv işleri (ایچتماعی وقو İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri.Bağçesaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5. S. 14–19.

21. Kurat Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. – İstanbul, 1940. 212 с.

Kurat Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. – İstanbul, 1940. 212 s.

22. Nemeth J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen). / – "Acta Linguistica Hung". III. 1–2. Budapest, 1953, pp. 153–199.

Nemeth J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen). / – "Acta Linguistica Hung". III. 1–2. Budapest, 1953, pp. 153–199.

23. Özdem, Zeynep. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar). / Zeynep Özdem. – Ankara, 2010. – 197 s.

Özdem, Zeynep. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar). / Zeynep Özdem. – Ankara, 2010. – 197 s.

24. Rustemov O. D. History of discovering and problems in Studying Crimean Court Books of the 17th – 18th centuries / Manuscripta Orientalia. International journal for Oriental Manuscript research. Vol. 21, № 2. December 2015. St-Petersburg, Thesa. P. 58–68.

Rustemov O. D. History of discovering and problems in Studying Crimean Court Books of the 17th – 18th centuries / Manuscripta Orientalia. International journal for Oriental Manuscript research. Vol. 21, № 2. December 2015. St-Petersburg, Thesa. P. 58–68.

Rustemov O. D. The linguistic component in the identification of class titles, ranks, positions of the Crimean Khanate's population based on Sharia court registries of XVII – XVIII centuries

Titles and Class rank names along with the written forms of treatment are important evidence linguacultural state of a certain epoch in different nations. Just regard Kadiasker's books of the Crimean Khanate as one of the sources of such information. The article is about the state of syncretic linguistic culture of the Crimea in the XVII – XVIII centuries**.** It is seen not only at the level of interaction between the Arab and Turkic languages, but also at the level of changing traditions Horde Turkic language for traditions Oghuz language groups that will be mapped to the language of the Seljuk Turks of eastern Anatolia, the Caucasus and Crimea. In this regard, titles and titles presented in the work are original cut covering these processes.

Keywords: titles, class rank, the Crimean Khanate, the Crimean court registries kadiasker's books, forms of address.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 80–87.

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2014 ГОДА В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Сеитова Э. И.

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: elvina_seitova@mail.ru

Фундаментальным инструментом анализа состояния народонаселения является перепись. За постсоветский период истории Крыма состоялось две переписи: в 2001 и в 2014 годах. Они кардинально отличаются друг от друга, так как были проведены на основе законодательства и методики двух разных государств. Перепись населения в Крымском федеральном округе показала ряд очень важных тенденций в демографии региона. Они, в свою очередь, несомненно, будут приняты во внимание при составлении государственных экономических и социальных программ.

Ключевые слова: Крым, перепись, демография, народонаселение.

Перепись населения – это основной источник о народонаселении отдельно взятого региона и страны в целом. Данные переписей являются ключевыми как для историков, так и для экономистов, социологов, других специалистов, а также, что чрезвычайно важно, для государственных органов.

Существует множество определений этой категории. Остановимся на следующем, итак, перепись населения – процесс сбора демографической, экономической и социальной информации, которая характеризует в определенный момент времени каждого жителя страны с целью получить сведения о численности и составе населения, размещении его по территории страны [4, с. 4]. Цель переписи обозначена в ФЗ «О Всероссийской переписи населения». В частности, сказано: «...сбор сведений о лицах, находящихся на определенную дату на территории Российской Федерации». Согласно этому закону, перепись «проводится на всей территории Российской Федерации по единой государственной статистической методологии в целях получения обобщенных демографических, экономических и социальных сведений» [5].

Системное проведение переписей – это важный признак демократического общества. Ведь перепись служит стремлению учесть интересы всех социальных групп.

Современные переписи населения четко структурированы и реализуются в жестком соответствии с обозначенными принципами:

- всеобщий характер (охват всей территории и всего населения государства);
- единство программы учета для всего населения страны;
- одномоментный характер учета (регистрация всего населения по состоянию на одну и ту же дату);
- предельно сжатые сроки учета;
- непосредственное получение сведений у населения;
- индивидуализация сведений (сбор данных о каждом человеке);

- самоопределение (население самостоятельно решает вопрос об отнесении себя к той или иной группе в разрезе программы учета);

- централизация (руководство переписью осуществляется из единого центра) [4, с. 10].

Все это делает перепись быть одним из наиболее ценных источников для многих специалистов.

Демография, историческая демография и статистика имеют на вооружении целый ряд разнообразных источников, которые действуют как самостоятельно, так могут и взаимодополнять друг друга. Назовем, конечно же, текущий статистический учет социально-демографических событий (рождение, смерть, брак, развод); текущие регистры населения (списки, картотеки), а также выборочные и специальные социальные обследования. Однако крупнейшим и комплексным источником о народонаселении является, безусловно, перепись [2].

Крымская перепись 2014 года была особенной, как и исторические события того времени. Прежде всего, отметим, что, обретя независимость, Украина смогла организовать единственную перепись населения, которая прошла в 2001 году. Итоги подсчета населения тогда были следующими. 2024056 человек проживало в АРК и в Севастопольском горсовете – 377153 человека.

Итак, во исполнение распоряжения Правительства РФ от 17 июля 2014 года № 1330-р и протокола совещания у Заместителя председателя правительства РФ Д. Н. Козака от 26.06.2014 № ДК-П13-126-пр 14–25 октября 2014 года было принято решение о проведении федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения.

Формы бланков федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» имели вопросы, которые содержались в переписных листах Всероссийской переписи населения 2010 года. Данная форма была утверждена распоряжением Правительства РФ от 16 декабря 2009 года № 1990-р и соответствует международным рекомендациям по проведению переписей населения и жилого фонда [3, с. 3].

Программа переписи была размещена на трех формах бланков переписных листов:

Переписной лист формы Л содержал вопросы ко всем лицам, постоянно проживающим на территории РК и г. Севастополя.

Переписной лист формы П содержал вопросы о жилищных условиях населения и был предназначен для заполнения в каждом жилом помещении;

Переписной лист формы В содержал вопросы к лицам, временно проживающим на территории РК и г. Севастополя.

Бланки переписных листов представляли двусторонний машиночитаемый документ формата А4. С них впоследствии происходило сканирование и распознавание информации с помощью специально разработанной автоматизированной системы. Для полноты и верности учета населения были реализованы контрольные мероприятия. При их исполнении в работе находились следующие документы:

Форма С «Список лиц». Документ содержал адрес жилого помещения, список лиц, постоянно проживающих в помещении, а также список лиц, временно находившихся в этом помещении на момент переписи населения.

Форма КС «Список лиц для контроля за заполнением переписных листов». Документ составлялся на лиц, имеющих более одного места жительства.

Форма СПР «Справка о прохождении переписи». Документ выдавался тем, кто собирается в период переписи выехать в другое место, и всем бездомным.

После завершения переписи (26–29 октября) инструктором совместно с переписчиком был проведен выборочный контрольный обход 10 % жилых помещений счетного участка и была реализована проверка правильности заполнения переписных документов на всех проживающих в данном жилом помещении [3, с. 17].

Перепись в Крымском федеральном округе впервые проходила на основе законодательства РФ, которое в начале 2000-х годов было в немалой степени дополнено. Уже Всероссийская перепись населения 2002 года проходила в принципиально иных условиях, чем предыдущие. Тогда в первый раз подсчет населения проводился в соответствии с Законом Российской Федерации «О Всероссийской переписи населения». Он зафиксировал основные методологические принципы проведения подобного обследования, метод его реализации, то есть экспедиционный опрос. Совершенно новым положением являлась формулировка п. 4. ст. 1 данного закона. В частности, определялось, что участие во Всероссийской переписи населения является «общественной обязанностью человека и гражданина» [5]. Ранее переписи предполагали обязательное участие населения.

Переходя непосредственно к итогам переписи, выделим результаты по ключевым показателям. Так, численность населения в КФО на 14 октября 2014 года составляла 2293,7 тыс. человек. Из них 8,9 тыс. человек – люди, которые временно находились на территории КФО. Численность постоянного населения КФО составила 2284,8 тыс. человек. Из них в Республике Крым проживает 1891,5 тыс. человек (83 % постоянного населения округа), в г. Севастополе – 393,3 тыс. человек (17 % постоянного населения округа). Среди 85 субъектов Российской Федерации по данному показателю Крым занимает, соответственно, 27 место, а г. Севастополь – 77 место. По сравнению с предыдущей переписью населения 2001 г. численность населения Республики Крым и г. Севастополя суммарно уменьшилась на 116 тыс. человек. Среднегодовые темпы снижения численности населения возросли по сравнению с периодом между переписями 1989 и 2001 годов почти в 2 раза. Численность городского населения КФО составила 1323,1 тыс. человек и по сравнению с переписью 2001 г. сократилась на 291 тыс. человек (18 %). В сельских населенных пунктах проживает 961,7 тыс. человек, что на 175 тыс. человек больше, чем в 2001 году (22 %) [1, с. 7].

В Крымском федеральном округе удельный вес сельского населения в общей численности составляет 42 %. Это существенно выше, чем в среднем по Российской Федерации в 2010 году (26 %). В Республике Крым соотношение горожан и сельских жителей составило 51 % и 49 %, а в г. Севастополе – 92 % и 8 % соответственно. Увеличение доли сельского населения в Крыму обусловлено принятием Закона Республики Крым от 6 июня 2014 г. №18-ЗРК «Об административно-

территориальном устройстве Республики Крым», статьей 5 которого поселки городского типа отнесены к категории сельских населенных пунктов. В КФО на время осуществления переписи было 17 городских населенных пунктов, большая часть из которых – с численностью населения менее 50 тыс. человек. Также насчитывалось 1042 сельских населенных пунктов. Перепись выявила 11 сельских населенных пунктов, где не проживало населения.

Города КФО по численности населения [1, с. 10]

Город	**Численность**	**В процентах к численности населения КФО**
Севастополь	393,3	17,2
Симферополь	332,3	14,5
Керчь	147,0	6,4
Евпатория	105,7	4,6
Ялта	76,7	3,4
Феодосия	69,0	3,0
Джанкой	38,6	1,7
Алушта	29,1	1,3
Бахчисарай	27,4	1,2
Красноперекопск	26,3	1,1
Саки	25,1	1,1
Армянск	22,0	1,0
Судак	16,5	0,7
Белогорск	16,4	0,7
Щелкино	10,6	0,5
Старый Крым	9,3	0,4
Алупка	7,8	0,3

В численности населения Крымского федерального округа мужчины составляют 1050,3 тыс. человек, или 46 %, женщины – 1234,5 тыс. человек, или 54 %. В абсолютном выражении численность женщин превышает численность мужчин на 184,2 тыс., или на 18 %, что несколько выше, чем в среднем по России в 2010 году (16%) [1, с. 47]

	Тысяч человек				В процентах к общей численности населения			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	2001	2014	2001	2014	2001	2014	2001	20214
КФО	1103,5	1050,3	1297,7	1234,5	46,0	46,0	54,0	54,0
РК	931,4	868,6	1092,6	1022,9	46,0	45,9	54,0	54,1
Севастополь	172,1	181,7	205,1	211,6	45,6	46,2	54,4	53,8

В КФО на 1000 мужчин приходится 1175 женщин. Среди городского населения этот показатель составил 1208 женщин на 1000 мужчин, среди сельского – 1131.

Численность населения Крымского федерального округа в трудоспособном возрасте (мужчины 16–59 лет и женщины 16–54 лет) составила 1285,2 тыс. человек, или 56 % общей численности населения, моложе трудоспособного возраста – 377,8 тыс. человек, или 17 % населения и старше трудоспособного возраста – 617,3 тыс. человек, или 27 % населения.

Численность населения Крымского федерального округа между переписями населения по основным возрастным группам изменялась следующим образом [1, с. 49]:

	Мужчины и женщины	Из них в возрасте			В процентах к общей численности населения в возрасте		
		Моложе трудоспособного	трудоспособном	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	трудоспособном	Старше трудоспособного
1926	713823	253427	412844	47039	35,5	57,8	6,6
1939	1126429	395522	646758	83881	35,1	57,4	7,4
1959	1201517	328196	742165	131112	27,3	61,8	10,9
1970	1813502	485159	1079837	245766	26,8	59,5	13,6
1979	2135916	513540	1306398	315454	24,0	61,2	14,8
1989	2430495	583042	1404453	439074	24,0	57,8	18,1
2001	2401209	423066	1435416	541999	17,6	59,8	22,6
2014	2284769	377773	1285187	617282	16,5	56,3	27,0

Здесь следует сказать, что общероссийская динамика старения населения характерна и для нашего региона. Так, численность населения моложе трудоспособного возраста сократилась за период с 2001 года на 45,3 тыс. человек,

или на 11%, в трудоспособном возрасте – на 150 тыс. человек, или на 10%. Численность лиц старше трудоспособного возраста, напротив, увеличилась на 75 тыс. человек, или на 14%. Увеличение численности населения старше трудоспособного возраста отражается на изменении показателя демографической.

Изменение численности населения наиболее многочисленных и иных национальностей Крыма характеризуется следующими данными [1, с. 108]:

	Человек		
	1989	**2001**	**2014**
Все население	2430495	2401209	2284769
Лица, указавшие национальную принадлежность	2430495	2390319	2197564
Русские	1629542	1450394	1492078
Украинцы	625919	576647	344515
Крымские татары	38365	245291	232340
Татары	10762	13602	44996
Белорусы	50054	35157	21694
Азербайджанцы	2415	4377	4432
Узбеки	876	3087	3466
Молдаване	6609	4562	3147
Евреи	17731	5531	3144
Корейцы	2423	3027	2983
Греки	2684	3036	2877
Поляки	6157	4459	2843
Цыгане	1698	1905	2388
Чуваши	4621	2679	1990
Болгары	2186	2282	1868
Немцы	2356	2790	1844
Мордва	4582	2574	1601
Грузины	1780	2137	1571
Таджики	353	808	874
Марийцы	1906	1192	801
Караимы	882	715	535
Крымчаки	604	280	228
Другие ответы о национальной принадлежности, не перечисленные выше	13196	13699	14319

Как видно из таблицы изменения в национальном составе нашего региона весьма заметны. Здесь можно выделить целый ряд причин. Во-первых, различия в методологии учета населения во время переписей 2001 и 2014 гг. Во-вторых, существенные различия в процессе естественного воспроизводства. В-третьих, в итоге смешанных браков и иных факторов происходит смена этнического самосознания. В-четвертых, это фактор внешней миграции.

В 2014 году (также как и в 2001 г.) насчитывалось 6 многочисленных национальностей, численность населения которых превышала 10 тыс. человек. По сравнению с данными переписи населения 1989 года из этой группы выбыли евреи в

связи с сокращением численности населения (с 17,7 тыс. человек в 1989 году до 3,1 тыс. человек в 2014 году).

Численность трех национальностей превышает 200 тыс. человек – это русские, украинцы и крымские татары.

Таким образом, перепись населения является своего рода «фотографией» населения в определенный момент времени. Именно эти данные ложатся в основу исторических, демографических, статистических исследований. И что немаловажно, результаты подобного обследования населения служат опорой для составления перспективных государственных программ. Крымская перепись 2014 года во всех отношениях была особенной. Она впервые прошла в Крымском федеральном округе как составной части Российской Федерации. В невероятно сжатые сроки произошло реформирование всей системы организации и проведения переписи в Крыму. Ее результаты обнажили некоторые тревожные тенденции. В частности, сокращение общей численности населения, заметное старение населения, что ведет к диспропорции трудоспособного населения и людей старшего возраста. Это, безусловно, со временем привет к экономическим проблемам либо к реформированию пенсионного законодательства.

Список использованных источников и литературы

1. Итоги переписки населения в Крымском федеральном округе : официальное издание ; Федеральная служба государственной статистики : ИИЦ «Статистика России». – М., 2015. – 279 с.

Itogi perepiski naseleniya v Krymskom federal'nom okruge : ofitsial'noe izdanie ; Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki : IITs «Statistika Rossii». – M., 2015. – 279 s.

2. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945) / Непомнящий А. А. – Симферополь : Антиква, 2015. – 936 с. (Серии: «Биобиблиография крымоведения; вып. 25»; «Крым в истории, культуре и экономике Росии»).

Nepomnyashchii A.A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945) / Nepomnyashchii A.A. – Simferopol' : Antikva, 2015. – 936 s. (Serii: «Bibibliografiya krymovedeniya; vyp. 25»; «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rosii»).

3. Основные методологические и организационные положения федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения. – М., 2014. – 40 с.

Osnovnye metodologicheskie i organizatsionnye polozheniya federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Perepis' naseleniya v Krymskom federal'nom okruge» so 100-protsentnym okhvatom naseleniya. – M., 2014. – 40 s.

4. Пашкина Т. А. Перепись населения в России: историческая преемственность и новации (социологический анализ) [Текст] : дис. …канд. соц. наук : 22.00.01 : защита 7.07.2003 / Пашкина Татьяна Александровна. – Саратов, 2003. – 166 с.

Pashkina T. A. Perepis' naseleniya v Rossii: istoricheskaya preemstvennost' i novatsii (sotsiologicheskii analiz) [Tekst] : dis. …kand. sots. Nauk : 22.00.01 : zashchita 7.07.2003 / Pashkina Tat'yana Aleksandrovna. – Saratov, 2003. – 166 s.

5. Российская Федерация. Законы. Федеральный Закон о Всероссийской переписи населения. – (Актуальный закон).

Rossiiskaya Federatsiya. Zakony. Federal'nyi Zakon o Vserossiiskoi perepisi naseleniya. – (Aktual'nyi zakon).

Seitova E. I. The Census in Crimean Federal District: main results.

A fundamental instrument for analyzing the condition of the population is, of course, the census. During the post-Soviet period in the history of the Crimea took place two censuses: in 2001 and 2014 years. They are fundamentally different from each other. Because they were carried out on the basis of legislation and methods

of two different states. The census in Crimean Federal District showed a number of important trends in the demography of the region. They, of course, will be kept in mind with government in their state economic and social programs.

Keywords: Crimea, census, demographics, population.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 88–96.

УДК 904.18 (477.75)

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ СОЛХАТ-КРЫМ В ВОСТОЧНЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Сейдалиев Э. И.

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Симферополь, Российская Федерация
E-mail:codexcummanicus@gmail.com

Источниковедение Золотой Орды – очень актуальная и достаточно разработанная тема. При этом следует отметить, что проблема исследования городов Золотой Орды – одна из наиболее важных в современной медиевистике. Источники по истории золотоордынских городов и поселений достаточно обширны и широко известны. К таковым относятся: археологические, нумизматические, эпиграфические, изобразительные, и одни из самых важных – письменные. Солхат-Крым – столица золотоордынского Крыма – неоднократно становилася объектом исследований. На данном этапе особенно актуальным нам представляется анализ письменных источников. Письменные источники по истории Солхата делятся на западные (записки европейских путешественников, итальянские финансовые документы и т. д.), русские, собственно золотоордынские и эпохи Крымского ханства и наконец восточные (записки арабских, персидских и турецких путешественников, хроники, летописи и т. д.). Восточные путешественники уделяли внимание разным аспектам истории и культуры Солхата-Крыма, но в основном их интересовали объекты города, связанные с исламской культурой. В трудах летописцев в основном отражались общие сведения о золотоордынской столице Крыма.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат-Крым, арабские и персидские средневековые источники, Рашид-ад-Дин, Ибн Батутта, Эвлия Челеби.

Проблема исследования золотоордынских городов всегда стояла достаточно остро. Не исключением в этом случае был и остается средневековый Солхат (современный Старый Крым) – столичный центр Крымского юрта Улуса Джучи. Большинство исследований по истории этого города сосредоточено вокруг археологических источников, хотя и они в полной мере на данном этапе не опубликованы, а поэтому не могут дать достаточно полную картину истории возникновения и развития города. В то же время исследователи обращались и к письменным источникам, пусть и скудно, но раскрывающим отдельные аспекты истории некоторых памятников городища. В данной работе мы ставим себе целью рассмотреть, какое же место занимал средневековый Солхат в средневековых письменных источниках. Детальный анализ этих источников в рамках данной статьи невозможен, но осветить отдельные аспекты, касающиеся описания Старого Крыма, мы постараемся. Следует отметить, что комплексных исследований по источниковой базе истории Старого Крыма нет. Библиография проблемы систематизирована в указателе профессора А. А. Непомнящего [10]. Д. А. Ломакин в ряде статей и в своей монографии достаточно детально рассматривает историю исследования средневековых мусульманских памятников Старого Крыма, акцентирует внимание на письменных и картографических источниках. Так, автор выделяет: «записки путешественников, научные труды по изучению объектов культурного наследия города, делопроизводственная документация (акты, отчеты, текущая служебная

переписка, докладные и объяснительные записки), документы личного происхождения (частная переписка), изобразительные источники (живопись, графика, фотоматериалы)». Но наиболее ранними письменными источниками в труде Д. А. Ломакина стали записки путешественников, посещавших Крым в конце XVIII–XIX вв. Приблизительно этим же временем датируются изобразительные и картографические источники, приведенные автором [8]. Материалы археологических раскопок неоднократно приводятся в работах М. Г. Крамаровского, а также в монографии А. В. Гаврилова и В. В. Майко [2]. Практически без внимания остаются средневековые письменные источники, которые существенно могут дополнить данные археологии. Попытка анализа строительной истории Таврики в.п. XIII – т.ч. XV вв., основанная на «различного рода источниках», предпринята В. П. Кирилко. Но и эта публикация рассматривает лишь часть истории Солхата, а именно раскрывает ряд изменений в архитектурном облике города [3]. И пусть это далеко не полная историография по источниковой базе Солхата, но необходимость максимально полного анализа средневековых письменных источников по истории золотоордынской столицы Крыма давно назрела. Хронологические рамки статьи ограничиваются серединой XIII в. – приблизительным временем основания города – и 60-ми гг. XVII в. – временем, когда Крым посетил автор последнего значительного описания средневекового Крыма – турецкий путешественник Эвлия Челеби [15]. В данной работе мы ограничились лишь арабскими, персидскими и одним турецким источником ввиду достаточно обширного количества письменных источников о Солхате вообще. Отдельно следует разобрать источники европейские, армянские и т. д., но они заслуживают отдельного анализа.

Секретарь египетского султана Эльмелика Эззахыра Бейбарса Ибн-Абдез-Захыр составил подробную биографию своего правителя. В. Г. Тизенгаузен приводит перевод этого сочинения из неполной рукописи из Британского музея. В этом отрывке также содержатся сведения о золотоордынской столице Крыма: «… (здесь) встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как-то: Кипчаки, Русские и Аланы. Переезд от берега до этой деревни (продолжается) один день. Из Крыма в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем» [13, с. 63]. В этом отрывке говорится о прибытии на полуостров посольства египетского султана к хану Берке, относится это событие к 1263 г. В. А. Сидоренко конкретизирует эту дату до времени «не ранее начала осени 1263 г.» [12, с. 87]. В. Г. Тизенгаузен в переводе называет Крым «местечком» и «деревней», что может свидетельствовать о сравнительно недавнем возникновении поселения [13, с. 63]. Виллем Рубрук, бывший в Крыму 10 годами раньше египетского посольства, вовсе не приводит описания Солхата-Крыма, следовательно, его еще не было. Хотя В. А. Сидоренко считает, что христианского миссионера «не интересовал мусульманский центр Крыма», а следовательно, Рубрук просто проигнорировал Солхат [12, с. 87–88]. Справедливости ради отметим, что вряд ли для 50-х гг. XIII в. Солхат-Крым можно считать мусульманским центром Крыма. Так или иначе, в сочинении секретаря египетского султана Крым предстает еще небольшим поселением, вероятно, основанным между 1253 и 1263 гг. М. Г. Крамаровский полагает, что под топонимом «Крым» на

монетном чекане подразумевалась область, а не сам город. Нумизматы же считают, что монеты с крымским чеканом от имени наместников ордынских появляются с 1257 года [4, с. 167].

К одному из наиболее ранних известных нам источников, в которых упоминается Солхат, следует отнести также труд персидского автора Рашид-ад-Дина – «Джами-ат-Таварих». Как отмечают специалисты, персидские источники в целом дают очень мало информации о внутренней жизни Золотой Орды и в частности о Крыме, рассматривая Улус Джучи как врага Хулагидского Ирана [14, с. 4]. Впервые Рашид-ад-Дин упоминает о г. Крым в контексте похода сюда эмира Ногая и пишет, что город был опустошен, а население было взято в плен, но потом отпущено по просьбе остальных жителей [14, с. 71]. Далее он пишет, что к хану Берке, когда он с войском прибыл в к Стамбулу, привели Изз-ад-дина Кейкавуса, которому «отдали … во владение город Крым, и там он и остался» [14, с. 73].

Арабский автор XIV в. Аль-Муфаддаль практически полностью повторяет сведения Ибн-Абдез-Захыра о египетском посольстве к Берке, упоминали в дополнение имена правителей, которые встречали послов в Крыму: правитель края Таюк (Табук) и начальник десяти тысяч воинов Тукбуга. В. Г. Тизенгаузен считал, что Аль-Муфаддаль пользовался сведениями из более ранних сочинений, в том числе Ибн-Абдез-Захыра [13, с. 176, 192].

В анонимной «Биографии Эльмелика-Эннасыра» упоминается некий Сейфеддин Солгат, прибывший из Крыма и посещавший Мекку. Автор называет его зятем Мелик-Темира, наместника Крыма. Событие это происходит в 1341 году [13, с. 269].

Одним из наиболее блестящих произведений, в котором упоминается Солхат-Крым, бесспорно, является книга «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий», записанная со слов марокканского путешественника Ибн Батутты. Известно, что Ибн Батутта родился в Танжере и, вероятно, получил классическое мусульманское образование. Совершив несколько хаджей в Мекку, после каждого из которых он предпринимал путешествия по соседним областям и странам, путешественник в 1333 г. посетил и Крымский полуостров, яркое описание которого и оставил в своей книге [7, с. 206; 11, с. 19–20]. Первым городом, который марокканец посетил в Крыму, стала Керчь, после которой путешественник отбыл в Каффу. Через день Ибн Батутта со спутниками отбывает на нанятой телеге в город «Кирам». Путешественник описывает его как город «большой и красивый, из владений султана великого Мухаммеда Узбекхана». Наместником в городе в то время был поставлен Тулук-Тимур. По сообщению арабского путешественника, он остановился в городе в монастыре (вероятно, суфийской обители), шейхом в котором был выходец из Ирана, некий Эльхорасани, который и оказал путникам радушный прием. Судя по всему, этот шейх пользовался в городе большим авторитетом, поскольку к нему на поклон приходили кадии, хатыбы и правоведы. Ибн Батутта приводит список знатных мусульманских жителей города, с которыми ему удалось увидеться, в том числе приводит сведения об имаме соборной мечети Эльмелика-Эннасыра (т. н. «мечеть Бейбарса») Абу Бакре Каландаре [14, с. 280–281]. Мечеть была построена по повелению и на средства египетского султана Аль-Мансур Сайфуддин Калаун аль-Альфи, к сожалению, на данном этапе определить ее

местоположение в топографии средневекового города не представляется возможным [7, с. 23]. Сведения об этом ученом-богослове приводит и Ахмед Эфляки [9, с. 127]. Учитывая, что Абу Бакр Каландар был имамом такой значительной мечети Солхата, можно сделать вывод о его принадлежности к близкому кругу людей при хане Узбеке. Как ученый и религиозный деятель Абу Бакр был, скорее всего, очень известен и почитаем. Его авторству принадлежит пятитомное богословское сочинение «Каландар-наме», написанное на персидском языке и, скорее всего, в Солхате (о чем и сообщает нам автор). В рукописи Абу Бакр также приводит сведения и о себе, так, мы узнаем что он был выходцем из Анатолии, из города Аксарай в современной Турции [9, с. 127]. Рукопись «Каландар-наме» с 1966 года хранилась в архиве Института востоковедения имени Абу Райхана Бируни в Узбекистане и в данный момент вводится в научный оборот сотрудниками Института истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан [9, с. 126]. Среди примечательных людей Солхата Ибн Батутта также упоминает некоего христианского монаха, живущего за чертою города в монастыре, марокканец сожалеет, что не посетил его. К сожалению, неизвестно, какую именно обитель имел ввиду арабский путешественник: армянский монастырь Сурб Хач, расположенный к юго-западу от Старого Крыма, или другой, еще неизвестный нам по археологическим данным. Странным кажется тот факт, что Ибн Батутта, упоминая о мечети египетского султана и христианском монастыре в округе города, совершенно обходит вниманием другие архитектурные доминанты Солхата – мечеть хана Узбека, которая уже существовала тогда, и медресе, построенное Инджи-бек Хатун, женой правителя Крыма в 1332/1333 г. [7, с. 206]. В отношении медресе вполне вероятен факт, что на момент визита путешественника из Танжера оно еще не было построено (или завершено). После приема у Тулук-Тимура Ибн Батутта, купив «телеги», отправился с правителем в столичный Сарай.

Нам неизвестны более поздние письменные источники арабского и персидского происхождения, в которых бы упоминался средневековый Солхат-Крым, в дальнейшем на страницах восточных рукописей мы видим его у турецкого путешественника Эвлии Челеби. Как и предыдущий автор, он неоднократно совершал путешествия, и так же, как путешественник из Танжера, оставил после себя очень яркие путевые заметки, получившие название «Книги путешествия». Эвлия Челеби родился в Стамбуле в 1611 г. Первое путешествие совершил в 1640 г. и уже в 1641, после участия в осаде Азова османскими войсками, через Крым вернулся в Стамбул. В Крыму турецкий путешественник побывал также в 1666–1667 гг. И хотя последние годы жизни, скорее всего были посвящены написанию сочинения, но «Книга путешествия» так и не была завершена [15, с. 5–10]. Разные исследователи по-разному оценивают и саму «Книгу», и сведения, приводимые в ней. Несмотря на то, что в сочинении Эвлии Челеби много легенд, фантастических вымыслов, неточностей в цифрах, следует отметить, что ряд сведений все же заслуживает доверия, а надписи (тарихи) на зданиях и фонтанах он приводит достаточно точно. Большой раздел в «Книге путешествия» посвящен Солхату. Эвлия Челеби называет его «Эски Кырым» [15, с. 160]. Сочинение османского путешественника примечательно еще тем, что в нем автор приводит свою версию происхождения

названия города. По его мнению, город изначально назвали «Карым-керман» – что можно перевести как «разбой» – и основали его именно в том месте, где был ограблен «сын падишаха Узбека» [15, с. 161]. Турецкий автор приводит описание расположения крепости, описывает длину крепостных стен, перечисляет городские постройки, лавки, источники и фонтаны, городские кварталы, сады и т. д. По мнению Эвлии Челеби, расстояние от одного края города до другого составляет один день пути. Описывая былое великолепие Солхата, Челеби сравнивает его с крупнейшими городами средневековья: Каиром, Конией, Парижем и другими. При этом он отмечает, что это великолепие наблюдалось и в его дни, но теперь «Этот большой и великий город пребывает в разрушении» [15, с. 162–163].

По мнению Эвлии Челеби, длина оборонительных укреплений города составляла 17000 шагов, что соизмеримо с длиной стен на плане Солхата, составленного в 1783 г. русским военным топографом И. Лютовым [5, с. 385; 15, с. 162]. Стены были сложены из отесанного и отполированного камня, эти данные были подтверждены в результате археологических раскопок, проводимых на городище Государственным Эрмитажем [5, с. 385]. Таким образом, мы видим, что в этом случае данные турецкого автора объективны, хотя приводимая тут же его версия разрушения города связывается с абсолютно легендарными событиями [15, с. 163–164]. Далее автор приводит описания тех объектов, которые он застал в Старом Крыму, и хотя ранее он приводил достаточно фантастичные цифры (так, михрабов – мечетей – сто, тысяча бань, сорок тысяч лавок [15, с. 162]), то теперь цифры и данные более точные. Челеби приводит данные о двух соборных мечетях и трех квартальных, одной бане, двух текие, двух медресе. Также он называет «четыре мусульманских квартала, один иудейский квартал, пять греческих и армянских неверных». Домов в городе он насчитывает всего пятьсот, и, кроме этого, «сады, виноградники, луга и поля» [15, с. 164–167]. В отличие от Ибн Батутты, османский путешественник, приводит данные в первую очередь о мечети хана Узбека, приводя две надписи на ней: основную надпись над порталом – о строительстве мечети при хане Узбеке, и вторую над минбаром – о строительстве минбара крымским ханом Менгли Гераем в 1512/1513 г. [15, с. 167]. Эвлия Челеби описывает мечеть, и хотя данные его не совсем точны (в мечети шесть колонн, а не четыре, длина и ширина меньше приводимых автором), тем не менее речь идет именно о сохранившейся до наших дней мечети Узбека. Тем более, далее турецкий путешественник приводит «перед михрабом этой мечети» над дверью медресе Инджи-бек Хатун следующую надпись, а именно о строительстве медресе в 1332/1333 г. Двери медресе (вероятно, имея ввиду и портал), Эвлия Челеби называет «огромными», «разукрашенными и отделанными» [15, с. 167], что соответствует сохранившимся до наших дней изображениями портала медресе, на рисунках маслом и акварелью русского художника М. М. Иванова и французского акварелиста Ж. Б. де ла Траверсе, относящихся ко второй половине XVIII в [7, с. 214]. Здание медресе было не единственным проявлением благотворительности от знатных женщин Солхата, следующий тарих, приводимый Челеби, относится к текие Тахир-бея, построенного Бай Буглы Хатун – внучкой Кутлуг Тимура – в 1396 году [15, с. 168; 7, с. 206]. По мнению М. Г. Крамаровского, позже текие было перестроено в мечеть, сейчас известную как Куршун-джами – «Свинцовая мечеть». Руины этого строения

также сохранились до наших дней в восточной части городища. Рядом с текие Эвлия Челеби располагает квартальную мечеть шейха Али эль-Бекри, дата, приведенная в тарихе, соответствует 1421/1422 году [15, с. 168].

Мечеть описана в книге как большая и крытая красной черепицей с огромным куполом. Единственная известная на данный момент купольная мечеть в Старом Крыму – это как раз Куршун-джами. Далее приводится описание мечети около Кафинских ворот города – мечети Шади Герай-хана, построенной в 1404/1405 г., мечети Хаджи Умара эль-Бухари, которая считается наиболее древней в Крыму, Эвлия Челеби приводит дату ее основания 1262/1263 г. Рядом с городским рынком располагалась мечеть Паша Хатун, датируемая 1362/1363 г., тут же, рядом с могилой святого Кемаль-Ата находился источник с надписью, содержащей дату – 1647 год [15, с. 168]. Далее в «Книге путешествия» вновь повторяется пассаж о бессчетных мечетях, банях, медресе и т. д. В том числе приводится еще одна легенда о строительстве т. н. «Мускусной мечети», развалины которой, возможно, фиксируются в центральной части города [8, с. 201–202]. Согласно сообщению Эвлии Челеби, в городе также находилось множество «зияретов» – мест поклонения мусульманским святым. Османский путешественник сообщает о местоположении некоторых из них, в том числе о зиярете Алемдар-султана, который располагался у ворот Эгри. Нам в данный момент неизвестно местоположение этих ворот. Известно, что по результатам археологических исследований 1925–1926 гг. среди находок каменных надмогильных камней О. Н. Акчокралы было обнаружено надгробие некоего Алемдара (знаменосца) ахи, датируемое 1375 г. Возможно, именно с этой эпитафией связан зиярет, упоминаемый турецким путешественником XVII века [1, с. 5, 11; 6, с.11; 14, с.170]. Как видим, основные сведения турецкого путешественника о городе сосредоточены вокруг мусульманских культовых сооружений.

Подводя итоги нашего анализа письменных источников восточных авторов, следует сделать вывод, что в первую очередь их интересовали сведения о городе, связанные с исламской культурой и религией. Наиболее подробными, без сомнений, являются описания путешественников, побывавших в Старом Крыму и оставивших свои воспоминания в виде сочинений и путевых заметок. Эти произведения могут использоваться в совокупности с данными других источников: археологических, нумизматических, эпиграфических и изобразительных. В то же время сведения придворных хронистов содержат лишь некоторые общие данные о расположении города и могут быть использованы лишь в качестве в дополнении к основным. Как правило, они компилируют сведения своих предшественников. Вне внимания исследователей до сих пор остаются собственные крымские источники эпохи Золотой Орды и Крымского ханства. К сожалению, большинство из них до сих пор не введено в научный оборот отчасти из-за недоступности, отчасти из-за недостаточного количества специалистов по данной проблематике. Лишь с недавнего времени этот процесс активизировался [9]. Как бы то ни было, исследования источников о золотоордынской столице Крыма все еще актуальны и могут привнести новые сведения об истории, культуре, экономике, топографии и других аспектах жизни населения средневекового Солхата-Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // ИТОИАЭ. Т.1(58). 1927. С. 5–17.

Akchokrakly O. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XIV vv. // ITOIAE. T.1(58). 1927. S. 5–17.

2. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

Gavrilov A. V. Maiko V. V. Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym). Simferopol': Biznes-Inform, 2014. 212 s.

3. Кирилко В. П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. 1. С. 406–434.

Kirilko V. P. Stroitel'naya letopis' Tavriki vtoroi poloviny XIII-tret'ei chetverti XV vekov // Istoriya i arkheologiya Kryma. Simferopol': Biznes-Inform, 2014. Vyp. 1. S.406–434.

4. Крамаровский М. Г. К идентификации «мечети Бейбарса» в Солхате // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции IV научные чтения памяти У. Боданинского (Бахчисарай, 17–19 окт. 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 22–23.

Kramarovskii M. G. K identifikatsii «mecheti Beibarsa» v Solkhate // Tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii IV nauchnye chteniya pamyati U. Bodaninskogo (Bakhchisarai, 17–19 okt. 2012 g.). Bakhchisarai, 2012. S. 22-23.

5. Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И. Крепостные стены Солхата-Крыма (опыт археологического исследования) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 384–387.

Kramarovskii M. G. Seidaliev E. I. Krepostnye steny Solkhata-Kryma (opyt arkheologicheskogo issledovaniya) // Trudy IV (XX) Vserossiĭskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani. Kazan': Otechestvo, 2014. T. 2. S. 384–387.

6. Крамаровский М. Г. Крым и Румский султанат во 2-й половине XIII–XIV вв. // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека, Симферополь, 14–18 окт. 2014 г. Симферополь, 2014. С. 5–17.

Kramarovskii M. G. Krym i Rumskii sultanat vo 2-i polovine XIII-XIV vv. // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 700-letiyu mecheti khana Uzbeka, Simferopol', 14–18 okt. 2014 g. Simferopol', 2014. S. 5–17.

7. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Kramarovskii M.G. Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaya Orda. VIzantiya. Italiya. SPb.: «Evraziya», 2012. 496 s.

8. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.– (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 24).

Lomakin D. A. Musul'manskie pamyatniki Starogo Kryma XIII – XV vv.: istoriya izucheniya, sovremennoe sostoyanie. Simferopol': Solo-Rich, 2015. 240 s.

9. Миргалеев И. М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 126–132.

Mirgaleev I. M. Sochinenie Abu Bakra Kalandara Rumi «Kalandar-name» // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 700-letiyu mecheti khana Uzbeka, Simferopol', 14–18 oktyabrya 2014 g. Simferopol', 2014. S. 126–132.

10.Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

11.Притула Д. А. Странствия Ибн Батутты: реальность и фикция // «Подарок созерцающим»: странствия Ибн Батутты: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 19–26.

Pritula D. A. Stranstviya Ibn Batutty: real'nost' i fiktsiya // «Podarok sozertsayushchim»: stranstviya Ibn Batutty: katalog vystavki. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2015. S.19–26.

12.Сидоренко В. А. Из исторической топографии предыстории Крымского ханства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис // Материалы научной коференции. VIII-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Херсонес, 30.05–04.06.2016). Севастополь, 2016. С. 87–90.

Sidorenko V. A. Iz istoricheskoi topografii predystorii Krymskogo khanstva // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis // Materialy nauchnoi koferentsii. VIII-i Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar (Sevastopol' – Khersones 30.05 – 04.06.2016). Sevastopol', 2016. C. 87–90.

13.Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1884. 563 с.

Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoĭ Ordy.T.1. SPb.: Tipografiya imp. Akademii nauk, 1884. 563 s.

14.Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 308 с.

Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoĭ Ordy. T. 2. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. 308 s.

15.Эвлия Челеби. Книга путешествия: Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 282 с.

Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya: Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Simferopol': DOLYa, 2008. 282 s.

Seydaliev E.I. Solkhat Krym of the Golden Horde period in the eastern medieval written sources.

The Golden Horde source study is very actual and worked out topic at present. But you should note that the problem of the Golden Horde cities and settlements study is one of the most important in modern Middle Ages study.The sources on the history of the Golden Horde cities and settlements are very widely developed and investigated.To them we can relate archeology,numismatic, epigraphic,graphic and, one of the most important, the written sources.Solkhat Krym is the capital of the Golden Horde Crimea and it not once has become the object of scientific research. At present it is very actual the analysis of its written sources. Those written sorces on the history of Solkhat are devided on to western (notes of European travellers, Italian financial documents,etc.), Russian, Golden Horde itself and epoch of the Crimean Khanate, and finally, eastern (the notes of Arabic, Percian,and Turkish travellers, chronicles and manuscripts,etc.)

Eastern travellers paid attention to different aspects of history and culture of Solkhat Krym, but they were mainly interested in places, connected with Islam culture. In works of chronicals it was mainly given the common knowledge about the Golden Horde capital of the Crimea.

Keywords: The Golden Horde, Solkhat Crimea, medieval Arab and Persian sources, Rashid ad-Din, Ibn Batutta, Evliya Çelebi.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 97–104.

УДК 94(=512.19) “653”: 930.25(560)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В АРХИВАХ ТУРЦИИ

Сейт-Маметов Ш. Э.

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shukriseitmametov@gmail.com

Для объективного освещения внешнеполитического статуса Крымского ханства особую роль играют источники эпистолярного жанра, ярлыки, фирманы, сохранившиеся в архивах Турецкой республики: Османский архив при премьер-министре Турции, Архив Дворца-музея «Topkapı».

На основании работ отечественных и зарубежных специалистов рассматривается современное состояние изучения источников по истории Крымского ханства, описываются наиболее фундаментальные работы по данной тематике. А также узнаем о проблемах и перспективах, которые необходимо решить.

Ключевые слова: Крымское ханство, источники, Topkapi, архив, историография.

Для объективного освещения внешнеполитического статуса Крымского ханства особую роль играют источники эпистолярного жанра, ярлыки, фирманы, сохранившиеся в архивах Турецкой республики: Османский архив при премьер-министре Турции, Архив Дворца-музея «Topkapı».

Корпус дипломатических документов и переписки периода Позднего Средневековья и Раннего нового времени, сохранившийся в фондах архива Дворца-музея Topkapı, позволяет полноценно реконструировать систему внешнеполитических отношений между Крымским ханством и Османской империей, а также в Черноморском регионе в целом.

Правители и высшие чиновники османского государства придавали огромное значение сохранению официальных документов. Об этом свидетельствует факт существования особых приказов и распоряжений, согласно которым, переписка различных государственных органов и различной степени важности фиксировалась и заносилась в специальные регистры – дефтеры. Благодаря такому пристальному вниманию к классификации и сохранению документов, а также постоянному надзору за их сохранностью на протяжении столетий число единиц хранения, находящихся в настоящее время в османских архивах, по некоторым оценкам, превышает миллионы документов [1, с. 35–48].

Активное изучение фондов архива Topkapi началось после образования Турецкой республики. Это связано, во-первых, с программой государства, во-вторых, с повышением интереса к истории Османской империи. В тридцатых годах XIX века была начата работа по систематизации документов и изданы первые путеводители [23; 15].

На данный момент источники по истории Крымского ханства по материалам архива Топкапи отражены в разрозненных публикациях.

Наиболее фундаментальные исследования крымских источников в архиве Дворца-музея Topkapi относятся к середине XX века. Одни из наиболее ранних принадлежат перу турецкого историка Акдес Нимет Курата (1903–1971) – известного

тюрколога, историка, литературоведа. Ученный родился в деревне Беркет Уфимской губернии (ныне Черемшанский район Татарстана) в семье указного имама. Он окончил исторический факультет Берлинского университета. С 1928 по 1971 год – профессор Анкарского университета. Специализировался в области источниковедения истории тюркских народов мира. Автор свыше ста научных работ. Трагически погиб в автомобильной катастрофе [5; 6]. В своем труде «Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler» он выделил из архива Дворца-музея «Topkapı» документы по истории Золотой орды, Крыма и Туркестана [15, с. 23].

Книга состоит из трех частей:

I. Письма, отправленные Золотоордынскими ханами правителям Османской империи.

II. Письма, отправленные Крымскими ханами и вельможами.

III. Письма ханов Туркестана.

В интересующей нас второй части автор рассмотрел один из самых старинных оригинальных документов, сохранившихся в архиве Дворца-музея, – тарханный ярлык первого Крымского хана Хаджи-Герая, пожалованный Хеким Яхъе из Анкары [15, s. 61– 81; 15, с. 67–72.].

Здесь он также привел три письма Менгли-Герая. Первое из них – адресованное султану Фатих Мехмеду. Автор считает, что оно написано на литературном языке Золотой Орды, как и ярлык Хаджи-Герая, но с бóльшим количеством арабских слов. А. Н. Курат относит послание к периоду до вассальной зависимости Крыма от Османской империи. Датирует 874 годом по Хиджре (1469 г.) [15, s. 84– 86].

Следующим историк рассмотрел письмо Менгли-Герая, написанное пятью – шестью неделями после взятия Кафы османами. Адресатом предположительно называет визиря Гедик Ахмед-пашу. В письме Менгли-Герай говорит о своем желании быть правителю «другом для друзей и врагом для врагов», также о положительном влиянии ислама после взятия города. Датируется 880 годом по Хиджре (1475 г.) [15, s. 87– 90; 24].

Третье письмо адресовано султану Фатих Мехмеду и датируется 881 годом по Хиджре (1475/1476 г.). Его содержание позволяет судить о первых шагах Османской власти на полуострове. В послании становится заметнее турецкое влияние на Крым [15, s. 91–100].

А. Н. Курат также привел два послания Эминек-мурзы султану Фатих Мехмету. Первое письмо связано с походами султана на Молдавские земли. Здесь мурза объяснял причину неспособности оказать должную помощь в них. Документ датируется 881 годом по Хиджре (1476) [15, s. 101–107]. Из второго письма Эминека от 883 по Хиджре (1478) мы узнаем, что беи и мурзы не повинуются правящему хану Нур-Девлету, в связи с этим он просит прислать на престол Менгли-Герая, который, по его словам, сможет навести порядок [15, с. 115].

Каждый документ рассмотрен в следующем порядке: сначала дается факсимиле оригинала письма, потом печатный текст на староосманском, следом латинская транскрипция текста. Далее автор представляет расшифровку значений сложных или спорных слов с учетом поправок предшественников: И. Н. Березина [9, с. 90–100],

В. В. Вельяминова-Зернова, Хусаина Фаизхана (Хусаин Фаизхан (1828–1866) – татарский ученый, просветитель, ученик Марджани. Сначала обучался в родной деревне Сабачай [Собачий остров] Курмышского уезда Симбирской губернии. Потом отправился в Казань, где обучался во II Казанском медресе, затем в VI медресе. В 1850 году перешел на обучение к Марджани, хотя оно было недолгим, всего четыре года. С помощью Марджани Фаизханов установил творческие контакты с А. Казембеком и И. Н. Березиным – преподавателями Казанского университета. В 1853–1854 годах отправился в Санкт-Петербург, где преподавал восточные языки в Петербургском университете. Деятельность Фаизханова не ограничивается только педагогикой. Вклад его в востоковедение еще до конца не исследован. Увидела свет лишь одна монография Фаизханова – «Краткая грамматика татарского языка», изданная в 1862 году. Знание языков ученого использовали петербургские востоковеды, такие как В. В. Вельяминов-Зернов, Д. А.Хвольсон и Будагов. Умер на 38-м году жизни в Симбирской губернии) [4] и др.

Отдельное внимание автор уделяет именам, встречающимся в письмах и ярлыках. Дает описание и расшифровку печатей. А. Н. Курат сделал огромный вклад в изучение фондов архива Topkapi, однако, как мы видим, рассмотрел только несколько интересующих нас документов.

Исследованием источников по Крыму в турецких архивах также занимался историк, османист Халил Иналджик. Он родился 26 мая 1916 года. В 1942 году он с семьей поселился в Анкаре, где окончил начальную школу. Потом продолжил своё образование в Сивасе и в Балыкесире. Халил Иналджик является основателем факультета гуманитарных наук Анкарского университета. В 1940 году он закончил исторический факультет этого же университета. В 1940 году, после окончания вуза, начал работать на кафедре новейшей истории. Работу над докторской диссертацией закончил за два года. Эта работа нашла огромный отклик в научных кругах. «Если я стал известным историком, то этому я обязан архивам Турции. Турция имеет богатые архивные материалы», – говорит Халил Иналджик. Он хорошо владел немецким, английским, французским, арабским и персидским языками. Халил Иналджик является автором многих книг и статей, которые известны не только в стране, но и за рубежом. Он принимал активное участие в многочисленных международных конгрессах. С 1972 года по приглашению Чикагского университета работал в Америке. В 1993 году был избран членом Британской академии наук. Халил Иналджик внёс неоценимый вклад в развитие исторической науки в стране [10, s.11; 12, s.15; 22, s. 357].

Основной причиной недостаточного использования османских источников была их крайняя палеографичность (возраст и состояние документа) и филологические трудности в переводе. С этой работой справилась группа экспертов из Школы высших исследований социальных наук в Париже. В ее состав входили Александр Беннигсен, Пертев Наили Боратав (Пертев Наили Боратав – турецкий писатель и фольклорист, исследователь турецкого фольклора и народной литературы. В 1927 году окончил Высшую школу в Стамбуле, в 1930 году – факультет турецкого языка и литературы Стамбульского университета. С 1941 по 1944 год издавал в Анкаре литературный журнал Yurt ve dünya (рус. «Родина и мир»). В 1941 году защитил

диссертацию о турецких народных сказках и получил право преподавания в университете, в 1948 году стал профессором и возглавил кафедру народной литературы. Однако в том же году эта кафедра была закрыта правительством, а сам Боратав был обвинён в пропаганде коммунистических идей; это вынудило его эмигрировать за границу. Боратав жил в Германии, Франции и США; в США он стал основателем кафедры Турции в Стэнфордском университете. Большую часть своей эмигрантской жизни провёл во Франции, работал в Центре научных исследований и умер в Париже.

Собранный им материал насчитывает более 2000 народных сказок, 40 легенд, большое количество народных песен, анекдотов, описаний детских игр и так далее. За свою жизнь получил несколько премий, в том числе от Центра научных исследований Франции и министерства культуры Турции) [11, s. 56], Дилек Десаиве и Шанталь Лемерсье-Келькеже. С 1960 года в результате упорного труда этих исследователей были осуществлены публикации документов и комментариев к ним. Одна из них – «Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topqapi» [17] – содержит только документы, относящиеся к Крымскому ханству, которые сохранились в архиве Дворца-музея Topkapı. Подавляющее большинство этих документов – оригиналы писем крымских ханов и знати в Османскую Порту. Другие – копии крымских писем из оттоманских книг отчет должностных лиц, сообщения визирей султанам. Отдельно отметим особый вклад в развитие данной темы французской ученой Шанталь Лемерсье-Келькеже [18].

Значимыми являются исследования Озалп Гокбильгина, посвященные политической ситуации в Крымском ханстве в 1532–1551 гг. [14]. В 1973 г. турецкий ученый издал в Анкаре сводный текст двух старейших рукописей «Истории хана Сахиб-Гирея» (с приложением французского перевода XVIII в.). Существенным недостатком этого издания стало то, что ни один из списков Института восточных рукописей Российской академии наук в нем не задействован: оно было осуществлено по принципу, когда за основу были взяты две старейшие рукописи и на их основании составлен сводный текст, а позднейшие рукописи не учитывались. В своих работах О. Гокбильгин также опубликовал письмо принца Ислам-Герая османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол, послание представителей крымской знати с изложением ситуации в ханстве и др. [21; 13, P. 462–469; 24].

К материалам архива музея «Topkapi» обращался В. Остапчук – доцент отделения Ближнего и Среднего востока Университета Торонто [19].

На их основе он исследовал отношения между Оттоманской империей и Крымским ханством В его работах «The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations» и «Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639)» представлена подробная внешняя критика документов: описываются их длина, качество бумаги, почерк, а так же расшифровываются ханские печати [20, p. 247–276]. Однако в своих трудах В. Остапчук обращается лишь к отдельным документам.

В русскоязычной историографии к сюжету истории Крымского ханства основанных на документах турецких архивов уделяется недостаточно внимания. Наиболее известными являются работы профессора Санкт-Петербургского университета Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922). Его монографии по истории Крымского ханства, вышедшие в свет в 1887 [7] и 1889 [8] гг., до сих пор остаются наиболее подробными исследованиями политической истории этого государственного образования. Они написаны, главным образом, по материалам турецких и крымскотатарских источников (сочинения Фундуклулу в четырех томах, труда турецкого историка Хусейна Гезар-Фенна и др.), которые в настоящее время являются библиографической редкостью.

Большинство крымских летописей остаются малоизвестными, в основном из-за отсутствия хороших переводов. Одной из немногих профессиональных в этом отношении является работа казанского исследователя И. А. Мустакимова – заведующего сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан [3, с. 299–306].

В июне 2007 г. в рамках международного сотрудничества архивистов Татарстана состоялась командировка И. А. Мустакимова в Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики и архив Дворца-музея Topkapi (Стамбул). В результате чего им было получено в дар и приобретено более сорока копий документов, большинство которых имеют большое значение при изучении истории Крымского ханства.

В своем труде он рассмотрел документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков в архивохранилищах Турции. Подбирая источники, он отдавал предпочтение не введенным в научный оборот или не публиковавшимся на русском языке документам. Мустакимов отмечает большой вклад А. Н. Курата, Х. Иналджика, А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже в изучении и введении в научный оборот многих из публикуемых в первой части его сборника документов. Автор также приводит факсимиле, текст и перевод каждого документа, дает сведения о внешнем виде [2].

Таким образом, благодаря работам перечисленных исследователей, мы имеем возможность познакомиться с одними из наиболее ранних источников по истории Крымского ханства. Они представляют факсимиле оригиналов писем и их перевод, представляют расшифровку значений сложных или спорных слов, решают проблемы с переводом дат на современное летоисчисление.

Однако существует ряд проблем, которые необходимо решить:

большинство работ издано на различных языках (английский, французский, турецкий), что усложняет доступ к ним для русскоязычного читателя;

необходимо обобщение и объединение работ предшественников, так как каждый отдельный труд не охватывает все интересующие нас документы;

Несмотря на указанные работы, в архиве хранятся сотни неопубликованных документов, ждущих своей очереди войти в научный оборот, что стимулирует нас к дальнейшим изучениям фондов древлехранилищ Турецкой Республики.

Список использованных источников и литературы

1. Васильев А. Д. Хранение документов и архивное дело в Османской империи / А. Д. Васильев // Восток : Афро–азиатские общества: история и современность. – 2010. – № 5. – С. 35–48.

Vacil'ev A. D. Khranenie dokumentov i arkhivnoe delo v Ocmanckoi imperii / A. D. Vacil'ev // Voctok : Afro–aziatckie obshchectva: ictoriya i covremennoct'. – 2010. – № 5. – C. 35–48.

2. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древнехранилищ Турции: сб. докум. / И.А. Мустакимов; под ред. Д. И. Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2008. – 464 с. +16 с., ил.

Dokumenty po ictorii Volgo-Ural'ckogo regiona XVI – XIX vekov iz drevnekhranilishch Turtsii: cb. dokum. / I.A. Muctakimov; pod red. D. I. Ibragimova. – Kazan': Gacyr, 2008. – 464 c. +16 c., il.

3. Мустакимов И. А. В архивах Турции / И. А. Мустакимов // Эхо веков. – 2007. – № 2. – С. 299–306.

Muctakimov I. A. V arkhivakh Turtsii / I. A. Muctakimov // Ekho vekov. – 2007. – № 2. – C. 299–306.

4. Очерки Марджани о восточных народах / перевод А.Н. Юзеева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 175 с.

Ocherki Mardzhani o voctochnykh narodakh / perevod A.N. Yuzeeva. – Kazan': Tatar.kn.izd-vo, 2003. – 175 c.

5. Рахимова А. Письмо хана Золотой Орды Махмуда в Стамбул (1466 г.) / А. Рахимова // Эхо веков. – 1996. – № 3/4. – С. 23

Rakhimova A. Pic'mo khana Zolotoi Ordy Makhmuda v Ctambul (1466 g.) / A. Rakhimova // Ekho vekov. – 1996. – № 3/4. – C. 23

6. Сейт-Маметов Ш. Э. Акдес Нимет Курат – исследователь источников по истории Крымского ханства в османских архивах / Ш. Э. Сейт-Маметов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Т. 27 (66) – № 1. – 2014 г. – С. 67–72.

Ceit-Mametov Sh. E. Akdec Nimet Kurat – iccledovatel' ictochnikov po ictorii Krymckogo khanctva v ocmanckikh arkhivakh / Sh. E. Ceit-Mametov // Uchenye zapicki Tavricheckogo natsional'nogo univerciteta im. V. I. Vernadckogo – T. 27 (66) – № 1. – 2014 g. – C. 67–72.

7. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887. – XXXV, 772 с.

Cmirnov V. D. Krymckoe khanctvo pod verkhovenctvom Otomanckoi Porty do nachala XVIII veka / V. D. Cmirnov. – CPb, 1887. – XXXV, 772 c.

8. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII веке / В. Д. Смирнов. – Одесса, 1889. – 252 с.

Cmirnov V. D. Krymckoe khanctvo pod verkhovenctvom Otomanckoi Porty v XVIII veke / V. D. Cmirnov. – Odecca, 1889. – 252 c.

9. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. – Симферополь, 2008. – С. 90–100.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya / A. A. Nepomnyashchii. – T. 2: TAURICA ORIENTALIA / Recp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naclediya.– Cimferopol', 2008.– C. 90–100.– (Ceriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 12).

10. Aslantaş Selim. Halil İnalcık'ın Akademik Biyografisi / Selim Aslantaş // Halil İnalcık Armağanı I. – Doğu Batı Yay. – Temmuz, 2009. – s.11

Aslantaş Selim. Halil İnalcık'ın Akademik Biyografisi / Selim Aslantaş // Halil İnalcık Armağanı I. – Doğu Batı Yay. – Temmuz, 2009. – s.11

11. Edebiyatımızda isimler sözlüğü / B. Necatigil – 7 bs. – Ist., 1972. – S. 56

Edebiyatımızda isimler sözlüğü / B. Necatigil – 7 bs. – Ist., 1972. – S. 56

12. Emine Çaykara. Tarihçilerin Kutbu – Halil İnalcık Kitabı / Emine Çaykara – s.15;

Emine Çaykara. Tarihçilerin Kutbu – Halil İnalcık Kitabı / Emine Çaykara – s.15;

13. Gokbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur Tepoque de Sahib Giray, khan de Crimee (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad / Ö. Gokbilgin // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1970. – T. 11. – № 3. – P. 462–469.

Gokbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur Tepoque de Sahib Giray, khan de Crimee (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad / Ö. Gokbilgin // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1970. – T. 11. – № 3. – P. 462–469.

14. Gokbilgin Ö. 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlıgi'nın Siyasi Durumu / Ö. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – S. 57–58.

Gokbilgin Ö. 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlıgi'nın Siyasi Durumu / Ö. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – S. 57–58.

15. Hakki I. Topkapi Sarayinda deri uzerine yapilmis eski haritalar / I. Hakki. – Istanbul, 1936. – 203 s.

Hakki I. Topkapi Sarayinda deri uzerine yapilmis eski haritalar / I. Hakki. – Istanbul, 1936. – 203 s.

16. Kurat A. N. Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler / A. N. Kurat. – Istanbul, 1940. – Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayinlarindan. Tarih serisi 1. – 212 s. (до 10го)

Kurat A. N. Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler / A. N. Kurat. – Istanbul, 1940. – Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayinlarindan. Tarih serisi 1. – 212 s. (do 10go)

17. Le khanate de Crimée des Archives du Musèe du palais de Topkapi / A. Benningsen, Ch. Lemercier-Quelquejay, P. N. Boratav, D. Desaive. – Paris and Hugue: Mouton, 1978. – 458 c.

Le khanate de Crimée des Archives du Musèe du palais de Topkapi / A. Benningsen, Ch. Lemercier-Quelquejay, P. N. Boratav, D. Desaive. – Paris and Hugue: Mouton, 1978. – 458 c.

18. Lemercier-Quelquejay Ch. Une source inedite pour l'histoire de la Russie au XVIe siecle. Les registres des Muhimme Defterleri, des Archives du Bas-Vekalet / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1967. – T.8, № 2. – P. 335–343.; Lemercier-Quelquejay Ch. Les Khanat de Kazan et de Crimee face a la Moscovie en 1521 d'apres un document inedit des Archives du Musee du Palais de Topkapi / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – Vol. 12, №4. – Octobre – decembre. – 655 p.; Lemercier-Quelquejay Ch. Les Khanats de Kazan et de Crimèe face á la Moskovie en 1521, d`après un document inèdit des Archives du Musèe du palais de Topkapi / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – T. 12. – № 4. – P. 555–559; Lemercier-Quelquejay Ch. Les expeditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572, d`apes les documents des Arshives ottomans / Ch. Lemercier-Quelquejay // Center for Medieval and Renaissance Studies (CMRS). – 1972. – T. 13. – № 4. – P. 480–490.

Lemercier-Quelquejay Ch. Une source inedite pour l'histoire de la Russie au XVIe siecle. Les registres des Muhimme Defterleri, des Archives du Bas-Vekalet / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1967. – T.8, № 2. – P. 335–343.; Lemercier-Quelquejay Ch. Les Khanat de Kazan et de Crimee face a la Moscovie en 1521 d'apres un document inedit des Archives du Musee du Palais de Topkapi / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – Vol. 12, №4. – Octobre – decembre. – 655 p.; Lemercier-Quelquejay Ch. Les Khanats de Kazan et de Crimèe face á la Moskovie en 1521, d`après un document inèdit des Archives du Musèe du palais de Topkapi / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – T. 12. – № 4. – P. 555–559; Lemercier-Quelquejay Ch. Les expeditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572, d`apes les documents des Arshives ottomans / Ch. Lemercier-Quelquejay // Center for Medieval and Renaissance Studies (CMRS). – 1972. – T. 13. – № 4. – P. 480–490.

19. Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica: revue d`etudes turques. – 1987. – T. 19. – P. 270.

Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica: revue d`etudes turques. – 1987. – T. 19. – P. 270.

20. Ostapchuk V. Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) / V. Ostapchuk // Journal of Turkish Studies 11 – 1987 – P. 49–104; Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica: revue d`etudes turques. – 1987. – T. 19. – P. 247–276; Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A document from the Ottoman archives / V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies 8 – 1984. – P. 453–473 [co-authored with András Riedlmayer]; Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin. V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies 6. – 1982. – P. 500–528.

Ostapchuk V. Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) / V. Ostapchuk // Journal of Turkish Studies 11 – 1987 – P. 49–104; Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica: revue d`etudes turques. – 1987. – T. 19. – P. 247–276;

Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A document from the Ottoman archives / V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies 8 – 1984. – P. 453–473 [co-authored with András Riedlmayer]; Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin. V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies 6. – 1982. – P. 500–528.

21. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimee de 1532 a 1551) / haz. Ö. Gokbilgin – Ankara, 1973. – 313 s.

Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimee de 1532 a 1551) / haz. Ö. Gokbilgin – Ankara, 1973. – 313 s.

22. Tok Gökhan. DÜNYACA TANINMIŞ TARİHÇİMİZ HALİL İNALCIK / Gökhan Tok // Bilim ve Teknik. –357 s.

Tok Gökhan. DÜNYACA TANINMIŞ TARİHÇİMİZ HALİL İNALCIK / Gökhan Tok // Bilim ve Teknik. –357 s.

23. Topkapi Sarayi Muzesi Arsivi Kilavuzu / Topkapi Sarayi Müzesi Direktörlüğünce tertip e'ttirilmiş. – Istanbul, 1938. – 120 s.

Topkapi Sarayi Muzesi Arsivi Kilavuzu / Topkapi Sarayi Müzesi Direktörlüğünce tertip e'ttirilmiş. – Istanbul, 1938. – 120 s.

24. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

Seit-Mametov Sh. E. The history of studying sources on the history of Crimean Khanate in Turkish archives.

The article discusses the works of domestic and foreign orientalists. Describes the contribution of a researcher in the study of this subject. The most noteworthy of these major scholars like A. Bennigsen, O. Gokbelgin, A. N. Kurat, V. D. Smirnov, C. Lemercier-Quelquejay etc. The main reason for the lack of use of Ottoman sources was their extreme paleografic (age and condition document) and philological difficulties in translation. However, researchers have coped with this task. The article said that in their work orientalists give critic of the documents – described by their length, the quality of paper, handwritings, as well as the decrypted Khan's press. Most scientists consider separately each document – the first is given a facsimile of the original letters, then typed text on old osmanian language, followed by Latin transcription of the text.

Also, thanks to the work of researchers, we have the opportunity to meet with some of the earliest sources on the history of the Crimean Khanate.

In conclusion author say, that despite these works, the archive contains hundreds of unpublished documents, there is stored a large number of original documents and diplomatic epistolary nature that make up many of the gaps in the history of our region.

Article will be interesting for people involved in oriental studies.

Keywords: the archive of the Topkapi, Crimean Khanate, sources.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 105–117.

УДК 930:94

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭЛИТАХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (СЛУЧАЙ СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ)

Сень Д. В.

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: dsen1974@mail.ru

Рассмотрены исторические источники о биографии и военно-политической деятельности выдающегося политического деятеля Крымского ханства первой трети XVIII в. – кубанского султана Бахты-Гирея. Проблематика статьи вписана в биографику династии Гиреев, в историю политической культуры Крымского ханства, а также в источниковедение его истории.

Ключевые слова: Крымское ханство, династия Гиреев, исторические источники, архивы, источниковедение истории Крымского ханства, Девлет-Гирей II, кубанский султан Бахты-Гирей.

Отмечая существенные достижения исторической науки в изучении военно-политической истории и культуры Крымского ханства, обратим внимание на следующее: до сих пор недостаточно исследован такой крупный вопрос, как история династии Гиреев, представляющий одну из ключевых научных проблем исторического прошлого этого государства. Среди составляющих обозначенного вопроса выделяются: хронология правлений крымских ханов; практики передачи престола в Крыму: традиции и новации; эволюция управленческой иерархии в Крымском ханстве; внутрисемейная (внутриродовая) генеалогия и «матримониальная политика» династии Гиреев, внутрисемейные отношения Гиреев как фактор внутренней и внешней политики Крымского ханства; женщины ханского дома Гиреев; персональные истории правящих и не правящих Гиреев: исторические портреты ханов и их родственников, жизнь крымских ханов в ссылке после отставки и пр.

Приведенный выше перечень исследовательских проблем нельзя назвать исчерпывающим. Однако даже он позволяет обозначить некоторые перспективные подходы к изучению политической культуры Крымского ханства, смены ханов на крымском престоле, механизмов принятия ханами управленческих решений, совершавшихся под влиянием самых различных факторов – не сводившихся только к влиянию османского двора или к «проискам» местной знати против конкретного хана. К сожалению, в ходе изучения таких сюжетов историки зачастую сталкиваются с существенными лакунами исторического знания, отчасти вызванными недостатком источников, отчасти – невниманием к исследовательским проблемам историко-биографического характера из истории Крымского ханства.

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к изучению центральной проблемы в истории политической системы Крымского ханства – порядку наследования ханского престола [23, с.48]. Отношения между разными группами Гиреев не могли оставаться статичными на протяжении веков и даже десятилетий:

они активно развивались, характеризуя не только внутридинастийную борьбу Гиреев-родственников и их лавирование между местными крымскими элитами и Османами. Еще в большей степени история таких отношений отражает развитие государственной жизни Крымского ханства, которая не могла стоять на месте, динамично откликаясь на новые исторические условия и вызовы. Необходимо обратиться к мнению А. М. Некрасова (1999 г.) о том, что «…нужно прежде всего восстановить генеалогию Гиреев. Но доныне не существует даже полной родословной росписи ханского дома (из новейших работ см.: [17; 37]. – *Д. С.*). Разумеется, последовательность правления ханов давно известна, однако иначе обстоит дело с другими членами гирейской фамилии» [23, с. 50]. Обязательно должны быть продолжены работы по конкретизации и систематизации сведений по истории генеалогического «древа» династии Гиреев и внутридинастийных отношений, по уточнению и сопоставлению имеющихся в науке персональных данных о правящих ханах, их калгах, нурадынах и ор-беях, а также о других Гиреях – представителях династии т. н. «второго плана» [3, с. 11–59; 7, с. 58–69; 8, с. 242–287; 16, с. 86–93; 35, p. 315–370]. Генеалогическая же таблица Гиреев, созданная французскими исследователями, по замечанию А. М. Некрасова, «неполна, нередко неточна и нуждается в серьезной доработке» [23, с. 50]. Отчасти это замечание может быть отнесено к таблице «Ханы Крыма, калга и нуреддин» из того же капитального труда французских ученых [35, с. 361–370]. Практически не разработан вопрос о составлении персональных списков сераскеров ногайских орд (начиная со второй трети XVIII в.), тоже включенной бы, учитывая их «гирейский» состав, в сводные ряды крымских элит. Стоит вспомнить, что функции сераскера-наместника первым обрел сераскер Буджацкой орды во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. [32, с. 273]. После ее окончания все находящиеся под крымской властью ногайские орды (кроме Джембуйлуцкой) получили постоянного ханского наместника в чине сераскера. Следовательно, этот вопрос также органично вписывается в крупную научно-следовательскую проблему: историю крымских элит в связи с эволюцией управленческих структур в Крымском ханстве.

Анализируя практики престолонаследия в Крымском ханстве (активным участником которых была Османская империя), нельзя ограничиться частным замечанием о том, что в XVI в. османы не вмешивались в указанный процесс, а в XVII–XVIII вв. – «могли менять хана в любой момент по своему усмотрению» [7, с. 68]. Расплывчато звучат другие слова о «калейдоскопе» наследников крымских ханов как о якобы типичном уже для XVII–XVIII вв. [23, с. 53]. История правящей в Крыму династии полна примеров непростых отношений между отцом-ханом и его сыновьями-наследниками, между братьями – сыновьями правящего хана, между дядьями и племянниками, многие из которых (в т. ч. побывавшие в статусе наследника – калги или нурадына) сами впоследствии становились ханами. Отметим, что в Крыму принцип наследования по мужской линии внутри определенного рода (среди Гиреев и бейских родов Крыма) выдерживался довольно четко. Однако старшинство в роду или в семье само по себе не гарантировало получение определенного статуса, поскольку хан назначался по решению османского падишаха, а облеченные властью крымские султаны (калга, нурадын, сераскеры) назначались

правящим ханом из представителей разных ветвей фамилии Гиреев, часто – без особого внимания к их старшинству в роду или в семье. Определенное исключение в связи с вышеприведенными данными составила семья крымского хана Селим-Гирея, получившего от Стамбула привилегию назначения ханов только из числа его сыновей и их наследников. Конечно, абсолютизировать такой порядок не стоит; исключения из нового правила были: не все ханы, правившие в последней четверти XVII в. после первого правления Селим-Гирея (1671–1678 гг.), приходились ему сыновьями или даже братьями. И все же «Селимовцы» осознавали свое особое положение среди других представителей дома Гиреев [29, с. 30]. Порта, часто сообразуясь с указанным принципом, действительно назначала ханами в первой трети XVIII в. почти исключительно сыновей Селим-Гирея: Девлет-Гирея, Гази-Гирея, Каплан-Гирея, Сеадет-Гирея и Менгли-Гирея. При этом часть их успела до утверждения в ханском достоинстве побывать в сане и калги, и нурадына.

Таким образом, даже полный «списочный состав» правящих ханов, окруженных «своими» калгами и нурадынами, не даст всех ответов на вопросы о системе «сдержек-противовесов», которыми руководствовались в своем выборе правящие Гиреи и Османы. Весьма перспективно исследовать внутрисемейные и внутридинастийные отношения среди Гиреев (на что российские дипломаты в Крыму обращали традиционное пристальное внимание), истоки политического опыта и даже будущего реформаторства царевичей (султанов) из династии Гиреев, формы и степень их участия в военно-политической жизни Крымского ханства, формальные и личные (неформальные) связи тех же султанов с отдельными регионами и этническими общностями в ханстве и даже за его пределами, роль традиций и новаций в назначении ханами своих ближайших родственников на высшие управленческие должности. Вот почему в источниковедении истории Крымского ханства особое значение будут иметь поиск и ввод в научный оборот новых источников по истории элит Крымского ханства, на первом месте среди которых – династия Гиреев.

Некоторая часть исследовательских проблем, обозначенных выше, может быть рассмотрена на примере изучения жизненного пути султана Бахты-Гирея ((1670-е гг.(?) – 1729 г.) – старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II [12, с. 193–226; 13, s. 85–116; 14, с. 92–137; 28, с. 635–649]. Интерес к данной личности, к поиску и к анализу источников о нем определен несколькими причинами. *Во-первых*, современная историография насчитывает ограниченное количество работ, связанных с исследованием биографий Гиреев «второго плана». Многолетний поиск и ввод в научный оборот новых источников о жизнедеятельности Бахты-Гирея[1] привели нас с В. В. Грибовским к обоснованному выводу о перспективах конкретно-исторического изучения биографии *«всего лишь»* одного крымского царевича. Объем накопленного материала позволяет сегодня говорить о возможном написании монографии о жизнедеятельности кубанского султана Бахты-Гирея. *Во-вторых*, обогащение источниковой базы привело к расширению исследовательского пространства темы и

[1] Их осуществление стало возможным, в первую очередь, благодаря тесному творческому сотрудничеству автора статьи и к. и. н. В. В. Грибовского (г. Киев, Украина), постоянного соавтора наших опубликованных работ о султане Бахты-Гирее.

к разработке вопросов, раньше специально не формулировавшихся в науке или слабо разработанных – применительно к биографии конкретного царевича-Гирея, вписанной в историю ногайской Кубани и Крымского ханства в целом. Например, речь идет о такой крупной научной проблеме, как феномен нелигитимной власти в Крымском ханстве. Кроме того, были получены новые данные о фактах биографии Бахты-Гирея, позволившие восполнить существенные лакуны научного знания о нескольких десятилетиях его жизни начиная со времени появления на Кубани в конце XVII в. *В-третьих*, речь идет о выдающейся личности, имевшей определенные шансы стать крымским ханом и оставившей заметный след в истории Крымского ханства. Бахты-Гирей выдвинулся не только благодаря личным характеристикам и приобретенным качествам воина и политика. Среди Гиреев традиционно было немало ярких личностей, оказывавших многогранное личное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства и даже на жизнь сопредельных государств. Однако в истории Крыма гораздо меньше примеров, когда султаны (царевичи), так и не ставшие потом ханами, играли бы заметную политическую роль после смещения с престола (или смерти) своих отцов – правящих ханов, вдобавок – в условиях ограниченных (неустойчивых) управленческих ресурсов. Бахты-Гирей сумел добиться этого, организовав собственную систему поддержания своей власти в новых исторических условиях – на волне созревшего в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Обладая чертами харизматического лидера, Бахты-Гирей на протяжении многих лет умело выстраивал свою систему сдержек/противовесов среди фронтирных элит и пограничных сообществ, мало соотнося свои действия с целями османских и крымских правителей. Понимая опасения тех, для кого новая пограничная ситуация в Северном Причерноморье и в Северном Приазовье означала угрозу дальнейшего существования традиционного уклада, всего комплекса связей и отношений, издавна существовавших на степном порубежье, Бахты-Гирей быстро стал для ведущих держав опасным самостоятельным участником тогдашнего политического процесса на Юге. Это, в первую очередь, и обеспечило повышенный интерес правителей Крымского ханства, России и Османской империи к этому кубанскому султану, сумевшему утвердиться на периферии Крымского ханства, но распространившему свое влияние далеко за пределы ногайской Кубани. *В-четвертых,* изучение жизненного пути султана Бахты-Гирея расширяет наши представления об истории ногайской Кубани конца XVII в. – первой трети XVIII вв., входившей в состав державы Гиреев и представлявшей собой пограничный регион, богатейшая история которого не может быть механически сведена только к участию ногайцев в набеговой системе Крымского ханства.

Ниже представлен краткий обзор эвристических возможностей источников, освещающих малоизвестные и дискуссионные вопросы биографии султана Бахты-Гирея – фигуры не только регионального масштаба (Северный Кавказ), но также крупного политического деятеля, оказавшего влияние на османо-крымско-российские отношения первой трети XVIII в. Коллективные авторские наблюдения за географией амбициозных действий нашего героя и установление общей картины его пристального внимания, прежде всего, к Северному Кавказу, вряд ли состоялись

бы без этапа реализации архивной эвристики в федеральных и государственных архивах России. Безусловно, организуя новый архивный поиск, мы анализировали источники о Бахты-Гирее, уже введенные в научный оборот, в т. ч. дореволюционными публикаторами (А. А. Лишиным, А. З. Мышлаевским, Е. Д. Фелицыным и др.).

Сегодня можно говорить о том, что многие аспекты жизнедеятельности султана Бахты-Гирея нашли свое закономерное отражение в документальных источниках российского происхождения, связанных с документированием деятельности высших органов государственной власти (Сенат), центральных военных (Военная коллегия) и дипломатических (Посольский приказ, Коллегия иностранных дел) учреждений, а также ряда местных учреждений и администраций (в т. ч. пограничных), вступавших в переписку с вышестоящими учреждениями и с друг с другом. Таким образом, значительный массив использованных нами документов представлен делопроизводственными материалами российского происхождения (отношения, рапорты, расспросные речи и пр.). Учитывая направленность, формы и характер действий Бахты-Гирея, зачастую связанных с нападениями на российские владения и российских подданных, закономерно говорить о большом количестве документов, содержащих сведения о султане, прозванном уже современниками Дели-султаном (т. е. «шальным» или даже «бешеным» султаном). Наиболее информативные документы были обнаружены в фондах федеральных и государственных архивов:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва);

ГАРО – Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону);

ГАВО – Государственный архив Воронежской области (Воронеж);

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург);

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)[1].

Ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме. Такое положение дел, вероятно, можно признать «естественным». Однако именно поиск документов в разных архивах, находки одних и тех же текстов в составе подлинников и копий, наблюдения за направленностью документопотоков и т. п. основания привели к формированию репрезентативной источниковой базы. Заметим при этом, что до 2008–2010 гг. о подобном положении вещей говорить не приходилось. Сделанные в некоторых архивах *случайные* находки имели особое значение: в деле о «некрасовских шпионах», начатом в декабре 1726 г. и хранящемся в Государственном архиве Калужской области, были найдены сведения о нападении Бахты-Гирея на османский Азов [11, л. 8]. Более показателен другой аспект: вопрос о султане был включен в перечень вопросов, заданных некрасовцу Д. С. Михневу: «Как ты с товарыщем своим Резепкою пошел с Кубани, Бахти-Гирей салтан где обретался?» [11, л. 8]. Следует признать закономерным подобное проявление

[1] Подробные указания на номера фондов, единиц хранения и использованных листов из единиц хранения см. в наших с В. В. Грибовским опубликованных работах о Бахты-Гирее, приведенных в списке литературы.

повышенного интереса российских администраторов к личности Бахты-Гирея – учитывая его влияние даже на состояние русско-крымских и русско-турецких отношений того времени. Некоторые важные сведения о действиях Бахты-Гирея середины 1720-х гг., в т. ч. связанных с неурядицами в Крыму, попали на страницы российской газеты «Ведомости», материалы которой раньше почти не использовались специалистами при обращении к этому периоду в жизни Дели-султана [5].

Учитывая интерес, проявленный к личности и делам Бахты-Гирея дворами Стамбула и Бахчисарая, правомочно ставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме. Турецкие специалисты недавно опубликовали сборник архивных документов по истории Крымского ханства, в т. ч. содержащие сведения о Бахты-Гирее [36, s.127, 129]. Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA, Стамбул) содержат намного больше документов по теме исследования. Недаром имя султана Бахты-Гирея неоднократно упоминается в подробном обзоре документов из нескольких фондов по истории Крымского ханства из этого же архива [34, p. 566, 569, 570, 571]. Происхождение нескольких других документов восточного происхождения оказалось связано с Бахты-Гиреем в самом прямом смысле! Речь идет о нескольких его или близкой ему ногайской знати письмах за 1700 г., адресованных в российский Азов и удостоверенных личной печатью султана Бахты-Гирея [9, л. 2–3, 14; 10, л. 15–17]. Таким образом, этот сфрагистический материал тоже может быть использован при изучении более масштабного вопроса о традициях удостоверения документов в Крымском ханстве, активными участниками которого являлись не только ханы [19, с. 492–493], но и султаны со своими перстневыми печатями. Кроме того, эти и подобные им другие документы из фонда И-5 ГАВО позволили нам сформулировать новый в науке вопрос о формах коммуникации между ногайской Кубанью и российской администрацией Азова после 1696 г. Речь идет о том, что местные администрации России, Крымского ханства и Османской империи были вынуждены выстраивать диалог в условиях новых границ и новой пограничной ситуации на Юге.

Обнаруженные нами в Государственном архиве Воронежской области документы позволяют утверждать, что назначение Бахты-Гирея наместником крымского хана Девлет-Гирея II на Кубани состоялось до 1 июня 1700 г. В этот день со слов его посланцев в канцелярии азовского воеводы было написано: «А ныне де на Кубани у них салтаном крымского хана сын… Бахты Гирей» [9, л. 12]. 2 ноября того же года посланцы Бахты-Гирея заявляли о себе в Азове: «…мы живем на усту Кубану и владеет нами Бахтигирей салтан» [10, л. 17]. Полагаем, что на современном этапе изучения жизнедеятельности Бахты-Гирея именно документы ГАВО имеют исключительно важное значение, во многом объясняя его особое отношение именно к тому региону, где он сумел в итоге закрепиться. Особенно важно, что период жизни Бахты-Гирея рубежа XVII–XVIII вв., неплохо представленный в документах ГАВО, совпадает с началом пребывания молодого султана на Кубани и, очевидно, с истоками его административного и политического опыта. Документ из РГА ВМФ добавил важный штрих в характеристику отношений между ханом-отцом и царевичем-сыном. Так, после смещения с престола в 1702 г., по данным на 7 апреля

1703 г., «прежней де крымской хан Девлет Гирей с сыном своим кубанским салтаном Бахти Гиреем и с узденями своими ушли в горы к черкесом. А в Крым де на ево, ханово, место, прислан хан из Царяграда – отец ево, Девлет Гирея хана, – Селим Гирей... А с Кубани ж де Сартлана мурзу и иных лутчих мурз взяли в Крым, а ныне де на Кубани первым мурзою Урак мурза» [25, л. 793 об.].

Изучая связи Бахты-Гирея с Кубанью, зададимся еще одним вопросом, на который пока нет однозначного ответа: не был ли он отдан сюда в детстве на воспитание? Дело в том, что воспитание юных Гиреев по традиции возлагалось на аталыков (временных приемных отцов). На Северном Кавказе воспитание у аталыка считалось законченным, когда воспитанник (кан) возглавлял или участвовал в удачно проведенном набеге. Достигнув совершеннолетия, воспитанник возвращался в родной дом и на протяжении всей жизни поддерживал теплые отношения со своим аталыком, становившимся как бы близким родственником. Благодаря аталычеству, у Гиреев появлялись разветвленные связи с крупными родовыми группами адыгов, позволявшие не только крепче привязать этот регион к Крымскому ханству, но и использовать его для достижения своих личных целей. Поэтому заселенное адыгскими народами Левобережье Кубани стало прибежищем для многих представителей фамилии Гиреев, которые в силу разных причин не находили себе места в Крыму [20, с. 134]. Собственно, так станет поступать потом и Бахты-Гирей, время от времени терявший позиции на Правобережной Кубани.

Однако наряду с возможным «черкесским» следом в истории аталычества для Бахты-Гирея может быть предложена иная, «ногайская» версия. В показаниях казака станицы Дурновской г. Черкасска Захара Иванова, знавшего турецкий и татарский языки и допрошенного в Азове перед воеводой С. Б. Ловчиковым 13 марта 1701 г., фигурирует Сартлан-мурза – «дядька» неназванного по имени сына крымского хана, «кой был на Кубану салтан» и который в начале года (1701?) пошел во главе Кубанской орды вместе с Крымской ордой под командованием хана против Белгородской орды [1, л. 3]. Мы знаем, что Бахты-Гирей в указанный период пребывал на Кубани; остается выяснить, участвовал ли он в названном выше походе своего отца Девлет-Гирея II. Наконец, в нашем распоряжении все больше документов о Сартлан-мурзе, одном из самых влиятельных ногайских мурз начала XVIII в. Оттиск печати Сартлан-мурзы присутствует рядом с оттиском личной печати самого Бахты-Гирея на письме азовскому воеводе (1700 г.) [10, л.17]. Одно из последних упоминаний имени Сартлана-мурзы в российских источниках связано с майской отпиской атамана К. А. Булавина на Кубань Сартлану-мурзе и «всем кубанским мурзам» [4, с. 460]. Конечно, необходимо искать новые свидетельства аталычества влиятельного ногайского мурзы в отношении крымского царевича. Может оказаться, что Гиреи, сообразуясь здесь с новыми историческими условиями, пошли на укрепление своих клановых связей не только с черкесами, но и с ногайскими элитами Кубани. Вновь обращаясь к общим проблемам историко-генеалогических работ по истории дома Гиреев, отметим, что исследователи истории Крымского ханства нечасто обращаются к истории аталычества как важному социальному институту, издавна бытовавшему в тюрко-татарских государствах [18, с. 523–524].

Документальные источники помогли поставить точку в решении исключительно важного вопроса о калгайстве Бахты-Гирея. Кроме того, они позволили установить верность аналогичных сведений у крымско-татарского хрониста Халим-Гирея. Он указывал, что после 6 лет перерыва, в 1709 г., «Девлет Гирай был снова призван на крымский трон. Калгаем он назначил Сеадет-Гирей султана, а нуредином – своего старшего сына Дели Бахт Гирай-султана. Вскоре между ханом и калгаем случился конфликт, и хан назначил калгаем Бахт Гирая, а нуреддином – другого своего сына Бахадыр Гирай-султана» [33, с. 114]. В одной из своих статей мы с В.В. Грибовским скептически отнеслись к указанному известию, посчитав, что Бахты-Гирей являлся средним сыном Девлет-Гирея II, имея право претендовать на средний султанский чин – нурадына. При этом Батыр-Гирей, информация о котором послужила основанием для вывода о нурадынстве Бахты-Гирея, был ошибочно идентифицирован с Бахты-Гиреем. И здесь мы возвращаемся к вопросам, обозначенным в начале статьи, – о составе семей крымских ханов и восстановлении родового «древа» Гиреев, об установлении персонального состава управленческих структур Крымского ханства. Порой нам неизвестны не только имена ханских жен, но имена многочисленных родственников (в т. ч. потомков) правящих ханов по мужской линии. Информация источников даже о сыновьях правящих ханов зачастую противоречива и разрознена. Бывает так, что при описании тех или иных событий они упоминаются в качестве «безымянного» калги или нурадына или просто по имени. Так, в конце 1711 г. не названного по имени калгу-султана видел в Крыму сотник Богодуховской сотни Ахтырского казачьего полка Ф. Павлович [27, с. 345–346]. Вот почему частный случай султана Бахты-Гирея имеет выходы на более общие проблемы истории гирейской династии.

По свидетельству гетманского старшины И. Черняка, хан Девлет-Гирей II еще до прибытия в Крым назначил своего «среднего [сына] Батыр-Кгирея», который до приезда информатора И. Скоропадского в Перекоп, случившегося 3 января 1709 г., был «прислан на резиденцию» и «не токмо в Перекопи, но и во всем Крыму управляет на месте отца своего» [15, с.343]. Таким образом, султан Батыр-Гирей выступает здесь как ор-бей. О том же Батыр-Гирее рассказывали 21 января 1709 г. казаки Полтавского куреня С. Васильев и Г. Савин, отправленные И. Черняком к гетману И. Скоропадскому: «…Когда они с Черняком приехали в Перекоп, то тамо Каймакана на застали, понеже он поехал провожать до Порты стараго хана (Каплан-Гирея. – *Д.С.*); а обретается ныне в Перекопе новаго хана сын, Батырь-Кгирей, султан, который Черняка принял ласково…» [6, с. 444–445]. Среди сыновей Девлет-Гирея II из списка французских специалистов, состоящего из 12 имен, Батыр-Гирей отсутствует, зато имеется Бахадыр-Гирей [35, вклейка «Генеалогическая таблица Гиреев»]. Именно с ним, но не с Бахты-Гиреем можно с определенностью идентифицировать султана Батыр-Гирея, фигурировавшего в двух предыдущих источниках. Ведь имена Батыр и Бахадыр (Бехадыр) – варианты одного и того же имени. Кроме того, нам достоверно известно, что Бахты-Гирей никогда не занимал чина ор-бея. Подобное соотношение представляется важным еще потому, что в историографии известны примеры ошибочного отождествления

Бахты-Гирея и Батыр-Гирея в связи с событиями русско-турецкой войны 1710–1711 гг. Это тоже необходимо учитывать при исследовании биографии Бахты-Гирея и, конечно, биографий других крымских царевичей. О. Г. Санин ошибочно писал о действиях «кубанского нуреддин-салтана» Бахты-Гирея в мае 1711 г., когда его войско в составе 700 янычар и около 1000 запорожцев, не решившееся взять крепость Азов, пыталось штурмовать Тор и Бахмут [26, с. 178]. Однако документы, опубликованные А. З. Мышлаевским [22, с. 116–117, 125], позволяют уточнить, что указанными действиями руководил другой султан, а именно – Батыр-Гирей (Бахадыр-Гирей).

Анализ материалов российского делопроизводства привел нас с В. В. Грибовским к выводу о верности слов Халим-Гирея в отношении калгайства Дели-султана. В 1717 г. Бахты-Гирей в разговоре с российским толмачом Б. Шаровым самолично подтвердил свое пребывание в достоинстве калги: «…я де когда и в Крыму был халгою султаном, и за миром де я разбивал руских людей многое число, про мене де и про дело мое знает князь Дмитрей Михайлович Галицын» [21, с. 307]. Выражение «за миром» следует понимать как осуществление набегов в мирное время, т. е. до начала российско-турецкой войны в ноябре 1710 г. Б. Шарову принадлежит выразительная фраза, явно навеянная личными впечатлениями толмача от общения с Дели-султаном: «…а в словех своих оный султан зело непостоянен, *бес, а не человек, толко поношение человеком* (выделено нами. – Д. С.)» [21, с. 307]. Назначение Бахты-Гирея калгой, очевидно, не могло произойти в начале второго правления Девлет-Гирея. Австрийский дипломат А. Тальман указывал в донесении от 15 сентября 1709 г., что старший брат правящего хана, т. е. Девлет-Гирея II, калга-султан, прибыл недавно в Стамбул «с различными устными донесениями турецкому министерству» [30, с. 49]. Этим старшим братом хана являлся Сеадет-Гирей, впоследствии – крымский хан. Когда же случилось лишение Девлет-Гиреем II своего брата указанного чина и назначение калгой своего сына Бахты-Гирея? Вероятно, не раньше второй половины сентября 1709 г., а, скорее всего, даже позже. Обратим внимание, что в добавление к сведениям о Девлет-Гирее II Халим-Гирей указал, что, хан, отправляясь на театр военных действий в ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг., «оставил для охраны Крыма своего сына калгая Бахт Гирая, прославившегося в народе под прозвищем "Джихан Дели", сам же с многочисленной армией двинулся в сторону Аккермана» [33, с. 115]. Если признать правоту Халим-Гирея, то в начале лета 1711 г. Бахты-Гирей уже был калгой. Впрочем, свою «карьеру» во второе правление своего отца Бахты-Гирей закончил в чине нурадына, имея к 1713 г. уже основательный опыт знакомства с кубанским регионом, в истории которого он сыграл заметную роль.

Наконец, обратимся к еще одному актуальному вопросу – о семье султана Бахты-Гирея. К слову, нам пока ничего неизвестно о происхождении матери и жены (жен?) Дели-султана, что соотносится нами с отдельной научной проблемой в изучении династии Гиреев [24, с. 243–250]. Нам известно, что Бахты-Гирея был женат и что у него были дети. Как минимум, в семье родилась одна дочь, вышедшая замуж, возможно, при жизни своего отца. Из показаний казака

Я. Коржихина за 1737 г. мы узнаем о *зяте* султана Бахты-Гирея – Енгис-Гирее, сыне султана Мамат-Гирея, пребывавшем тогда на Кубани [31, с. 142]. По данным В. В. Батырова, незадолго до своей гибели в Кабарде Бахты-Гирей пребывал в 1728 г. в Копыле вместе со своим *тестем* Азамат-Мурзой (ногаец?) и отрядом из 1 тыс. калмыков [2, с. 50]. Согласно другим сведениям, в середине 1720-х гг. *тестем* Бахты-Гирея являлся кабардинский князь А. Кайтукин. Вероятно, в результате более детального изучения может проясниться вопрос о многоженстве Дели-султана. Если подобный факт имел место в действительности, то его можно будет отнести к числу дальновидных действий султана Бахты-Гирея по созданию на Северном Кавказе гибких и долговременных политических комбинаций и альянсов.

Завершая статью, выскажем мнение о том, что источниковедение истории элит Крымского ханства – одно из самых перспективных исследовательских направлений. Дальнейшее выявление и ввод в научный оборот исторических источников по указанной теме будет способствовать появлению новых исследований и постановке новых научных проблем. Считаем, что случай султана Бахты-Гирея, представленный в работе как часть крупной историко-генеалогической и источниковедческой проблемы, может быть успешно распространен на другие исследовательские практики. Первоочередное место среди них по праву принадлежит изучению истории династии Гиреев, многочисленный состав которой сулит ученым новые вопросы и попытки найти на них убедительные ответы.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (АСПбИИ РАН). Ф. 226. Оп. 1. Д. 543.
Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN (ASPbII RAN). F. 226. Op. 1. D. 543.

2. Батыров В. В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Волгоград, 2006.
Batyrov V.V. Kubanskii pravitel' Bakhty-Girei Saltan vo vzaimootnosheniyakh s Kalmytskim i Krymskim khanstvami // Sarepta: Istoriko-etnograficheskii vestnik. Volgograd, 2006.

3. Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на русский престол? // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2013.
Belyakov A. V., Vinogradov A. V. Murad-Girei: sluzhilyi Chingisid v Rossii ili pretendent na russkii prestol? // Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv / Red. kol. S.G. Klyashtornyi i dr. M., 2013.

4. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археографического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. 12. 527 с.
Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.) // Trudy istoriko-arkheograficheskogo instituta Akademii nauk SSSR. M., 1935. T. 12. 527 s.

5. Ведомости. 1725. № 56 (22 декабря); 1726. № 10 (15 февраля); 1726. № 11 (25 февраля).
Vedomosti. 1725. № 56 (22 dekabrya); 1726. № 10 (15 fevralya); 1726. № 11 (25 fevralya).

6. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2009. 1054 с.
Viiskovi kampanii dobi get'mana Ivana Mazepi v dokumentakh / Upor. S. Pavlenko. Kiïv, 2009. 1054 s.

7. Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2.
Vinogradov A. V. Krymskie khany v XVI veke // Otechestvennaya istoriya. 1999. № 2.

8. Виноградов А. В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах / Отв. ред. Н.Ф. Бугай, В.В. Трепавлов. М., 2011. Вып. 5.

Vinogradov A. V. Murad-Girei v «Astrokhani». K istorii politiki Rossii na Nizhnei Volge i na Kavkaze v 1586–1591 gg. // Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh / Otv. red. N.F. Bugai, V.V. Trepavlov. M., 2011. Vyp. 5.

9. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243.

Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO). F. I-5. Op. 2. D. 243.

10. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244.

GAVO. F. I-5. Op. 2. D. 244.

11. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2.

Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti (GAKO). F. 1692. Op. 1. D. 2.

12. Грибовский В. В., Сень Д. В. Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010.

Gribovskii V. V., Sen' D. V. Frontirnye elity i problema stabilizatsii granits Rossiiskoi i Osmanskoi imperii v pervoi treti XVIII v.: deyatel'nost' kubanskogo seraskera Bakhty-Gireya // Ukraïna v Tsentral'no-Skhidnii Єvropi. Vip. 9–10. Kiïv, 2010.

13. Грибовский В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века // Wschodni Rocznik Humanistyczny. T. 8 (2012).

Gribovskii V., Sen' D. Bakhty Girei i problema stabilizatsii granits Rossiiskoi i Osmanskoi imperii v pervoi treti XVIII veka // Wschodni Rocznik Humanistyczny. T. 8 (2012).

14. Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелигитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2013.

Gribovskii V. V. Cen' D. V. Kubanskii sultan Bakhty-Girei: fenomen neligitimnoi vlasti v Krymskoi vlasti pervoi treti XVIII v. // Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv / Red. kol. S. G. Klyashtornyi i dr. M., 2013.

15. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. К., 2007. 1144 с.

Doba get'mana Ivana Mazepi v dokumentakh / Upor. S. Pavlenko. K., 2007. 1144 s.

16. Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003.

Zaitsev I. Krymskie khany: portrety i syuzhety // Vostochnaya kollektsiya. Vesna 2003.

17. Зайцев И. В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток. 2008. № 4.

Zaitsev I. V. Zapisi genealogii i pravlenii krymskikh khanov i krymskie srednevekovye istoricheskie khroniki // Vostok. 2008. № 4.

18. Измайлов И. Структура власти в позднезолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. 1080 с.

Izmailov I. Struktura vlasti v pozdnezolotoordynskikh gosudarstvakh // Istoriya tatar s drevneishikh vremen: V 7 t. T. 4: Tatarskie gosudarstva XV – XVIII vv. Kazan', 2014. 1080 s.

19. Исхаков Д. Культура государственной жизни // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. 1080 с.

Iskhakov D. Kul'tura gosudarstvennoi zhizni // Istoriya tatar s drevneishikh vremen: V 7 t. T. 4. Tatarskie gosudarstva XV – XVIII vv. Kazan', 2014. 1080 s.

20. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. 318 с.

Klaprot Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh. Nal'chik, 2008. 318 s.

21. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба / Изданы под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1871. Т. 1. 346 с.

Materialy Voenno-uchetnogo arkhiva Glavnogo shtaba / Izdany pod red. A. F. Bychkova. SPb., 1871. T. 1. 346 s.

22. Мышлаевский А. З. Война с Турциею 1711 года: Прутская операция: материалы извлеченные из архивов. СПб., 1898. 359 с.

Myshlaevskii A. Z. Voina s Turtsieyu 1711 goda: Prutskaya operatsiya: materialy izvlechennye iz arkhivov. SPb., 1898. 359 s.

23. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2.

Nekrasov A. M. Vozniknovenie i evolyutsiya Krymskogo gosudarstva v XV–XVI vekakh // Otechestvennaya istoriya. 1999. №2.

24. Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Некрасов А. М. Избр. труды. Сост. К. Ф. Дзамихов, Дж. Я. Рахаев, науч. ред. К. Ф. Дзамихов. Нальчик, 2015. 255 с.

Nekrasov A. M. Zhenshchiny khanskogo doma Gireev v XV – XVI vv. // Nekrasov A.M. Izbr. trudy. Sost. K. F. Dzamikhov, Dzh. Ya. Rakhaev, nauch. red. K.F. Dzamikhov. Nal'chik, 2015. 255 s.

25. Российской государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1.

Rossiiskoi gosudarstvennyi voenno-morskogo flota (RGA VMF). F. 177. Op. 1. D. 25. Ch.1.

26. Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. Дис. … к. и. н. М., 1996.

Sanin O. G. Otnosheniya Rossii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v pervoi chetverti XVIII v. Dis. … k.i.n. M., 1996.

27. Сборник Имп. Русского исторического общества. 1878. Т. 25.

Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. 1878. T. 25.

28. Сень Д. В., Грибовский В. В. Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османо-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). Грозный, 2015.

Sen' D. V., Gribovskii V. V. Kubanskii sultan Bakhty-Girei i ego rol' v osmano-krymsko-rossiiskikh otnosheniyakh pervoi treti XVIII v. // Rol' lichnosti v stanovlenii i razvitii rossiisko-kavkazskikh otnoshenii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 230-letiyu so dnya rozhdeniya Bei-Bulata Taimieva (g. Groznyi, 13 noyabrya 2014 g.). Groznyi, 2015.

29. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: В 2-х томах / Отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., 2005. Т. 2. 314 с.

Smirnov V.D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty: V 2-kh tomakh / Otv. red. S. F. Oreshkova. M., 2005. T.2. 314 s.

30. Турция накануне и после Полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата). М., 1977. 104 с.

Turtsiya nakanune i posle Poltavskoi bitvy (Glazami avstriiskogo diplomata). M., 1977. 104 s.

31. Фелицын Е. Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т.1.

Felitsyn E. D. Sbornik arkhivnykh dokumentov, otnosyashchikhsya k istorii Kubanskogo kazach'ego voiska i Kubanskoi oblasti. Ekaterinodar, 1904. T.1.

32. Хайдарлы Д. И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 гг.) // Stratum plus. 2003–2004. № 6.

Khaidarly D. I. Moldaviya i Krymskoe khanstvo (1718–1774 gg.) // Stratum plus. 2003–2004. № 6.

33. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, пер., перил. А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова; под ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь, 2008. 288 с.

Khalim Girai-sultan. Rozovyi kust khanov, ili istoriya Kryma / Transkriptsiya, per., peril. A. Il'mi, sostavlenie prilozhenii i poyasneniya Kemalya Useinova; pod red. N. S. Seityag'yaeva. Simferopol', 2008. 288 s.

34. Desaive Dilek. Le khanat de Crimée dans les Archives ottomanes [Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümâyûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol.13. №4 (Octobre-décembre).

35. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexanndre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaive, Chantal Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978. 458 p.

36. Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents. Istanbul, 2013. 359 s.

37. Zaytsev I. The Structure of the Giray Dinasty (15th–16th centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Khans // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. Moscow. 10–15 July, 2005, Edited by Elena V. Boikova and RostislavB. Rybakov. Wiesbaden, 2006.

Sen' D. V. Biographical data of the Crimean Khanate elites: topical issues of historical sources study (case of Bakhty Giray Sultan).

The article describes the historical sources of the biography as well as the military and political activities of the outstanding political leader of the Crimean Khanate in the first third of the XVIII century – Kuban Sultan Bakhty Giray. The article theme is inscribed in the Biography of the Giray dynasty, in the history of the political culture of the Crimean Khanate, as well as a source of its history.

Keywords: Crimean Khanate, the Giray dynasty, historical sources, archives, source studies of the Crimean Khanate history, Khan Devlet II Giray, Kuban Sultan Bakhty Giray.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 118–127.

УДК 94(47).066

ДОКУМЕНТЫ РГАДА ПО ИСТОРИИ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ XVIII–XIX ВВ.: ОПЫТ АРХИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Фельдман Д. З.

Российский государственный архив древних актов, Москва, Российская Федерация
E-mail:dzfeldman@rambler.ru

Исследование основано на документах Российского государственного архива древних актов, посвящено анализу изучения этих материалов по истории крымских караимов XVIII–XIX вв. Часть документов РГАДА, касающаяся жизни и деятельности караимского раввина (газзана) С. А. Бейма, а также происхождения поздравительных сочинений караимов в адрес генерал-губернатора Новороссии князя М. С. Воронцова 1840-х гг., уже использовалась в научных исследованиях. Другие материалы, раскрывающие процесс принятия указа императрицы Екатерины II о предоставлении караимам льгот и преимуществ 1795 г., впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: караимы, евреи, Крым, Крымская война, торговля, промыслы, начальное образование, подати, российское законодательство, Екатерина II, М. С. Воронцов, С. А. Бейм, А. С. Фиркович, архивные документы.

В собрании старейшего хранилища страны – Российского государственного архива древних актов (РГАДА) – хранятся многочисленные документальные материалы по истории, науке, культуре и быту русского и других народов дореволюционной России. Имеются среди них и документы о караимах – одном из небольших народов, населявших Крымский полуостров. В количественном отношении их немного, однако они отражают некоторые узловые моменты истории этого своеобразного народа в Российской империи. Часть этих материалов уже была введена в научный оборот, другие будут проанализированы в настоящей работе, целью которой мы ставим обобщение опыта исследования документов РГАДА по истории крымских караимов.

Караимы являются одной из примечательных и древних этноконфессиональных групп, проживавших в Крыму, по некоторым сведениям, со второй половины XIII в., то есть со времени татаро-монгольского завоевания полуострова. Сюда они переселялись – в качестве пленных или самостоятельно – из Персии, Кавказа и Средней Азии, а также из Византии [1, с. 106–109]. С присоединением Таврии к России в 1783 г. русское общество познакомилось с этим народом, по внешнему виду, языку, нравам и обычаям очень похожим на татар, но исповедующим только Ветхий Завет (при отрицании Талмуда), празднующим субботу, имеющим религиозные книги с гебраистским шрифтом. Первоначально евреи-караимы как иудеи оказались в одной социальной и этноконфессиональной группе с евреями-раввинистами (талмудистами), когда Екатерина II по указу от 23 июня 1794 г. обложила всех евреев, записавшихся по городам в мещанство и купечество, двойной податью по сравнению с мещанами и купцами «христианского закона разных исповеданий» [4, № 17224, с. 532; 3, с. 36–37]. Однако это положение продолжалось относительно недолго: 8 июня 1795 г. императрица подписала указ «о чистоте веры и нации караимов», которые получили по нему особые привилегии и были отделены от евреев-

раввинистов [4, № 17340, с. 705–706]. До 1830-х гг. в официальных делах они еще именовались «евреи-караимы», затем – «русские караимы ветхозаветного исповедания». А в 1863 г. они были полностью уравнены в правах с христианами, что подтверждено циркуляром Министерства внутренних дел 1881 г.; абсолютно исчезло и само упоминание их религиозной связи с евреями – теперь их называли «караимы». Помимо Крымского полуострова, караимские общины существовали в ряде городов Новороссии (Одесса, Николаев, Херсон), а также Галиции (Галич, Луцк) и Литве (Троки), куда в конце XIV в. при великом князе литовском Витовте переселилась часть народа. Караимы занимались земледелием, садоводством, овцеводством, пчеловодством, виноделием, ремеслами, торговлей и, по свидетельству современников, по внешнему обличью были приятными людьми, имеющими кроткий и скромный характер [10, с. 308–316].

Выше говорилось об указе Екатерины II, предоставившей широкие льготы и преимущества караимам. В то же время выявленные в РГАДА архивные документы дают возможность детально проследить ход обсуждения вопроса о судьбе караимского народа в правительстве и алгоритм появления этого законодательного акта, который определил поворотный момент внутренней политики российских властей по отношению к караимам и заложил ее основы на обозримое будущее. (Данное дело отложилось в бывшем Архиве Министерства императорского двора.) Инициативным документом, запустившим процесс появления этого важного императорского указа, стало прошение «общества таврических евреев, именуемых караимы», направленное правителю Таврической области генерал-майору С.С. Жегулину. Об этом становится известно из рапорта Жегулина к екатеринославскому и таврическому генерал-губернатору, генерал-адъютанту и генерал-фельдцейхмейстеру, графу П. А. Зубову от 16 января 1795 г. (полученного графом 4 мая) [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55069. Л. 10–11]. Крымские караимы просили таврического губернатора ходатайствовать перед центральной властью в освобождении их домов от солдатского постоя. Свою просьбу они мотивировали тем, что проживают на Крымском полуострове уже в течение нескольких веков (около 450 лет), став коренным народом этого края, всегда отличались примерным поведением, преданностью властям и в предосудительных поступках замечены не были, издавна занимаются полезными для государства торговлей, промыслами и садоводством, отправляют службу на выборных должностях с возможным усердием, а также исправно платят все положенные по закону подати. При этом караимское общество Крыма акцентировало внимание на том, что все перечисленное отличает здешних оседлых евреев-караимов от вновь переселяющихся на полуостров или живущих здесь временно в соответствии со своей частной выгодой евреев-«раббинов», то есть раввинистов (талмудистов), которые якобы привержены к нарушению законов и имеют нарекания со стороны местного начальства.

Как выясняется, указанное прошение караимского общества в областную администрацию не было единственным. Но если об этом прошении караимов мы узнаем только из рапорта правителя Таврической области (или таврического губернатора) С. С. Жегулина, то второе их прошение – к екатеринославскому и таврическому генерал-губернатору графу П. А. Зубову как «верховному начальнику

края и усердному попечителю его населения» – имеется в рассмотренном архивном деле [Там же. Л. 12–13]. Оно датируется 7 апреля 1795 г., а было получено адресатом вместе с первым прошением 4 мая. В отличие от предшествующего послания, данное прошение содержит гораздо более широкий перечень просьб караимов, которые надеялись на ходатайство графа непосредственно перед императрицей. Первым и главным пунктом этого списка стала просьба сохранить за караимами старую норму взимания мещанских и обыкновенных с капитала податей, которая действовала вплоть до 1794 г., когда со всех российских евреев (иудеев), согласно указу Екатерины II, стали собирать двойную подать в отличие от представителей других конфессий. Одновременно караимы попросили освободить их и от платежа рекрутских денег, а также от солдатского постоя, поскольку взимание данных сборов и выполнение повинности, с одной стороны, для них было бы «отяготительным», а с другой – «постыдным». Наконец, прошение завершалось пунктом о предоставлении караимам привилегии разделять их движимое и недвижимое имущество в вопросах наследства и других случаев по их традиционным законам и с апробации сиротского суда. В целом же крымские караимы просили отделить их общество от прочих евреев, так как «никакой связи и никаких дел с ними не имеем и иметь не должны»; при этом они сообщали, что действуют в соответствии со своим «еврейским законом». Помимо всего прочего, указанное прошение содержит интересные статистические сведения: ссылаясь на то, что караимское общество Крыма от малолетнего до престарелого возраста насчитывает не более одной тысячи душ мужского пола, просители предположили, что распространение на них общего права не нанесет какого-либо ущерба экономическим интересам государства.

Получив перечисленные выше бумаги, граф П. А. Зубов, находясь в Царском селе, составил 1 июня 1795 г. свое доношение Екатерине II о сохранении за таврическими евреями-караимами прав, которыми они пользовались до выхода указа 1794 г. [Там же. Л. 1–9 об.]. В нем были отражены все те же доводы и просьбы, которые содержались в предшествующих документах. Кроме того, генерал-губернатор в своем докладе привел выдержки из законодательных актов (Городового положения, именного и сенатского указов), касающиеся профильных вопросов: о мещанских податях и службах, о нормах солдатского постоя, о взимании рекрутских денег, о разделе и наследовании движимого и недвижимого имущества. При этом особо оговаривались те позиции законов, которые имели непосредственное отношение к евреям. Подчеркнув, что некоторые просьбы караимов входят в противоречие с существующим законодательством, – в частности по вопросу об освобождении их от платежа рекрутских денег и солдатского постоя, – вельможа сообщил, что тем не менее, дабы облегчить их положение, выдаст предписание таврическому губернатору не посылать на постой в караимские дома излишнее количество солдат без особой нужды. Что же касается главной проблемы –отмены двойного налогообложения, – граф Зубов, учитывая тот факт, что евреи-караимы живут в Тавриде издавна и оседло, по свидетельству местных властей отличаются благонравным и честным поведением, все должности по выборам и службу несут усердно, занимаются полезными промыслами и торговлей совсем другого рода, нежели евреи-«раббины», поддержал просьбу караимов и предложил отделить их от

последних, уравняв в налоговых правах с прочими купцами и мещанами Таврической области. К своему доношению он приложил подлинник прошения караимского общества и рапорт генерал-майора С. С. Жегулина. Согласно помете на полях, уже 6 июня весь пакет документов был представлен на рассмотрение императрице. Другая же помета представляет из себя резолюцию Екатерины II о том, что графу П. А. Зубову по его доношению 8 июня 1795 г. передан императорский указ. Таким образом, прошения «общества таврических евреев, именуемых караимы» были удовлетворены.

23 июня 1795 г. в «Журнале предписаний и других отношений генерал-фельдцейхмейстера графа П. А. Зубова по частям, им управляемым, за 1-ю половину 1795 г.» было зафиксировано его предписание правителю Таврической области генерал-майору С. С. Жегулину (для исполнения Таврическими казенной и гражданской палатами) о взимании с местных евреев-караимов податей, исполнении ими повинностей и предоставлении им льгот наравне с прочими купцами и мещанами Таврической области, с приложением копии именного указа Екатерины II графу П. А. Зубову от 8 июня об отмене сбора с таврических караимов двойных податей, действующего в отношении евреев-раввинистов [Там же. Д. 65058. Л. 572 об.–576 об.].

9 июля 1795 г. в протоколе заседания собрания Правительствующего Сената появилась запись о рассмотрении рапорта екатеринославского, вознесенского и таврического генерал-губернатора графа П. А. Зубова с копией его доклада Екатерине II и именного указа императрицы от 8 июня того же года (объявленного в Сенате генерал-прокурором графом А. Н. Самойловым) о невзимании с «таврических евреев, именуемых караимы» двойных податей и оказании им других «выгод и облегчений» [Там же. Ф. 248. Оп. 58. Кн. 4819. Л. 108–108 об.]. В «Полном собрании законов Российской империи» этот указ озаглавлен следующим образом: «Об увольнении таврических евреев, именуемых караимы, от положенных на всех вообще евреев двойных податей»; он опубликован вместе с вышеупомянутым предписанием графа Зубова таврическому губернатору С. С. Жегулину [4, № 17340, с. 705–706]. Таким образом, указ 1795 г. стал первым серьезным шагом в процессе обособления в российском законодательстве караимской общины от евреев-раввинистов, который окончательно завершился уже во второй половине XIX столетия.

Отдельный корпус документов РГАДА по интересующему нас вопросу составляют материалы о жизни и деятельности Соломона Абрамовича (Авраамовича) Бейма, одного из выдающихся представителей караимов Таврической губернии XIX в., крупного религиозного и общественного деятеля, просветителя и ученого – исследователя истории и этнографии караимов, археолога и краеведа, члена различных общественных организаций и научных обществ. Впервые они были проанализированы в статьях Д. З. Фельдмана, опубликованных в журнале «Восток» и в одном из сборников материалов Воронцовских чтений [11, с. 146–157; 13, с. 53–63]. Соломон (Шолеме, Шулиме, Шеломо) Бейм родился в семье Авраама Бейма, бывшего обедневшего одесского купца 2-й гильдии, позднее главного раввина Одессы, кандидата в караимские гахамы – высшее духовное и светское лицо караимского округа, избираемое пожизненно [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 25].

Для своего времени он был человеком довольно грамотным, получив хорошее духовное и светское образование. Бейм прошел обучение в Одесском еврейском училище, изучил древнееврейский, караимский, русский, немецкий и французский языки, хорошо знал при этом бухгалтерское дело и коммерцию. С 1842 г. Бейм является старшим газзаном (караимским раввином) Бахчисарайской караимской общины в Чуфут-Кале. Когда в начале 1855 г. внезапно умер таврический и одесский караимский гахам, евпаторийский купец 1-й гильдии и городской голова Симха (Сима, Хаджи-Ага) Соломонович Бобович (Бабович), в связи с Крымской войной и оккупацией войсками союзников Евпатории, где всегда проводились очередные выборы духовных лидеров народа, это мероприятие было отложено на неопределенное время. Обязанности же гахама в ноябре этого года было поручено временно исполнять С. А. Бейму [Там же. Л. 50–50 об.], что явилось признанием его высокого авторитета и значительного влияния в караимских кругах. (Кроме того, по правилам в случае невозможности проводить выборы, обязанности гахама должен временно исполнять бахчисарайский старший газан.) И на этой должности Бейм находился до 1857 г. После смерти отца в начале 1860-х гг. он занял его место, став старшим газзаном караимской синагоги в Одессе, тем самым возглавив еще одну крупную караимскую общину Южной России.

Пожалуй, не менее важную часть жизни Бейма занимала просветительская деятельность среди караимов. Его главным и поистине выстраданным детищем явилось Караимское училище в Чуфут-Кале, основанное в августе 1843 г. и содержавшееся сначала на добровольные пожертвования жителей городка. В 1852 г. частное училище было передано под начало директора училищ Таврической губернии (то есть преобразовано в приходское). Программа учебного заведения строилась по европейским меркам – «ланкастеровской методе», и состояла из Ветхого Завета, еврейской грамматики, логики и русского языка (позднее добавилась арифметика) [Там же. Л. 6–7 об., 11 об., 12 об., 32–32 об., 86–89]. Долгое время Бейм был единственным учителем в своем училище, вкладывая личные материальные средства в учебный процесс, например, покупая книги и учебные пособия для преподавания. Статистика показывает, что почти в каждой караимской семье ребенок посещал училище, обучаясь в нем в зависимости от способностей три-четыре года.

В рапорте таврическому гражданскому губернатору В. И. Пестелю в 1845 г. гахам С. С. Бобович отмечал, «что еще не было примера такой редкой деятельности» как в обучении детей-караимов, так и в общественной жизни города. Гахам просил представить С. А. Бейма к награде [Там же. Л. 13–14]. 25 сентября 1845 г. таврический губернатор вручил Бейму золотые часы от великого князя Константина Николаевича «в знак августейшего внимания» [Там же. Л. 16]. А спустя три месяца, 3 января 1846 г., начальник Таврической губернии представил Бейма к награждению медалью, которая стала для него первой [Там же. Л. 17]. 9 октября 1848 г. в газете «Московские ведомости» (№ 122) было опубликовано повеление императора Николая I, объявленного Правительствующему Сенату 10 сентября, по представлению министра внутренних дел и согласно положению Комитета министров. К нему прилагался «Список лиц, коим всемилостивейше пожалованы медали» («за усердную их службу»). В числе других лиц, награжденных серебряными медалями «За

усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте был упомянут бахчисарайский караимский газзан, одесский мещанин Соломон Бейм.

С. А. Бейму был присущ весьма широкий круг научных интересов: он участвовал в экспедициях по розыску крымских иудейских «древностей» (книг, надписей на камнях и пр.); способствовал передаче Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге бесценного частного собрания древних еврейских рукописей караимских исследователей А. С. и Г. С. Фирковичей; выполнял поручения Императорского Археологического общества; активно работал в области этнографии караимов, подготовив национальный раздел Русской этнографической выставки и Московского этнографического музея; собирал интересные образцы для Минералогического общества; являлся членом-сотрудником Императорского Русского географического общества и действительным членом Таврического губернского статистического комитета; наконец, стал автором первых монографических описаний региона и живущего здесь народа: «Чуфут-Кале и караимы» (СПб., 1861) и «Память о Чуфут-Кале» (Одесса, 1862). Раввин лично встречал путешественников и ученых, военных и духовных лиц, государственных деятелей, включая императора Александра II с супругой, в немалом количестве пребывавших в Таврии, показывая им свое училище и местные исторические памятники и достопримечательности [Там же. Л. 19, 116 об.–119 об., 124–124 об.]. Просветительской деятельности среди караимов посвятил свою жизнь и его сын, М. С. Бейм, ставший газзаном московской общины.

Особая страница в жизни С. А. Бейма и Чуфут-Кале – Крымская война 1853–1856 гг. В 1854 г. военные действия подошли к Бахчисараю. В связи с этим генерал-лейтенант В.И. Пестель в мае этого года лично поручает Бейму обследовать Таврическую и Херсонскую губернии на предмет организации сбора и передачи секретных сведений, связанных с военной обстановкой на юге империи, и создания сети лазутчиков. Собранную информацию Бейм передавал в Карасубазар гахаму Симе Бобовичу вплоть до кончины последнего. В Чуфут-Кале к Бейму были прикомандированы двое рядовых солдат Владимирского и Суздальского полков – «в виде залога для жителей» (то есть для защиты караимов от возможных несправедливых требований со стороны военного начальства) [Там же. Л. 43]. 23 мая 1855 г. через таврического губернатора Бейму был передан приказ явиться к главнокомандующему Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, генерал-адъютанту князю М. Д. Горчакову. Сохранились личные комментарии Бейма, которые позволяют проследить дальнейшие события в его жизни и деятельности, а также его личное отношение к этим событиям: «Таким образом, был я приглашен начальством ко 2-му главнокомандующему, поручавшему мне также заботиться о пользе Отечества…» [Там же. Л. 44]. Одновременно ему была поручена прокладка новой дороги в Чуфут-Кале. Он отправляет ряд донесений в штаб армии с анализом обстановки в прифронтовой области. В ответ Бейм получает из лагеря на Инкерманских высотах, где располагался Главный штаб Южной армии и войск в Крыму, от начальника штаба генерал-адъютанта П. Е. Коцебу многочисленные записки. В одной из них, от 14 июня 1855 г., Коцебу благодарит газана за два письма с ценными сведениями и уведомляет о посылке 500 рублей

серебром «на известные Вам расходы» – видимо, на ведение разведывательной деятельности и оплату информаторов («шпионов и лазутчиков»); в другом – от 21 июля – сообщает о передаче показаний информатора-татарина о неприятеле главнокомандующему [Там же. Л. 45, 46]. В июле 1855 г. Бейм испрашивает разрешения у Коцебу на посылку трех татар на восток, запад и юг полуострова – в Керчь, Евпаторию и Байдары для сбора сведений об обстановке и передачи командованию; 17 июля он получает на это согласие [Там же. Л. 48]. Вообще, военное командование специально выделило Бейму деньги для оплаты разведчиков, о чем говорилось выше. Известно также, что еще в январе 1855 г. Бейм провел переговоры с командованием союзных войск и добился разрешения вывезти из оккупированной Евпатории (являвшейся местом постоянного пребывания гахама) караимов, не сумевших покинуть родной город. В результате 40 мужчин, 46 женщин и 117 детей были выпущены из Евпатории и на подводах переправлены в г. Симферополь [2, с. 9].

Надо сказать, что некоторые караимы принимали посильное участие в войне, что было замечено военным руководством. Кульминацией войны стала оборона города-крепости Севастополя. В своем рапорте главнокомандующему М. Д. Горчакову от 7 ноября 1855 г. командир 4-го пехотного корпуса, генерал-адъютант граф Д. Е. Остен-Сакен докладывал, что «крымские караимы… выказали в настоящую войну очень много усердия и самоотвержения, а главный в России караимский раввин Бейм, замечательный умом и образованием, постоянно дает направление караимам и укореняет в них… любовь к Отечеству» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 63 об.]. Генерал предложил наградить наиболее отличившихся караимов, что и было сделано. В самом конце 1855 г. группа из пяти человек – мещанского и купеческого сословий – была награждена золотыми и серебряными медалями. 31 декабря того года «за услуги, оказанные во время обороны Севастополя» награждены следующие караимы: севастопольский купец 2-й гильдии Яков Софер – золотой медалью для ношения на шее на Аннинской ленте, севастопольский купеческий сын Соломон Софер – золотой медалью для ношения в петлице на Аннинской ленте, евпаторийский мещанин Абрам Зурн и бахчисарайский мещанин Сима Сапака – серебряными медалями для ношения в петлице на Аннинских лентах. Все эти лица были представлены к медали с надписью «За усердие», но, кроме того, еще одного караима – трокского мещанина Иосифа Безиковича – пожаловали серебряной медалью «За храбрость» для ношения в петлице на Георгиевской ленте [Там же. Л. 65–65 об.]. Как видим, в Крымской военной кампании принимали участие и литовские караимы. К медали был представлен еще один караим – севастопольский купец 2-й гильдии Исаак Шапшал. Бейму было прислано письмо из канцелярии главнокомандующего с просьбой дать рекомендации по этой кандидатуре [Там же. Л. 67–67 об.]. Правда окончательный результат запроса остался неизвестен. Сам же Бейм за участие в защите российского форпоста на Черном море был награжден серебряной медалью с надписью «За защиту Севастополя» – этот факт зафиксирован свидетельством от 12 апреля 1856 г. из Главной квартиры крымских войск в Бахчисарае [Там же. Л. 72]. А позднее, согласно свидетельству штаба Главного управления Черноморского ведомства в Николаеве от 27 августа 1857 г., Бейм получает бронзовую медаль «В память Крымской войны 1853–1856 гг.» [Там же. Л. 73].

Третья группа документов РГАДА по истории караимского народа связана с именем графа, а затем светлейшего князя М. С. Воронцова, который находился на должности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в 1823–1855 гг. (сменив графа А. де Ланжерона) и продолжил в основных чертах политику местной администрации, направленную на развитие свободной торговли при умеренном государственном протекционизме. При этом надо отметить, что новороссийские власти всегда высоко оценивали коммерческую активность евреев и караимов Новороссии и Крыма. В условиях отсутствия местного среднего класса, с которым могло успешно конкурировать еврейское предпринимательство (как в западных губерниях), здешнее начальство относилось к евреям с предупредительностью, симпатией и терпимостью. Деятельность М. С. Воронцова высоко оценивалась иудейским населением Южной России, а его авторитет в этой среде был непререкаем.

В знак своей признательности как евреи, так и караимы не раз преподносили своему генерал-губернатору сочиненные ими произведения. Так, в конце 1840-х гг., во время посещения Воронцовым Таврии, ему был преподнесен псалом от местной караимской общины. «Псалом на приезд в Крым Его сиятельства господина наместника Кавказскаго, генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского князя М. С. Воронцова» сочинил на еврейском языке и сам же перевел на русский караимский раввин (старший газзан) Бахчисарайской синагоги С. А. Бейм [Там же. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2974. Л. 32–33]. Надо сказать, что Воронцов знал об этом караимском просветителе. В марте 1850 г. таврический гражданский губернатор В. И. Пестель писал генерал-губернатору о шестилетней деятельности Бейма в должности старшего газзана, одним из главных результатов которой стало открытое им училище, содержавшееся частично на свое ограниченное жалованье [Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 22–23 об.]. Как говорилось выше, Бейм лично встречал государственных и военных деятелей, деятелей науки и культуры, знакомя их с местными достопримечательностями, историческими и архитектурными памятниками. Он даже вел альбом, куда записывал имена «достойных гостей» Чуфут-Кале, посетивших его дом в разные годы, – есть среди них и князь Воронцов [Там же. Л. 116 об.–119 об., 124–124 об.]. В молитве, сочиненной Беймом, подчеркивались «мудрое начало» и «отеческое попечение» Воронцова о вверенном ему крае, который «наслаждается благоденствием». От лица жителей «ветхого» (то есть древнего) местечка Чуфут-Кале, пригорода Бахчисарая, раввин пожелал князю успехов в его делах, исполнения желаний, здоровья и счастья его семье. Слова эти были искренними, поскольку крымские караимы действительно ощущали на себе заботу местной администрации и не чувствовали ущемления своих прав [11, с. 156; 12, с. 97]. Следует также отметить, что по случаю открытия в Одессе памятника князю Воронцову С.А. Бейм прочитал специальную проповедь.

8 сентября 1848 г. в Алупке генерал-губернатору был поднесен «Гимн для приветствия князю Михаилу Семеновичу в день совершившегося юбилея пятидесятилетней службы Его сиятельства» – русский перевод с еврейского сочинения наиболее известного караимского общественного и научного деятеля Авраама Самуиловича Фирковича сделал его помощник-зять и однофамилец Гавриил Семенович Фиркович [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2974. Л. 14–14 об.]. Стихи

начинались так: «О ты, вельможа славный, Царя наместник верный, Муж доблестей гражданских, Муж доблестей военных». В гимне отмечались заслуги Воронцова на военном и административном поприще: участие в «народной войне», смирение «диких племен», предоставление прав, просвещения и «гражданского быта» населению Крыма, в том числе «малочисленному» караимскому народу. А заканчивался гимн следующим четверостишием: «Сам вождь небесных сил, Архангел Михаил, Да осенит, о князь!, тебя, Чтоб совершить великия дела» [12, с. 98]. Оставим в стороне несовершенство перевода, высокопарность слога и некоторую витиеватость выражений, впрочем, присущих данной форме произведений, и зададимся вопросом: какой другой российский государственный деятель XIX столетия подобного ранга, кроме М. С. Воронцова, удостоился такого, подчеркнем – заслуженного, внимания со стороны иудейского населения Российской империи.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что документальные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, проливают свет на ряд важных исторических событий, связанных с жизнью одного из небольших и самобытных народов нашего государства – караимов. Данные архивные источники, с одной стороны, позволяют проследить процесс выработки в конце XVIII в.юридического статуса караимов уже как подданных Российской империи, а с другой – демонстрируют участие некоторых наиболее ярких представителей этого народа в жизни Крымского региона XIX в.

Список использованных источников и литературы

1. Кизилов М. Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.

Kizilov M. B. Krymskaya Iudeya: ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen do nashikh dnei. Simferopol': Dolya, 2011. 336 s.

2. Лебедева Э. И. Крымская война и караимы. Симферополь, 2004. 79 с.

Lebedeva E. I. Krymskaya voina i karaimy. Simferopol', 2004. 79 s.

3. Леванда В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649–1873. СПб., 1874. 1158 с.

Levanda V. O. Polnyi khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseya Mikhailovicha do nastoyashchego vremeni. 1649–1873. SPb., 1874. 1158 s.

4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1 (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. XXIII. № 17224, с. 532; № 17340, с. 705–706.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobr. 1 (PSZ–1). SPb., 1830. T. XXIII. № 17224, s. 532; № 17340, s. 705–706.

5. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Д. 365. 130 лл.

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). F. 188. Rukopisnoe sobranie TsGADA. Op. 1. D. 365. 130 ll.

6. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 58. Кн. 4819. Л. 108–108 об.

RGADA. F. 248. Senat i ego uchrezhdeniya. Op. 58. Kn. 4819. L. 108–108 ob.

7. РГАДА. Ф. 1239. Дворцовый отдел. Оп. 3. Ч. 111. Д. 55069. 13 лл.

RGADA. F. 1239. Dvortsovyi otdel. Op. 3. Ch. 111. D. 55069. 13 ll.

8. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 65058. Л. 572 об.–576 об.

RGADA. F. 1239. Op. 3. Ch. 118. D. 65058. L. 572 ob.–576 ob.

9. РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 2974. Л. 14–14 об., 32–33.

RGADA. F. 1261. Vorontsovy. Op. 1. D. 2974. L. 14–14 ob., 32–33.

10. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. I. 552 с.

Skal'kovskii A. A. Opyt statisticheskogo opisaniya Novorossiiskogo kraya. Odessa, 1850. Ch. I. 552 s.

11. Фельдман Д. З. Крымские караимы при генерал-губернаторе М.С. Воронцове // Воронцовы – два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Петушки, 2001. Вып. 6. С. 146–157.

Fel'dman D. Z. Krymskie karaimy pri general-gubernatore M.S. Vorontsove // Vorontsovy – dva veka v istorii Rossii: Trudy Vorontsovskogo obshchestva. Petushki, 2001. Vyp. 6. S. 146–157.

12. Фельдман Д. З. М. С. Воронцов и еврейское население Южной России в первой половине XIX в. // Воронцовы – два века в истории России: Труды Воронцовского общества. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. Вып. 5. С. 86–100.

Fel'dman D. Z. M. S. Vorontsov i evreiskoe naselenie Yuzhnoi Rossii v pervoi polovine XIX v. // Vorontsovy – dva veka v istorii Rossii: Trudy Vorontsovskogo obshchestva. SPb.: Sankt-Peterburgskii tsentr istorii idei, 2000. Vyp. 5. S. 86–100.

13. Фельдман Д. З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма: по архивным материалам // Восток. 2000. № 3. С. 53–63.

Fel'dman D. Z. S.A. Beim – glava karaimskoi obshchiny Kryma: po arkhivnym materialam // Vostok. 2000. № 3. S. 53–63.

Fel'dman D. Z. Documents of RGADA on the history of the Crimean Karaites in the XVIII – XIXth centuries: the experience of archival research.

This article, based on documents of the Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA), is devoted to the analysis of studies of these materials on the history of Crimean Karaites XVIII – XIXth centuries. Some of the documents RGADA, relating to the life and activities of Karaite Rabbi (gazzan) S.A. Beym and also about the origin of congratulatory writings of the Karaites to the address of the Governor-General of Novorossiya Prince M. S. Vorontsov 1840s, has already been used in scientific research. Other materials, that reveal the adoption of the Decree of empress Catherine II on the provision of benefits and advantages to the Karaites 1795, for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: The Karaites, the Jews, Crimea, Crimean war, trade, crafts, elementary education, taxes, Russian legislation, Catherine II, M. S. Vorontsov, S. A. Beym, A. S. Firkovich, archival documents.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 128–132.

УДК 94(477.75)"1346–1347"

ЛАТИНСКИЕ И АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ В КРЫМУ В 1346–1347 гг.

Хайдаров Т. Ф.

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
E-mail: timkh2000@yandex.ru

Вторая пандемия чумы, известная под названием «*черная смерть*», унесла примерно 2/3 населения средневековой Европы. Один из первых ударов был нанесен по крымскому полуострову. Хотя и были опубликованы многие из исторических источников, но практически до последнего времени их данные использовались отдельно друг от друга. Если в западной историографии были известны данные хроники Маттео Вилани и Габриэле де-Муси, то в отечественной использовались отрывки произведений ал-Айни и Ибн ал-Варди. Сопоставление данных эти источников позволяет более критично взглянуть на сообщения о крымской эпидемии чумы в 1346–1347 гг. Получившаяся реконструкция дает представление о существовании различных оценок данного явления у итальянцев, арабов, татар и монголов.

Ключевые слова: «черная смерть», Крым, осада Кафы, Джанибек, Маттео Вилани, Габриэле де-Муси, ал-Айни и Ибн ал-Варди.

Наименее изученным в истории Крыма считается средневековый период. В последние годы в связи с массовым введением в историографию целого ряда ранее неизученных и пересмотренных опубликованных письменных источников многие страницы крымской истории стали пересматриваться. Впрочем, несмотря на наметившие тенденции, многие из известных эпизодов крымской средневековой истории, вследствие постоянного исследовательского интереса, практически не подвергались критическому анализу. Одним из ярких примеров сохраняющегося историографического традиционализма служит тема «*Эпидемия черной смерти в Крыму в 1346–1347 гг.*». Поэтому для реконструкции этих событий крайне необходимо проанализировать уже имеющиеся письменные источники на латинском и арабских языках.

Одной из первых подробных описаний эпидемии «*черной смерти*» в Крыму является средневековая хроника флорентийца Маттео Виллани. В тексте источника содержится информация о возникновении после бомбардировки весной 1347 г. неизвестного ранее заболевания, приведшего к массовому мору среди жителей города. У всех заболевших и умерших наблюдались характерные для «*черной смерти*» симптомы (сыпь в паховой области и суставах). Вследствие незнания городскими врачами природы болезни, оказание последующей медицинской помощи зачастую не было эффективным. Очень скоро умерших внутри городских стен стало так много, что горы тел павших стали видны осаждавшим татарам. Жители осаждённого города попробовали захоронить мертвых в водах Черного моря, но вскоре воздух и местные грунтовые воды были отравленные трупным ядом. Очень скоро оставшиеся в живых вынуждены были обратиться в бегство. Однако спасшиеся продолжали сеять яд чумы среди жителей тех мест, где останавливались торговые суда последних. Так чума попала в Константинополь, Египет и Сицилию [3, s. 20].

Более достоверную информацию о крымской эпидемии чумы содержится в труде оказавшегося внутри городских стен во время осады Кафы путешественника из Пьяченты Габриэле де Мусси 1348 г. («*История мора, или великой смертности*») [1]. Данный источник, несмотря на сохранность только в более поздних копиях, из которых наиболее ранняя датируется 1367 г., продолжает сохранять наибольшую исследовательскую ценность.

Написанный сразу же после событий в 1348/49 г. текст позволяет понять отношение западноевропейцев к новому заболеванию. И здесь, главным образом, обращают на себя внимание явно апокалиптические описания событий. Именно как посланную кару с небес за неверение восточных народов в Иисуса Христа автором текста объявляется основной причиной начала эпидемии. Впрочем, Габриэле де Мусси признает восточное происхождение болезни. Вот как он пишет об этом: *«...В 1346 году, и в странах Востока, бесчисленное множество татар и сарацин были сражены, принесшую им внезапную смерть, таинственной болезнью. В этих странах не осталось ни одной провинции, земель, городов, поселков и населенных пунктов, которые не оказались бы охвачены этой лишающую жизни местных жителей болезнью. Находящаяся под управление татар восточная страна, начала осаду лежащей к северу от Константинополя Таны. После инцидента, часто посещаемый итальянскими купцами город был полностью заброшен, осажден и покорен быстро собравшимися из Золотой Орды татарами. Вытесненные силой христианские купцы, оказались столь напуганы властью татар, и чтобы спасти себя и свое имущество, они вынуждены были в вооруженном корабле укрыться в основанной генуэзцами в той же части мира Кафе»* [4, p. 972].

Далее, автор сообщает нам о начавшейся во время трехлетней осады города Кафы эпидемии: «*О, Боже! Теперь оказалась окруженной со всех сторон татарами Кафа и христиане вынуждены были в течении 3-х лет быть в осаде. Окруженные огромной армией противника, вряд ли могли свободно дышать, хотя еда на кораблях доставлялась в город, что давало им хоть какую-то надежду. Но вот, в армии противников разразилась болезнь, которая стала ежедневно убивать тысячи и тысяч татар. Как будто пролился с небес дождь и сбил всю спесь с татар. Все медицинские советы и меры были бесполезны. Татары умирали как только обнаруживались признаки заболевания на их телах: отеки в подмышечной области или в области паха, вызывающие к не сворачиваемость крови с последующей гнилостной лихорадки…*

Умирающие татары, оглушённые и ошеломлённые необъяснимой катастрофой, вызванной болезнью, начинали понимать на отсутствие у них надежды на спасение и тем самым теряли всяческий интерес к осаде. Однако, это не помещало им использовать труппы умерших в качестве снарядов для катапульты. Делалось это в надежде, что невыносимая вонь убьет всех сопротивляющихся или хотя бы заставит ещё живых оставить умирающий город. Христиане не могли скрыться или бежать от неё, хотя они и стали выбрасывать трупы в море. Но вскоре испорченный от гниющих трупов воздух испортил местный источник и настолько стал не выносим для окружающих, что несколько тысяч человек из татарского войска вынуждено было обратится в бегство. Более того, выяснилось, что один

зараженный человек мог заразить несколько человек и место, где он находился. Из-за того, что никто не знал или не мог видеть в себе средство борьбы с болезнью, все оставались с болезнью наедине».

Габриэле де Муси стал первым из средневековых западноевропейских авторов, который попытался определить месторасположение первоочага неизвестной болезни: «*Таким образом, почти все, кто бывал на Востоке или в регионах расположенных к югу и к северу, как правило падали жертвой внезапной смерти, вызванного этой чумной болезнью. Именно вовремя этой болезни на телах смертельно больных вырастают на теле опухоли*» [4, p. 973].

Масштабность смертности и неизвестная форма болезни заставили итальянца объявить, что страшные события 1346–1347 гг. являются предвестниками наступления описанного в библии Страшного суда. Это опасения усиливались тем, что многие восточные земли также оказались поражены этой болезнью. Среди перечисленных им народов упоминались, китайцы, индусы, персы, мидяне, курды, армяне, киликийцы, грузины, месопотамцы, нубийцы, эфиопы, турки, египтяне, арабы, сарацины и греки.

В Крыму, по признанию путешественника, «*вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной и необъяснимой болезни... огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели. В Кафе из тысячи умерших в живых оставалось не более 10 человек*».

Дальнейшее распространение эпидемии итальянских хронистом описано во всех подробностях. «*Родные и друзья и соседи поспешили к нам... но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд....Как это произошло, среди тех, кто сбежал из Кафы. На лодке было несколько матросов, которые заразились ядом болезни. Некоторые суда отправились в Геную, другие в Венецию и христианские направления. Когда матросы достигнув этих мест и смешивавшись с местными жителями, то происходило так, как будто бы они приносили с собой злобных духов. Каждый город, каждый поселок, каждое место были отравлены заразным мором. Их жители, мужчины и женщины неожиданно стали погибать. И если один человек заразился этим заболеванием то он, как правило отравлял всю свою семью, и даже когда он падал и умирал. Умереть мог даже тот, кто готовился захоронить его тело. Таким образом смерть шла через окна. Города и поселки опустели, их жители оплакивали своих мертвых соседей*» [4, p. 974].

Впрочем, даже большая смертность среди населения Кафы и бегство отставших в живых, по мнению отечественного исследователя Е. Г. Еманова, не привело к полному падению города. Наоборот, ослабленное болезнью татарское войско вынуждено было снять осаду Кафы [1, с. 50].

Несмотря на столь подробное описание Габриэле де Муси эпидемии чумы в Кафе общую картину крымской чумы 1346/47 гг. предоставляют тексты арабоязычных авторов ал-Айни и Ибн ал-Варди.

Вот как описывает эти события ал-Айни: «*К числу событий 749 года относится великая моровая язва и охватившая всех чума, случившаяся в землях Халебских, Сирийских и Египетских и продолжавшаяся до 750 года. Это был сильный мор,*

опустошивший страны и жилища, и поразивший людей онемением и кровохарканием. Число умерших доходило в Каире и Мысре в день до 20000 человек, а в Халебе в день до 5000, в Айнтабе (умирали) каждый день от 150 до 200, – в один день больше, в (другой) меньше – а в Дамаске 1000 человек. Погибло народу приблизительно 2/3. Этот мор есть тот, который люди называют «великим мором». В некоторых летописях говорится, что число умерших в Мысре и Каире в шаабане и рамазане (25 октября – 22 декабря 1348 г.) дошло до 900000 человек. О чуме подобно этой, никто (прежде) не слыхал. Чумы в исламе насчитывают пять; эта шестая, и не было в нем (в исламе) чумы сильнее этой; потому что она охватила и мусульман и неверных в некоторых странах, особенно в землях франков, и обезлюдела большую часть страны. Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов» [2, с. 529–530].

Арабский автор трактата *«Весть о чуме»* Ибн ал-Варди, умерший от болезни в начале 1350 г., так описывал вспышку «черной смерти» в Крыму: «*В 747 году (1346) приключилась в землях Узбековых чума, обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того... Затем чума перешла в Рум (Константинополь), где погибло много народу, – сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, то кади Крымский рассказывал:* «*Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85000, не считая тех, которых мы не знаем»* [2, с. 498].

Исходя из приведенных источников и проведенных в области чумы исследований, можно сделать определенные выводы о происхождении крымской чумы. Согласно им, последняя пришла на полуостров через волго-донские степи около 1346 г., то есть ровно через 15 лет после первых вспышек данного заболевания, локализованных в районе среднеазиатского озера Исыкуль. Хотя смертность среди населения полуострова была достаточно велика. Однако позиции Крыма на пространстве Улусе Джучи ничуть не ослабли. Скорее нужно говорить о их усилении.

В целом, осада Джанибеком крепости Кафы являлась лишь одним из событий длительного соперничества в Черном море итальянских торговых республик Генуи и Венеции. Несмотря на то, что эпидемия чумы унесла достаточное количество населения, полуостров продолжил усиливать свои позиции в транзитной торговле итальянских республик с Востоком, что, в свою очередь, напрямую способствало восстановлению доэпидемической численности населения Крыма.

Вторая пандемия чумы явилась своеобразным рубиконом, отделившим эпоху Средних веков от Нового времени, средневековую схоластику от антропоцентризма и рационализма, феодализм от капитализма. По неподтвержденным данным, общее число умерших по миру составило порядка 60–80 млн человек. Её результатом явились как колоссальные социальные и политические потрясения, так и мощнейший технологических рывок. Возникший на руинах старого новый мир привнес в сообщества людей совершенно иные представления о государственном и административном устройстве, этнических, языковых, религиозных, межкультурных и межцивилизационных отношениях. В любом случае эти изменения для современников событий очень долго не были очевидны. Поэтому описания чумы,

сделанные латинскими и арабскими авторами в Крыму, так важны для осмысления этих процессов. Являясь первыми подобными описаниями, эти источники способствовали формированию новой традиции описаний эпидемий.

Список использованных источников и литературы

1. Еманов Е. Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского гос. университета. Серия: «История». 2013. № 2. С. 49–54.

Emanov E. G. Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoi istorii // Vestnik Tyumenskogo gos. universiteta. Seriya: «Istoriya». 2013. № 2. S. 49–54.

2. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 588 с.

Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. SPb., 1884. 588 c.

3. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen, 2000. 272 S.

4. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Historical review. 2002. Vol. 8, №. 9. Pp. 971–975.

Khaydarov T. F. Latin and Arab sources about the plague in the Crimea in 1346–1347.

The second pandemic of plague, known as Black death, claimed approximately 2/3 of the population of medieval Europe. One of the first blows was struck on the Crimean Peninsula. Although they were published, many from historical sources, but until recently their data were used separately from each other. If In Western historiography were known to the chronicle data Wilanów Matteo and Gabriele de Musi, in the national historiography was used fragments of works of al-Ayni and Ibn al-Vardi. Mapping these data sources allows a more critical look at the reports of the Crimean plague in 1346 – 1347. The resulting reconstruction gives an idea about the existence of different evaluations of this phenomenon among Italians, Arabs, Tatars and Mongols.

Key words: Black death, the Crimea, the siege of Caffa, Janibek, Matteo Wilanow, Gabriele de Musi, al-Ayni and Ibn al-Vardi.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 133–139.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ, ПОСЕТИВШИХ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

Шалак М. Е.

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail:shalak@sfedu.ru

Проводится анализ публицистических источников иностранного происхождения, содержащих сведения о Крымском ханстве и его населении. Это произведения западноевропейских дипломатов, путешественников, авантюристов, побывавших в Московском государстве накануне либо во время Смуты начала XVII в. Образ крымских татар, который выстраивался на основе их суждений и оценок, порой не имел ничего общего с реальным состоянием народа. Однако на основе этого образа складывалось общее представление о Крымском ханстве и его населении в европейском общественном сознании раннего Нового времени. Поэтому изучение этого образа, сопоставление его с аналогичными сведениями из других синхронных источников, представляется достаточно перспективной проблемой.

Ключевые слова: Крымское ханство, западноевропейские публицисты, Смутное время, нарративные источники.

Известия иностранцев, посетивших Русское государство в XVI – XVII вв., продолжают привлекать исследователей своими оценками и трактовками событий отечественной истории, зачастую сильно расходящимися с аналогичными данными, содержащимися в русских источниках. Еще В. О. Ключевский обратил внимание на то, что иностранные известия могут быть важным материалом для изучения прошедшей жизни народа [1, с. 7]. Будничная жизнь, повседневность, на которые не обращали внимание русские современники, останавливали на себе внимание чужестранца. В этом плане интересно проанализировать данные о Крымском ханстве, которые мы находим в произведениях таких иностранцев, побывавших в России в обозначенный период, как Джайлс Флетчер, Жак Маржарет, Исаак Масса и др. [2, 3, 5].

Примечательно, что сами они никогда в Крымском ханстве не были и получали данные о жизни, нравах и обычаях крымских татар от русских информаторов или в процессе непосредственного знакомства с представителями татарских посольств в Москве. Малознакомые как с русской, так и с татарской историей, чуждые и русским, и, тем более, татарам по понятиям и привычкам, иностранцы не могли дать верного объяснения многим явлениям татарской жизни, зачастую не могли даже беспристрастно оценить их. Но описать их, показать наиболее заметные черты, высказать непосредственное впечатление, произведенное на не привыкшего к ним человека, они могли лучше и полнее, нежели русские современники. В этой связи изучение сведений о Крымском ханстве, содержащихся в произведениях иностранцев о Московском царстве к. XVI – н. XVII вв., представляется актуальным для исследователя.

Начать анализ этих сведений нужно с исторической географии Крымского ханства. Иностранцы писали, что крымские татары жили на юге и юго-востоке от России. При этом Дж. Флетчер уточнял, что от Вологды до Москвы и далее, на юг, к границе Крыма, расстояние равнялось примерно 1700 верстам (около 1813 км., что

совершенно не верно и подтверждает весьма туманные представления Флетчера о географии России и сопредельных с ней стран – М. Ш.) [5, с. 486]. Северная граница Крымского ханства начиналась, по мнению иностранцев, у истока Оки и пролегала до Казани, которая, согласно их представлениям, была пограничным с Крымским ханством городом. Ещё одним ориентиром была река Дон, протекавшая через землю крымских татар. Есть у иностранцев также сведения, что город Царев-Борисов находился в 8 днях пути от Великой Ставки, места сбора татар перед набегом. Само Крымское ханство раскинулось в степях, просторы его огромны и изобилуют всякой дичью, в особенности оленями, ланями и косулями [2, с. 120]. Важным сведением является упоминание иностранцев о наличие в татарской степи дорог, которые имели названия, как то крымская дорога или дорога Великой Ставки [2, с. 147].

Буферной зоной между Россией и Крымским ханством иностранцы считали пространство вдоль Волги, между бывшими Казанским и Астраханским ханствами. Эти территории татары запрещали заселять русским по причине того, что сами вели кочевую жизнь [5, с. 485–486]. Домами им служили кибитки – вежи, которые иностранцы сравнивали с пастушескими хатами. Во время стоянки татары расставляли свои вежи так, что они походили на большой передвижной город. Что касается крымского хана, то, по свидетельствам иностранцев, он жил в Агоре, или деревянном городе, который перевозили за ним повсюду, потому как, по представлениям татар, жилье на одном месте неудобно и даже вредно для здоровья.

Перекочевки на новые места татары совершали каждый год весной. С южных территорий Крымского ханства они двигались на север до самой границы. Затем зимой возвращались обратно тем же путем, делая остановки через каждые десять – двенадцать миль. Как замечали иностранцы, степи от Каспийского моря до Русской границы очень плодородны, особенно на юге и юго-востоке, но лежали нетронутыми, так как татары не занимались земледелием [5, с. 557].

Интересны сообщения иностранцев о походах крымских татар на Русь, причем вместе с реальными походами упоминались и такие, о которых молчат русские источники. Так, И. Масса сообщал о набеге крымцев, в результате которого всё население Москвы вместе с царем Иваном Грозным вынужденно было бежать из столицы. Царь с семьей укрылся на Белоозере, где и утонул его первенец, царевич Дмитрий [3]. Голландец не датирует этот поход, но из русских документов известно, что погиб Дмитрий Иванович 4 июня 1553 г. Русские источники ни о каком походе на Москву в 1553 г. не упоминают. Все без исключения иностранцы писали о походе Девлет Гирея в 1571 г. Флетчер, посетивший Москву в 1588 г., ещё видел следы страшного пожара, в особенности на южной стороне города, которая даже спустя 17 лет оставалась незаселенной. Англичанин сообщил весьма интересную подробность о том, что, вернувшись из похода, крымский хан прислал Ивану Грозному нож, чтобы тот зарезал себя после такого поражения [5, с. 551].

Если по поводу военных походов крымских татар и связанных с ними подробностей известия иностранцев могут вызывать объективные сомнения, то описания ими крымских посольств в Москве можно признать наиболее достоверными. Так, иностранцы писали о больших неприятностях и даже ссорах из-за того, что во время официальных приемов татарские послы отказывались называть

московского государя царем и произносить весь его длинный титул [5, с. 501]. Упоминались иностранцами и богатые подарки, которыми русские цари одаривали крымских послов со всеми их людьми. Как писал Маржарет, члены посольства получали платья и шелковые ткани каждый согласно своему достоинству [2, с. 142].

Интересны описания приграничного сосуществования русских с крымцами. Так, иностранцы сообщали, что ежегодно русские выставляли на татарскую границу 65 000 человек, независимо от того, будет набег или нет. Здесь же нес службу отряд наемников из 100 человек, состоявший в основном из греков, турок, датчан, шведов и поляков, который употреблялся исключительно в войнах с татарами [5, с. 541; 2, с. 132]. В случае нападения татар русские применяли в борьбе с ними передвижную деревянную крепость, оснащенную артиллерией. При этом в войнах с крымцами пушки русские практически не применяли, в отличие, например, от войн с поляками. Набеги на Россию татары совершали каждый год, а иногда и дважды, проникая далеко вглубь её территории. Как правило, набег совершался около Троицы, но чаще во время жатвы. Когда в поход шел сам крымский хан, то он вел огромное войско в 100 000 или даже 200 000 человек (Цифры, весьма завышенные Флетчером. Как справедливо показал в своей статье В. В. Пенской, 40–60 тыс. человек – это тот верхний предел численности крымского войска, который мог быть достигнут только при максимальном напряжении всех сил ханства [4, с.59]). Если же это был рядовой набег, то участвовало в нем гораздо меньшее число воинов и охватывал он приграничные территории. Татары захватывали всё, что только могли увезти, особенно если не встречали организованного сопротивления. Часто дело ограничивалось только угоном гарнизонных лошадей. По этой причине русские в приграничных городах держали мало скота, за исключением свиней, которых татары не трогали [5, с. 554].

В целях обороны на границе с Крымским ханством было построено много городов, причем большинство из них было построено во время правления Бориса Годунова. Однако, по сообщению Ж. Маржарета, приграничная территория заселена русскими лишь до Ливен. Сообщали иностранцы и место обычной переправы татар через Оку – это район Серпухова [2, с. 126]. Каждую весну русские дозорные выжигали степь, чтобы татары не имели пастбищ. Интересное сообщение оставили иностранцы об обычае татар передвигаться исключительно по дорогам, считая, что идя по траве, лошади сильнее устают. Поэтому русские дозорные легко вычисляли их по поднятой на горизонте пыли [2, с. 148].

Упоминали иностранцы и казаков, что жили в татарских степях вдоль Волги, Дона, Днепра и других рек, и которые наносили крымцам гораздо больший урон, чем всё русское войско. Именно казаки, обычно в начале Великого поста, первыми приводили из степи пленных, от которых узнавали замыслы неприятеля. Они, по словам иностранцев, вооружались как татары, то есть не носили ни какого оборонительного доспеха, а пользовались исключительно одними саблями [2, с. 152, 169].

Много места иностранцы в своих записках уделяли военному ремеслу крымских татар и способам ведения ими войны. Практически все современники отмечали, что татары очень хорошо стреляли из лука. Профессиональный военный, Жак Маржарет,

подчеркивал, что, отступая, они стреляли гораздо точнее, чем при наступлении [2, с. 148]. Это мастерство у них развилось благодаря тому, что своим главным занятием татары считали стрельбу из лука, к которой приучали детей с малолетства, не давая им есть, пока те не попадут в намеченную цель. По сообщениям иностранцев, татары не использовали огнестрельного оружия и артиллерии, а все вооружение их состояло из сабли, похожей на турецкую, лука и колчана со стрелами. Некоторые из них имели ещё пики, больше походившие, по мнению иностранца, на охотничьи рогатины.

Простые татарские воины не носили доспехов, а одевались в одежды из черных бараньих шкур, которые днем надевали шерстью наружу, а ночью вовнутрь. Мурзы, напротив, в вооружении и одежде подражали туркам. Способ ведения войны у крымцев был следующим: войско разделялось на несколько отрядов, часть их отвлекала силы русских на одном или двух приграничных направлениях, в то время как основной удар наносился на оставшееся не защищенным место. Причем проделывали они этот маневр с такой быстротой, что противник не успевал вовремя среагировать. На войну все татары выезжали конными, будучи отличными наездниками. Как замечает Маржарет, кони у татар были очень хорошие [2, с. 127]. Флетчер писал, что при переправе через реку татары ставили вместе 3–4 лошади, к хвостам их привязывали длинные бревна, садились на них и так переправлялись. Масса же сообщал, что они связывали вместе за хвосты и поводья двух лошадей, а сами становились на них сверху [3].

В рукопашном бою крымские татары сражались лучше русских по причине их врожденной свирепости, а также потому, что не знали ни каких других занятий, кроме беспрерывных войн, отчего становились ещё храбрее и кровожаднее, с точки зрения иностранцев. Несмотря на свой варварский, по европейским меркам, быт, они представлялись иностранцам хитрее, чем это можно было себе предположить. Как отмечали иностранцы, татары, делая постоянные набеги и грабя своих соседей, стали очень изобретательны на всякие военные хитрости. При осаде городов они всегда вступали в переговоры, предлагая противнику сдаться, но захватив город, своих обещаний не сдерживали. Татары не любили вступать в лобовое столкновение, предпочитая заманивать противника в засаду притворным отступлением после первой стычки. Если противник превосходил их численностью, тогда крымцы сажали на лошадей чучела, вводя врага в заблуждение.

В атаку татары шли с криком «Олла Билла», что Флетчер переводил как «Бог в помощь». Смерть они презирали и готовы были умереть, нежели сдаться. Иностранцы отмечали эту храбрость татар, доходящую до отчаяния, чем отличали их от русских и турецких воинов [5, с. 554]. Как считали иностранцы, сотня крымских татар всегда обратит в бегство двести русских воинов. Только заняв оборону на берегу реки или в лесу, русские могли больше напугать крымцев, чем нанести им реальный урон. По этой причине они никогда не несли больших потерь, если только им не перекрывали пути отхода через лес или реку, но это случалось не часто.

Главную добычу татар составляли пленные, в особенности дети, которых они продавали своим соседям. Захваченных детей они возили в больших корзинах, привязанных к седлу лошади. Если же кто-то из пленных заболевал дорогою, то его жестоко убивали. Для охраны пленных выделялись специальные отряды. Татары не

брали с собой в поход никакой поклажи. Каждый воин имел несколько сменных лошадей, очень хорошо обученных, которых менял прямо на скаку, перепрыгивая с одной на другую. В походе татары питались сушеным мясом, очень мелко нарезанным. Если же погибала лошадь, то они, отрезав кусок, клали его под седло и ездили так до тех пор, пока мясо не становилось мягким, после чего употребляли его в пищу [3].

По свидетельствам иностранцев, русские государи пользовались услугами наемной татарской конницы, применяя её в войнах с поляками и шведами. Так Василий III, в качестве платы крымским наемникам за участие в походе на Литву, отдал им всех захваченных во время войны пленников [5, с. 547].

С точки зрения иностранцев, главным поводом к беспрерывной вражде между крымцами и русскими выступали пограничные земли. Так, со слов иностранцев, татары утверждали, что, кроме Астрахани и Казани, вся территория от их границ на север и запад до Москвы, выключая и её саму, должна принадлежать им [5, с. 551–552]. Флетчер описал некий обряд, который якобы совершали русские государи в знак своей вассальной зависимости от крымских ханов. Причем англичанин отмечал, что об этом обряде ему рассказали сами русские. Так, каждый год русский царь в Московском Кремле кормил овсом из своей шапки лошадь, на которой восседал крымский хан. Этот обряд якобы совершали все русские государи до Василия III, одержавшего победу над Крымом, и с тех пор обряд был заменен на дань мехами, от которой отказался уже Иван Грозный [5, с 552]. О вассальной зависимости московских государей от крымских ханов писал и Маржарет. Как знак выражения этой зависимости он упоминал некий жезл, полученный русскими государями от крымского хана, и якобы именно им Иван Грозный убил своего сына [2, с. 123].

Образ жизни крымских татар вызывал большой интерес в Европе. Иностранцы считали крымцев самыми могущественными и многочисленными среди других татар. По их свидетельствам, крымские татары во всем старались придерживаться турецких обычаев. Кроме того, турецкие султаны назначали крымских ханов из татарских мурз и за это они отдавали султанам десятую часть своей добычи.

При вступлении в брак татары, по словам иностранцев, не придерживались запрета на кровосмешение, кроме запрета женитьбы на матери, сестре или дочери. Женщина признавалась женой только после того, как рожала мужчине детей. Приданное состояло из лошадей, овец и коров. Если же женщина оказывалась бесплодной, то её отправляли обратно родителям.

Питались крымцы в основном кониной, которую ели без хлеба и других гарниров. Флетчер был свидетелем того, как во время визита в Москву в 1589 г. Шакай Мубарак Гирея с тремястами татар и двумя женами, одна из которых была вдовою его брата, ему, помимо прочего угощения, на дом были отправлены две очень большие и жирные лошадиные туши [5, с. 556]. Конину татары предпочитали любому другому мясу, считая её самой питательной. Каждый год они приводили в Москву для обмена 30–40 тыс. лошадей. Разводили также татары коров и овец, но большей частью ради шкур и молока, хотя изредка питались и ими. Употребляли в пищу татары также рис, виноград, и теплую кровь, смешанную с молоком. Во время

походов, по сообщению Флетчера, они надрезали у лошадей вену и пили теплую кровь [5, с. 556].

Несмотря на приверженность исламу, иностранцы писали, что татары имели неких идолов, сделанных из шелка или другой ткани, напоминающих собой человека, которых привязывали к дверям жилищ в качестве оберегов. Изготовлением этих оберегов занимались исключительно женщины, специализировавшиеся на производстве культовых предметов. Также упоминали они огромное изображение Великого Хана, которое татары выставляли в походах на каждой стоянке. По сообщениям иностранцев, верили татары в волшебство и всякие знамения [5, с. 555].

В то же время иностранцы описывали упорство, с которым взятые в плен татары отказываются принимать христианство. Они объясняли это врожденной ненавистью татар к русским, которых они считали лукавыми и несправедливыми. Так, Флетчер сообщал, что когда в 1572 г. был взят в плен Дивей-Мурза и ещё 300 татар, им пообещали сохранить жизнь при условии перехода в православие. Однако они отказались, за что все были утоплены [5, с. 581].

Иностранцы писали, что в Крымском ханстве не было денежного обращения. Главным же занятием крымских татар были постоянные набеги на соседей. Когда-то в древности в их страну вторгались персидские цари Кир и Дарий (причем с восточной и юго-восточной стороны), потом потерпел поражение и чуть не попал к ним в плен сам великий Тамерлан. Никто из завоевателей не имел успеха, так как татары заманивали неприятеля вглубь страны и когда в войске противника наступал недостаток в припасах, преграждали ему все пути к отступлению и уничтожали. Перенесение сюжета о войне скифов с персами на крымско-татарскую почву неудивительно, так как иностранцы считали крымских татар автохтонным населением южнорусских степей. Они ссылались на то, что ещё древние греки и римляне называли их скифами-номадами, или скифами-пастухами. Кроме того, Флетчер приводил ряд доказательств того, что от крымских татар вели своё происхождение турки, пермяки и самоеды.

Оставили иностранцы и описание внешнего вида крымских татар. Согласно им, лица у крымцев были широкие и плоские, желтые и смуглые от загара, взгляд же был свирепый и страшный. Усы и борода были очень редкие, стан легкий и стройный, ноги короткие, что выработалось от постоянной верховой езды, так как пешком они ходили редко. Говорили татары быстро и громко, как бы из живота. Пение их напоминало иностранцам рев коровы или вой большой собаки.

Кроме крымцев к татарам иностранцы причисляли ногайцев, черемисов, мордву, черкесов и щелкалов, которые отличались между собой только названием. Из всех татар иностранцы лучшими воинами считали ногайцев, ещё более диких и свирепых и живущих к востоку от Крыма [5, с. 559].

Следует сказать, что, по свидетельствам иностранцев, крымские татары не знали совершенно никакого образования. Письменных законов у них не было, а руководствовались они обычным правом, общим для всех их орд. Право это предписывало им следующее: повиноваться во всем хану и властям, быть свободными и никому не обязанными, за исключением общего дела, не иметь в частной собственности земли, так как вся страна их являлась достоянием всего

народа, довольствоваться малым в пище, носить простую одежду, брать и красть у чужеземцев всё, что можно взять, быть верным в слове и деле по отношению к своим, не пускать иностранцев в свое государство, за исключением лиц, имеющих при себе татарский ярлык [5, с. 561].

Такой образ Крымского ханства и его населения формировался в общественном сознании европейцев в эпоху раннего Нового времени благодаря произведениям иностранных путешественников, послов и авантюристов, побывавших в Московском государстве в к. XVI – н. XVII вв. Их записки, адресованные европейскому читателю, учитывали его запросы и вкусы, поэтому являются весьма субъективным историческим источником. Тем не менее изучение этого образа, сопоставление его с оценками, содержащимися в других источниках, представляется дальнейшей перспективной проблемой.

Список использованных источников и литературы

1. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Прометей, 1991. – 334 с.

Klyuchevskii V. O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve. – M.: Prometei, 1991. – 334 s.

2. Маржарет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржарет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 552 с.

Marzharet Zh. Sostoyanie Rossiiskoi imperii. Zh. Marzharet v dokumentakh i issledovaniyakh: teksty, kommentarii, stat'i. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. – 552 s.

3. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frametext1.htm. (Дата обращения: 10.12.2015).

Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII veka. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frametext1.htm. (Data obrashcheniya: 10.12.2015).

4. Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток. 2010. № 2. С. 56–66.

Penskoi V. V. Voennyi potentsial Krymskogo khanstva v kontse XV – nachale XVII v. // Vostok. 2010. № 2. S. 56–66.

5. Флетчер Д. О государстве Русском // Накануне Смуты. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 621, [3] с.

Fletcher D. O gosudarstve Russkom // Nakanune Smuty. – M.: Mol. gvardiya, 1990. – 621, [3] s.

Shalak M. E. The Crimean Khanate and its people through the eyes of foreigners visiting Muscovy in the late XVIth and early XVIIth centuries.

The article analyses the journalistic sources of foreign origin, containing information about the Crimean Khanate and its population. It works by Western European diplomats, travelers, adventurers, visited Moscow in the run-up to or during the Troubles of the beginning of the XVIIth century. Image of the Crimean Tatars, which order based on their judgments and assessments sometimes had nothing to do with the real state of the nation. However, on the basis of this image evolved a general idea of the Crimean Khanate and its population in European public consciousness of the early modern times. Therefore, the study of this image, matching it with similar information from other synchronous sources seems quite promising issue.

Keywords: The Crimean Khanate, Western European publicists, time of Troubles, narrative sources.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 140–150.

УДК 902/904+502.8+72.02+94(477.75)

ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРАМА НА ХЕРСОНЕССКОМ ГОРОДИЩЕ: АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 1870–1890-х гг.

Шаманаев А. В.

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail:shamanaev@mail.ru

Рассматриваются подходы, принципы и практический опыт реставрации архитектурно-археологических памятников в России второй половины XIX в. Исследование основано на архивных документах официального и личного характера. Автор анализирует проекты воссоздания памятника средневековой церковной архитектуры на Херсонесском городище. Рассмотрены основные черты проектов Одесского общества истории и древностей и Императорской археологической комиссии, личное участие А. А. Бобринского, А. Л. Бертье-Делагарда, Н. П. Кондакова, Н. Н. Мурзакевича, В. Г. Тизенгаузена в разработке и обсуждении планов реставрации. Показана связь проектов с передовыми для второй половины XIX в. теориями научной реставрации архитектурных памятников.

Ключевые слова: история археологии, охрана памятников, научная реставрация, Крым, Херсонес

Одной из глобальных тенденций современной цивилизации является беспрецедентно высокий и массовый интерес к историко-культурному наследию [36, p. 69–79]. Это обстоятельство вызывает необходимость анализа и осмысления опыта предшествующих поколений в деле изучения и сохранения памятников истории и культуры. Одним из направлений таких разработок является история археологии. Начиная с 50-х гг. XX в. внимание исследователей, первоначально сфокусированное на проблемах развития теорий и методов археологического знания, постепенно стало распространяться на вопросы истории институализированных структур, практик, биографий ученых [38, p. 5–17]. В отечественной традиции также можно наблюдать переход от эпизодического интереса к прошлому археологии в первой половине – конце XX в. к масштабному изучению истории этой науки, который произошел на рубеже XX–XXI вв. [8, с. 5–17; 11, с. 24–25; 23, с. 7–10; 28, с. 354–356]. Специфическим направлением таких исследований стал анализ становления и развития принципов и практик охраны археологического наследия [9, с. 53–58].

Памятники археологии Крыма с конца XVIII в. привлекали внимание российских исследователей, любителей древностей, представителей творческих кругов [16, с. 62–93; 18, с. 168–195; 27, с. 25–62]. Значение исторического наследия полуострова для науки очень точно охарактеризовал Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), археолог, организатор науки и образования, один из основателей первого в Российской империи научно-археологического Одесского общества истории и древностей (далее – ООИД) (Непомнящий, Охотников, Тункина). В 1840 г., выступая на торжественном собрании членов этой организации, он обозначил одно и приоритетных направлений деятельности ООИД: «*Прежде всего, Общество обратило внимание на одну из важнейших частей Новороссийскаго Края –*

полуостров Таврический, как потому-что он еще незадолго пред сим составлял особое, отдельное царство, так и потому-что он более всего был известен древним писателям и более прочих сохранил памятников заслуживающих изследования» (здесь и далее в цитатах сохранены стиль, орфография и пунктуация подлинников – *А. Ш.*) [13, с. 65].

Традиционно ученые и путешественники по Крыму уделяли большое внимание Херсонесскому городищу. В конце XVIII – начале XX в. изучение и охрану памятника осуществляли представители различных учреждений и организаций: военного ведомства, министерства уделов, Одесского общества истории и древностей, Русской православной церкви, Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) и др. [2, с. 9–11; 5, с. 9–23; 6, с. 170–176; 7, с. 106–224; 24, 522–555; 27, 479–536; 29, с. 294–306; 30, 227–237; 32, 215–222; 34, с. 56–57].

Одним из малоизученных сюжетов, характеризующих историю изучения и сохранения памятников Херсонеса, является проект реконструкции одного из средневековых христианских храмов на городище. Так, В. В. Калиновский проанализировал детали плана возведения церкви на фундаменте культового сооружения, открытого в центральной части городища в результате раскопок начала 1850-х гг. [7, с. 83–85]. В. Р. Стоянов представил краткую характеристику деятельности ИАК в конце 1880-х гг. по воссозданию византийской церкви для размещения в ней археологического музея [24, с. 527–529]. Однако уникальность проекта для отечественной археологии и истории реставрации архитектурно-археологических памятников заслуживает исследования всех его деталей.

Поиски в архивах (Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Рукописный отдел Института русской литературы РАН, Государственный архив города Севастополя) позволили получить новые данные, содержащихся в официальных документах (Одесское общество истории и древностей, Императорская Археологическая Комиссия), личных письмах (Н. Н. Мурзакевич, А. Л. Бертье-Делагард). Выявленные материалы дают возможность рассмотреть ряд аспектов, связанных с проектами реконструкции одной из херсонесских церквей в 1870–1890-х гг.

В 1876 г. Одесское общество истории и древностей смогло приступить к систематическому археологическому изучению Херсонесского городища, получив предназначенную для этой цели ежегодную субсидию (1000 руб.) из средств Святейшего синода [5, с. 9–23]. ООИД был разработан проект научных изысканий и охранных мероприятий в Херсонесе, который предусматривал создание на памятнике музея древностей и реконструкцию средневекового культового сооружения [4, л. 21–21об.; 32, с. 215–222]. Представители Одесского общества и монастыря св. Владимира обсуждали возможность возведения на городище крещальни *«в виде древней христианской баптистерии, которая собранною с кровли храма* (собора св. Владимира – *А. Ш.*) *водою образует водосвятный фиал, по подобию существующих на святой Афонской горе*» [4, л. 21 об.]. Постепенно идея реконструкции культового здания трансформировалась в проект постройки помещения для музея христианских древностей. В конце 1870-х гг. Н. Н. Мурзакевич предложил разместить экспозицию в специальном здании, построенном «*в византийском характере*» [20, с. 9]. Для его

сооружения предполагалось использовать архитектурные фрагменты, найденные на памятнике. Эскиз будущего здания выполнил кондуктор Черноморской минной роты Пруденков. Основой архитектурного решения была арочная конструкция, увенчанная куполом [22, л. 5 об. – 6].

В 1879 г. Н. Н. Мурзакевич привлек к обсуждению проекта А. Л. Бертье-Делагарда (1842–1920) – военного инженера, археолога, историка Крыма [17, с. 15–30; 19, с. 111–144]. Александр Львович в письме к Николаю Никифоровичу от 3 декабря 1879 г. высказал серьезные критические замечания, в том числе поставил под сомнение возможность и целесообразность постройки псевдосредневекового здания [22, л. 3–7]. Он отметил, что эскиз Пруденкова не основан на каких-либо исторических или археологических реалиях, лишен эстетической целостности: *«Стиль музея, псевдо классический, состоящий из нерационального смешения горизонтальных покрытий с арками, столь-же ложный как и та подделка под купол, которою покрыто здание; такая архитектурная помесь вообще конечно не признается ни одним художником и тем более в Херсонесе, где, по бедности и безграмотности обывателей, сводчатое покрытие было вовсе неизвестно т. е. не употреблялось»* [22, 5 об. – 6]. Александр Львович указал на то, что *«Все размеры здания очень не велики и даже для маленького музея будут недостаточны»* [22, л. 5об.]. А. Л. Бертье-Делагард признал возможность усовершенствовать проект, *«уничтожив арки между колонн и обратив купол в шатер, сделав одним словом некоторое, довольно рациональное, но жалкое подобие храма Весты в Риме»* [22, л. 6]. При этом он обратил внимание Н. Н. Мурзакевича, что и такая постройка будет плохо смотреться рядом с будущим собором св. Владимира: «*маленькое, плохонькое зданьице станет рядом с громадным храмом и домом, по сравнению с которыми будет казаться какою-то будкою для подчаска. Без сомнения бедность не порок, но бедность с претензиею хуже всякого порока; в рисунке музея претензия очень большая, чуть не Пантеон, и жалкая бедность размеров, украшений и конечно исполнения»* [22, л. 6–6 об.].

Александр Львович предположил, что затраты на строительство можно определить в 7–8 тыс. руб. при использовании строительных материалов из раскопок для возведения корпуса постройки. Однако он скептически оценил перспективу применения древних мраморных фрагментов для декора здания *«так как это все разнообразная и никуда негодная мелкая дрянь»* [22, л. 5 об.]. При этом он поддержал идею осуществить реконструкцию одного из уже раскопанных храмов Херсонеса: *«С некоторыми, довольно изрядными средствами, я бы предпочел скорее всего возобновить, возможно точнее одну из старых базилик, но новый храм задавит и ее»* [22, л. 6 об.]. Одесскому обществу истории и древностей не удалось найти средств, достаточных для постройки музея или реконструкции средневекового храма. Однако в 1880–1890-х гг. проект вновь оказался актуализированным.

В 1887 г. Херсонесское городище было передано под контроль Императорской археологической комиссии [5, с. 23–28]. Вероятно, ее председатель А. А. Бобинский (1852–1927) хорошо осознавал необходимость не только организации изучения памятника в соответствии с актуальными представлениями о методике археологических раскопок, но и эффектных способов презентации результатов

деятельности исследователей [25, с. 95–117]. Весной – летом 1887 г. в ИАК разрабатывался план работ на городище, включавший положения научно-исследовательского и охранного характера, в том числе мероприятия по популяризации уникального археологического комплекса [24, с. 527–529; 33, с. 293–246]. Так, сотрудники комиссии обсуждали возможность реконструкции одной из церквей на основе сохранившегося фундамента [14, л. 28–29 об.]. Одним из инициаторов возрождения проекта был Н. П. Кондаков (1844–1925) [10, с. 355–359]. Стоит отметить, что к этой идее скептически отнесся коллега Никодима Павловича, член ИАК Иван Иванович Толстой (1858–1916) [3, с. 159–166]. Летом 1887 г. И. И. Толстой письменно изложил свои представления об организации исследований и охраны древностей Херсонеса в ответе на запрос старшего члена Комиссии Владимира Густавовича Тизенгаузена (1825–1902) [26, с. 220–244]. Перспективу восстановления храма для археологического музея И. И. Толстой не отверг, но отметил: «*можно ввести в записку пункт, которым опять-таки только факультативно дозволял Комиссии устроить местный музей, хотя-бы в базилике, как предлагает Ник.<одим> Павл.<ович>*» [14, л. 29].

Тем не менее 27 июля 1887 г. В. Г. Тизенгаузен направил министру Императорского двора И. И. Воронцову-Дашкову (1837–1916) рапорт, содержавший план деятельности ИАК на Херсонесском городище. В одном из пунктов документа было заявлено, что Археологическая Комиссия предполагает «*заняться восстановлением как одной из тамошних базилик, так и частного дома*» [14, л. 34–34об.]. Вновь была озвучена мысль об использовании для постройки древних архитектурных деталей: «*Восстановить на первый раз одну из базилик (например наиболее сохранившуюся близ новостроящегося собора) на существующем древнем фундаменте, преимущественно из древних остатков… с перестилкою мраморного пола, установкою старинных баз, колонн, капителей и проч. Базилика таким образом восстановленная, несомненно будет иметь важное значение и для русской науки, и для истории христианской церкви в России и для исторической памяти народной…. Практическое же исполнение возложить на Академию Художеств*» [14, л. 35 об. –36].

Реконструкция средневекового храма на Херсонесском городище, конечно, могла бы способствовать повышению аттрактивности памятника для публики. В конце XIX в. Крым стал популярным курортом, и объекты археологического наследия полуострова вызывали все больший интерес образованной части российского общества [12, с. 295–302, 320–323]. Однако по мере знакомства членов ИАК с реалиями, сложившимися в Херсонесе, планы Комиссии подвергались корректировке. В апреле 1887 г. академик, архитектор-реставратор, археолог В. В. Суслов (1857–1921) по поручению ИАК изучил на памятнике условия хранения и состояние артефактов, пригодных для воссоздания христианского храма. Специалист дал рекомендации по организации охранных работ, но уклончиво оценил перспективы реконструкции: «*Что же касается моих соображений о стоимости реставрации одной из базилик Херсонеса для музея, то этот вопрос может быть выяснен только тогда когда будет составлен проект реставрации базилики*» [14, л. 61].

К весне 1888 г. у Н. П. Кондакова сложился критический взгляд на возможность реконструировать церковь византийского времени из имеющихся архитектурных деталей. В письме от 13 мая 1888 г. Никодим Павлович сообщил председателю ИАК А. А. Бобринскому о своих сомнениях в перспективности проекта: «***здешняя*** *Комиссия по построению собора…* ***выбрала*** *(отчасти лишь руководствуясь планом Д. И. Гримма)* ***все лучшее*** *из мраморов, и колонн, и капителей, и орнаментированные плиты для сооружения иконостаса в нижнем этаже собора. Таким образом, если допустить только употребление этого материала, – ровно ничего не останется, кроме негодных кусков, для восстановления базилики, и об этом деле должно будет совершенно отложить попечение… Но если (как здесь ходит слух) Комиссии по постройке собора и петербургская, и здешняя решаться на то, чтобы отдать нижний этаж церкви под Музей, то должно – по моему, конечно, мнению – ей отказаться и от мысли об иконостасе из древних мраморов, и все они должны быть сохраняемы в нижнем этаже, как обыкновенные древности в музее. К сожалению, для восстановления базилики понадобиться, кроме этих мер, собрать колонны в городе, у кого есть, и из Одесского Музея, куда взяты лучшие*» (выделения в подлиннике Н. П. Кондакова) [14, л. 65–66.]. Несмотря на это Никодим Павлович «*передал архимандриту Иннокентию, что Комиссия налагает запрет на все мраморы, впредь до разрешения вопроса о возстановлении базилики*» [14, л. 65].

Нужно отметить, что в первые годы деятельности ИАК в Херсонесе ее руководителям и сотрудникам пришлось решать комплекс проблем, связанных с организаций исследовательских и охранных работ [24, с. 528–532]. В этих условиях реализация проекта реконструкции средневекового храма могла рассматриваться только в перспективе. Очередные шаги в этом направлении были предприняты в 1890 г. Председатель Комиссии А. А. Бобринский обратился к А. Л. Бертье-Делагарду (7 декабря 1890 г.) с просьбой оценить возможность восстановления «*одной из разрушенных христианских базилик*» и определить стоимость реставрационных работ [15, л. 210–211]. Текст отношения А. А. Бобринского свидетельствует о том, что Комиссия стремилась конкретизировать детали проекта: «*Основным требованием является хорошее освещение здания, которое имеется ввиду приспособить к помещению музея христианских древностей Херсонеса и которое поэтому должно быть достаточно обширно. Посему Комиссия находила бы необходимым предварительно определить на каком из открытых уже памятников следует остановиться: новооткрытой базилике с частями мозаичного пола (при том по плану древней базилики, более обширной, или же по плану позднейшей внутренней базилики) или же на одной из базилик открытых графом Уваровым напр.<имер>: базилики с мраморным полом с боку нового храма*» [15, л. 210 об.].

А. Л. Бертье-Делагард в письме от 3 января 1891 г. счел нужным высказать общее сомнение в целесообразности и научности идеи реконструкции храма Тем не менее исследователь выделил шесть объектов, потенциально пригодных для осуществления таких работ, оценил преимущества и недостатки каждого [15, л. 215–215 об., 220–221 об.].

Прежде всего Александр Львович обратил внимание на «уваровскую базилику» (№ 23) самый большой культовый комплекс средневекового города. Он получил известность после раскопок А. С. Уварова (1825–1884) в 1853 г. [35, с. 152–160]. По мнению ученого, этот памятник был наименее пригоден для реконструкции [15, л. 221 об.]. Основным препятствием для проведения работ он считал плохую сохранность руин: северо-восточный «*угол уже подмыт морем, а его укрепление хотя и возможно, но будет стоить очень дорого*», а также и то, что «вся *базилика излишне велика для предполагаемых целей*» [15, л. 220 об.].

Вторым объектом в списке А. Л. Бертье-Делагарда значится «*наибольшая из базилик открытых при начале постройки нового храма (с боку его, с мраморным полом)*» (№ 28) [15, л. 220 об.]. Остатки храма были исследованы в 1860-х гг. при подготовке строительной площадки для собора св. Владимира настоятелем монастыря о. Евгением [31, с. 267–282; 35, с. 168–172]. Александр Львович высказался против реконструкции этого сооружения и привел аргументы, которые он высказывал в 1879 г., критикуя проекты Н. Н. Мурзакевича: новодел «потеряется» на фоне монументального собора, но будет частично закрывать его со стороны Севастополя [15, л. 220 об.].

В третьем пункте перечня фигурирует «восточная базилика» (№ 36) – «*находящаяся в конце главной улицы города*» [15, л. 221]. Комплекс был открыт в результате раскопок Одесского общества истории древностей в 1876 г. [35, с. 165–168]. По заключению А. Л. Берьте-Делагарда, «*ее абсида алтаря уже подмыта морем и потребует дорогого укрепления*» [15, л. 221].

Четвертым храмом, выделенным ученым, стала «*базилика открытая раскопками 1889 года, состоящая из двух церквей одна в другой*» («базилика в базилике», № 15) [15, л. 221; 35, с. 172–175]. Объект, изученный после передачи исследований в ведение ИАК, находился в полном распоряжении Комиссии и имел хорошую сохранность. Последнее обстоятельство вызвало опасения специалиста, что «*при переделке, древнего в ней не останется буквально ни кусочка, кроме части фундаментов*» [15, л. 221–221 об.].

На пятом месте оказалась «*базилика, открытая раскопками в двадцатых годах, засыпанная и вновь открытая в 1889 г.*» [15, л. 221 об.]. Судя по всему, речь шла о «базилике Крузе» (№ 7), одном из первых храмов, изученных на городище в 1827 г. К. Крузе [27, 511–516; 35, с. 188–190]. Однако объект был неудачно расположен – «*за монастырскими сараями и конюшнями*» [15, л. 221 об.].

Завершает список А. Л. Бертье-Делагарда «базилика на холме» (№ 14), открытая в 1890 г. [1, с. 92–95; 15, л. 221 об.]. Вновь сделать выбор в пользу этого памятника помешало топографическое положение объекта: «*невыгода ее в том, что она несколько удалена от дорог, а главное... помешает батареям, а стало быть легко может быть уничтожена*» [15, л. 221 об.].

Нужно подчеркнуть, что докладная записка А. Л. Бертье-Делагарда содержит общую оценку идеи реконструкции средневекового храма на археологическом памятнике. Крымский исследователь обратил внимание А. А. Бобринского на плохую сохранность Херсонесских культовых сооружений: «*открыто до*

25 церквей и несмотря на то говорить о восстановлении какой либо из них можно только очень условно», так как степень руинированности не позволяет воссоздать подлинный облик храмов [15, л. 215–215 об.]. Ученый признавал, что технически такой проект вполне осуществим, хотя он сомневался в целесообразности размещения музея местных древностей в здании с окнами, не обеспечивающими хорошей освещенности экспозиции. Исследователь памятников Крыма полагал, что «*восстановить, строго говоря, ничего кроме плана, ибо пригодного имеются только фундаменты*» [15, л. 215 об.]. Особые опасения у Александра Львовича вызывал тот факт, что возведение новодела приведет к утрате подлинных структур археологических объектов Херсонеса [15, л. 217 об.].

Проект реконструкции средневекового храма на территории Херсонесского городища и его обсуждение российскими археологами соответствовали общеевропейским тенденциям развития концепций реставрации архитектурно-археологических памятников второй половины XIX – начала XX в. План воссоздания базилики можно соотнести с идеями сторонников направления «stylistic restoration». Теоретики этого течения, прежде всего Е. Е. Виоле-ле-Дюк (1814–1879) и Дж. Г. Скотт (1811–1878), допускали возможность восстановления внешнего облика средневековых зданий в соответствии с общим стилем эпохи в тех случаях, когда отсутствовали документальные основания для точного воспроизведения элементов постройки.

Точка зрения А. Л. Бертье-Делагарда соответствовала принципам консервационного подхода, представители которого требовали минимального вторжения в подлинные структуры и научного обоснования воссоздаваемых элементов архитектурных конструкций. Базовые положения этой концепции были сформулированы в середине XIX в. Дж. Раскиным (1819–1900), а позже обоснованны У. Моррисом (1834–1896) и Дж. Дж. Стевенсоном (1831–1908). На рубеже XIX–XX вв. этот подход приобретал все большую популярность, особенно в отношении археологизированных объектов [37, p. 173–212].

Планы руководителей Одесского общества истории и древностей, Императорской археологической комиссии по воссозданию византийского храма на территории Херсонесского городища не были реализованы. Во многом это было обусловлено прагматическими причинами (отсутствие необходимого финансирования). Не исключено, что некоторое положительное влияние на эту ситуацию оказал и критический анализ проекта со стороны А. Л. Бертье-Делагарда.

Список использованных источников и литературы

1. Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1: Развалины храмов. 144 с.

Ainalov D. V. Pamyatniki khristianskogo Khersonesa. M., 1905. Vyp. 1: Razvaliny khramov. 144 s.

2. Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России: раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1893. Т. 12. 64 с.

Bert'e-Delagard A. L. Drevnosti Yuzhnoi Rossii: raskopki Khersonesa // Materialy po arkheologii Rossii. SPb., 1893. T. 12. 64 s.

3. Гайдуков П. Г. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // Российская археология. 2008. № 4. С. 159–166.

Gaidukov P. G. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Tolstogo // Rossiiskaya arkheologiya. 2008. № 4. S. 159–166.

4. ГАГС (Государственный архив города Севастополя). Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–21 об.

GAGS (Gosudarstvennyi arkhiv goroda Sevastopolya). F. 19. Op. 1. D. 10. L. 21–21 ob.

5. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь: Херсонесский музей, 1927. 55 с.

Grinevich K. E. Sto let khersonesskikh raskopok. Sevastopol': Khersonesskii muzei, 1927. 55 s.

6. Иванов Е. Э. Херсонес Таврический : историко-археологический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. № 46. 376 с.

Ivanov E. E. Khersones Tavricheskii : istoriko-arkheologicheskii ocherk // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Simferopol', 1912. № 46. 376 s.

7. Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных и интересных и красивых – непочатый уголок» : Церковное крымоведение (1837–1920) / под. ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев-Симферополь: Антиква, 2012. 340 с. (Серия : «Биобиблиография крымоведения», Вып. 18).

Kalinovskii V. V. «Drevnostei – i zamechatel'nykh i interesnykh i krasivykh – nepochatyi ugolok» : Tserkovnoe krymovedenie (1837–1920) / pod. red. i vstup. st. A. A. Nepomnyashchego. Kiev-Simferopol': Antikva, 2012. 340 s. (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya», Vyp. 18).

8. Клейн Л. С. История российской археологии : учения, школы и личности. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.

Klein L. S. Istoriya rossiiskoi arkheologii : ucheniya, shkoly i lichnosti. SPb.: EVRAZIYa, 2014. T. 1. Obshchii obzor i dorevolyutsionnoe vremya. 704 s.

9. Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(58). Т. 2. С. 53–58.

Kulemzin A. M. Izuchenie okhrany pamyatnikov v sovremennoi Rossii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2(58). T. 2. S. 53–58.

10. Кызласова И. Л. Никодим Павлович Кондаков: основные вехи биографии // Мир Кондакова: Публикации. Статья. Каталог выставки / сост. И. Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. 390 с.

Kyzlasova I. L. Nikodim Pavlovich Kondakov: osnovnye vekhi biografii // Mir Kondakova: Publikatsii. Stat'ya. Katalog vystavki / sost. I. L. Kyzlasova. M.: Russkii put', 2004. 390 s.

11. Лебедев Г. С. Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. С. 24–34.

Lebedev G. S. Trudy A. A. Formozova po istorii russkoi arkheologii i ikh rol' v stanovlenii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki // Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik : k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova. SPb.: ID Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2003. S. 24-34.

12. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Симферополь : СОНАТ, 2004. 352 с.

Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era. Simferopol' : SONAT, 2004. 352 s.

13. Мурзакевич Н. Н. Записка о состоянии и действиях Одесскаго общества любителей истории и древностей, с 23 апреля 1839 по 1 января 1840 года // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840. С. 59–73.

Murzakevich N. N. Zapiska o sostoyanii i deistviyakh Odesskago obshchestva lyubitelei istorii i drevnostei, s 23 aprelya 1839 po 1 yanvarya 1840 goda // Torzhestvennoe sobranie Odesskogo obshchestva lyubitelei istorii i drevnostei 4 fevralya 1840 goda. Odessa, 1840. S. 59–73.

14. НА ИИМК РАН, РА (Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Рукописный архив). Ф. 1. Оп. 1 (1887). Д. 22. Л. 22, 28-29об., 34-34об., 61, 65–66.

NA IIMK RAN, RA (Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk, Rukopisnyi arkhiv). F. 1. Op. 1 (1887). D. 22. L. 22, 28-29ob., 34-34ob., 61, 65-66.

15. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. Оп. 1 (1890). Д. 26. Л. 210-211, 215-215об., 217об., 220-221об.

NA IIMK RAN, RA. F. 1. Op. 1 (1890). D. 26. L. 210-211, 215-215ob., 217ob., 220-221ob.

16. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінец XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003. 456 с.

Nepomnyashchii A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinets XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliografichne doslidzhennya. Simferopol': Biznes-Inform, 2003. 456 s.

17. Непомнящий А. А. А. Л. Бертье-Делагард в исорико-краеведческом изучении Крыма в конце XIX – начале XX в. // Французы в Крыму. Симферополь, 2004. С. 15–30. (Серия: «История, культура и традиции народов Крыма», кн. 1).

Nepomnyashchii A. A. A.L. Bert'e-Delagard v isoriko-kraevedcheskom izuchenii Kryma v kontse XIX – nachale XX v. // Frantsuzy v Krymu. Simferopol', 2004. S. 15–30. (Seriya: «Istoriya, kul'tura i traditsii narodov Kryma», kn. 1).

18. Непомнящий А. А. Начало научного изучения Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь: СГТ, 2008. №. 21. С. 168–195.

Nepomnyashchii A. A. Nachalo nauchnogo izucheniya Kryma // Istoricheskoe nasledie Kryma. Simferopol': SGT, 2008. №. 21. S. 168–195.

19. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2006. 324 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения», вып 7).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya. Simferopol': SGT, 2006. 324 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya», vyp 7).

20. Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1877 г. по 14-е ноября 1878 г. Одесса, 1879. 32 с.

Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei s 14-go noyabrya 1877 g. po 14 e noyabrya 1878 g. Odessa, 1879. 32 s.

21. Охотников С. Б. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). Одесса: СМИЛ, 2010. 160 с. (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Монографическая серия. № 2).

Okhotnikov S. B. Arkheologiya v Odesse. 185 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeyu (1825–2010). Odessa: SMIL, 2010. 160 s. (Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya. Monograficheskaya seriya. № 2).

22. РО ИРЛИ РАН (Рукописный отдел Института русской литературы [Пушкинский Дом]). Ф. 603. № 68. Л. 3–7.

RO IRLI RAN (Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom)). F. 603. № 68. L. 3–7.

23. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

Smirnov A. S. Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX veka). M.: Institut arkheologii RAN, 2011. 592 s.

24. Стоянов Р. В. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 522–555.

Stoyanov R. V. Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo // Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya / Nauch. red.-sost. A. E. Musin. Pod obshch. red. E. N. Nosova. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2009. S. 522–555.

25. Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской Археологической Комиссии // Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. С. 95–117.

Tikhonov I. L. Poslednii predsedatel' Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii // Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik : k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova. SPb.: ID Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2003. S. 95–117.

26. Тихонов И. Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 220–244.

Tikhonov I. L. Russkii vostokoved, numizmat, arkheolog V. G. Tizengauzen // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Antikovedchesko-istoriograficheskii sbornik pamyati Yaroslava Vital'evicha Domanskogo (1928–2004). SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. S. 220–244.

27. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.). SPb.: Nauka, 2002. 676 s.

28. Тункина И. В. История отечественной науки на современном этапе : антропологический поворот // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 354–356.

Tunkina I. V. Istoriya otechestvennoi nauki na sovremennom etape : antropologicheskii povorot // Tr. III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. SPb. – M. – Velikii Novgorod, 2011. T. 2. S. 354–356.

29. Шаманаев А. В. Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40–80-е гг. XIX в.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 36. С. 294–306.

Shamanaev A. V. Okhrannye raboty Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei na Khersonesskom gorodishche (40–80-e gg. XIX v.) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005. Vyp. 36. S. 294–306.

30. Шаманаев А. В. Служители монастыря св. Владимира и исследования Херсонесского городища // Sacrum et Profanum III: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь: Максим, 2007. С. 227–237.

Shamanaev A. V. Sluzhiteli monastyrya sv. Vladimira i issledovaniya Khersonesskogo gorodishcha // Sacrum et Profanum III: Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta. Sevastopol': Maksim, 2007. S. 227–237.

31. Шаманаев А. В., Мусин А. Е. Исследования Херсонеса и Императорская Археологическая Комиссия в 1860 г. // Археологические вести. 2010. Вып. 16. С. 267–282.

Shamanaev A. V., Musin A. E. Issledovaniya Khersonesa i Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya v 1860 g. // Arkheologicheskie vesti. 2010. Vyp. 16. S. 267–282.

32. Шаманаев А. В. Проект исследований и охраны Херсонесского городища Одесского общества истории и древностей 1876 г. // Херсонесский сборник. Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 2012. Вып. 17. С. 215–222.

Shamanaev A. V. Proekt issledovanii i okhrany Khersonesskogo gorodishcha Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 1876 g. // Khersonesskii sbornik. Sevastopol': SPD Aref'ev M. E., 2012. Vyp. 17. S. 215–222.

33. Шаманаев А. В. Проект организации изучения и охраны Херсонесского городища Императорской Археологической Комиссии (1887 г.) // Херсонесский сборник. Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 2013–2014. Вып. 18. С. 293–246.

Shamanaev A. V. Proekt organizatsii izucheniya i okhrany Khersonesskogo gorodishcha Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii (1887 g.) // Khersonesskii sbornik. Sevastopol': SPD Aref'ev M. E., 2013–2014. Vyp. 18. S. 293–246.

34. Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1886. Т. 14. С. 52–58.

Yurgevich V. N. Kratkii ocherk deyatel'nosti imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Odessa, 1886. T. 14. S. 52–58.

35. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1959. № 63. 364 с.

Yakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. M. – L.: Izd-vo AN SSSR. 1959. № 63. 364 s.

36. Harrison R. Heritage : critical approaches. London – New York: Routledge, 2013. 268 p.

Harrison R. Heritage : critical approaches. London – New York: Routledge, 2013. 268 p.

37. Jokilehto J. A history of architectural conservation. Oxford Butterworth-Heinemann, 2002. 354 p.

Jokilehto J. A history of architectural conservation. Oxford Butterworth-Heinemann, 2002. 354 p.

38. Trigger B. G. A history of archaeological thought. New York : Cambrige University Press, 2006. 710 p.

Trigger B. G. A history of archaeological thought. New York : Cambrige University Press, 2006. 710 p.

Shamanaev A. V. The project Medieval temple restoration: Chersonesos case study and the archival documents 1870–1890th.

The article studies the methods, approaches and practical experience of restoration of architectural and archaeological sites in the Russian Empire in the second half of the 19th century. With reference to the official and personal documents from central and regional archives, the author describes the projects of Chersonesos Medieval temple rebuilding. The research shows the specific features the projects of the Odessa Society of

History and Antiquities, Imperial Archaeological Commission. The author demonstrates the personal participation of A. A. Bobrinskiy, A. L. Bert'e-Delagard, N. P. Kondakov, N. N. Murzakevich, V. G. Tizengauzen in the development and discussions temple restoration. Additionally, the article shows the correlations between the projects and the 19th century advanced theories of the scientific architectural restoration and conservation.

Keywords: history of archeology, cultural heritage protection, scientific restoration, Crimea, Chersonesos.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 151–160.

УДК929:025.17:027.54(477)

ТУРЦИЯ, КРЫМ, КРЕПОСТЬ ОЧАКОВ В МАТЕРИАЛАХ АРХИВА А. Е. КРЫМСКОГО

Якубова Т. А.

Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского, Киев, Украина
E-mail: tanya.yakubova@ukr.net, tanya.yakubova@mail.ru

Представлены материалы о Турции, Крыме, крепости Очаков из архива А. Е. Крымского, который хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины. Документы архива А. Е. Крымского раскрывают различные стороны религиозной жизни, контактов, диалога христианской и исламской цивилизаций.

Ключевые слова: архив А. Е. Крымского, исторические источники, диалог христианской, исламской цивилизаций.

Выдающийся востоковед А. Е. Крымский собирал и исследовал восточные, европейские источники, памятники крымско-татарской литературы, которые связаны с Османской империей, Крымом. Рукописи, исторические материалы, связанные с исследованиями «Турецкой темы» и Крыма, сохраняются в архиве А. Е. Крымского в фондах Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Остается актуальной проблема исследования документов и материалов архива А. Е. Крымского в связи с историей Турции, Крыма, Северного Причерноморья, крепостью Очаков. Ряд научных публикаций рассматривает научное творчество А. Е. Крымского в контексте данной научной проблемы. Возможно отметить статьи исследователей (Н. Черниш, І. Ф. Черніков, А. А. Непомнящий). Целью и задачей статьи является представление малоизвестных документов и материалов из архива А. Е. Крымского, исторических фактов о Турции, Крыме, Северном Причерноморье, крепости Очаков, которые раскрывают тесную связь и диалог христианской и исламской цивилизаций.

История турецкой крепости Очаков в Северном Причерноморье тесно связана с правлением крымского хана Менгли-Гирея и имеет для своего исследования значительное количество малоизученных исторических источников в библиотечных фондах, фондах Института рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского.

Строительство крепости Очаков было связано с союзом московского князя Ивана III Васильевича (1462–1505) с татарским ханом Менгли-Гиреем. Иван III вступил в дипломатические отношения с Менгли-Гиреем. В 1491 году Менгли-Гирей подтвердил перед посланником московского царя Тимофеем Ивановичем Скрябой свои намерения действовать вместе с московским князем против Казимира [1, с. 21]. Менгли-Гирей I (1478–1515) за время своего правления расширил свою власть далеко за пределы Крыма. Переход братьев и племянников Менгли-Гирея на сторону Литвы в конце XV столетья усиливало опасения хана в вопросе о стабильности собственной власти в Крыму. Эти события ускорили действия Менгли-Гирея в направлении усиления южных границ и строительство крепости в устье Днепра [2, с. 50–51].

Строительство крепости в устье Днепра началось в 1492 году на месте старой крепости Дашев, которую литовский князь Витовт построил в устье Днепровско-Бугского лимана в середине XV ст. Иван III в 1492 году прислал к Менгли-Гирею русского посла Константина Заболоцкого, которому удалось повлиять на крымского хана. В результате дипломатических переговоров московский князь дал значительную сумму денег крымскому хану на строительство Очаковской крепости. Крымский хан в ответ на этот шаг пообещал московскому князю осуществить поход крымских татар на Литву.

Менгли-Гирей отличался независимым нравом и стремлением сохранить независимость своего правления и независимость Крыма вопреки стремлению Османской империи распространить свое господство в Крыму и в Северном Причерноморье. Менгли-Гирей – талантливый правитель Крымского ханства – был наделен также и литературным даром.

В Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского сохраняется архив историка-востоковеда, академика Академии наук Украины Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942).

В архиве А. Е. Крымского (ИРНБУВ Ф. I.) сохранилась статья татарского поэта Осман Нуры Акчокралы «Краткий очерк Крымско-татарской Литературы. XX ст.». Эта статья была сохранена А. Е. Крымским для сборника «Отечество». В статье автор отмечает, что в Крыму в эпоху его независимости литературная деятельность постоянно развивалась в кругу двора крымских ханов. Крымские ханы-Гиреи не только были меценатами, но и сами активно участвовали в литературной деятельности. Они сочиняли различные поэтические произведения, связанные с военными походами, любовными историями, религиозными переживаниями и размышлениями. Автор статьи упоминает стихотворение Менгли-Гирея (1469–74 гг., 1478–1515 гг.) «Война-кумир» в русском переводе как образец крымско-татарской поэзии крымской эпохи:

Вместо стана красавицы нас влечет к знамени,
Вместо благоухающих локонов мы полюбили бунчук.
Страсть к луку и стреле отнюдь не покинет сердце,
Чтобы уступить место стреле глаз и бровям красавицы.
Мы отдали сердце царственно прекрасной войне за веру,
А не луноликой красавице или другу с лицом пери.
Много испытаний приносит поход, но
Мы увлеклись им, а не жестокой красавицей,
Ей-ей, всей душой мы жаждем священной войны,
Кровь врага государства мы будем пить вместо воды.

Крымское духовенство называло произведения, написанные на крымско-татарском языке «туркиять» – туречина или «татарлама» – татарщина.

В этом поэтическом произведении Менгли-Гирей раскрывает свою позицию воинственного «государственного мужа», который понимает непостоянство любовных отношений, преходящий или временный характере женской любви и

ставит выше в своих жизненных приоритетах интересы государства – сохранение государства в Крыму и религиозных устоев мусульманского мира.

Религиозный, сакральный характер наполняет поэзию крымских ханов. Об этом говорит стихотворение «Водочерпалка», двустишья Бора-Газы-Гирей-хана (1588–1598).

Ведь у тебя есть воля.
Если хочешь достигнуть совершенства,
Уповай во всем на всесильного Бога.
Если ты хочешь покоя в обоих мирах,
Проливай слезы и покоряйся Богу,
Довольно, Газаги, кончай свое слово.
Будь покорным, проси у Бога милости.
И довольствуйся всем, что пошлет тебе судьба.
Знай, все от Бога, все от Бога, все от Бога.

Это стихотворение ярко демонстрирует религиозную, духовную силу взглядов крымских ханов, ханского двора в Крыму, в период когда Крым уже стал вассальной частью Османской империи. Поэзия крымских ханов-Гиреев еще раз подтверждает слова православного сербского священника Николая Сербского о том, что чем дальше мы идем на Восток, тем больше находим Бога, чем дальше мы идем на Запад, тем больше мы находим человека»[3, с. 447; 4, с. 7].

А. Е. Крымский также в своих рукописях к труду «Історія Туреччини» указывает на то, что европейцев, которые путешествовали по Османской империи, поражала в XVI столетье строгость религиозной жизни турок, которые строго соблюдали правила мусульманского мира. Рукопись А. Е. Крымского «Европейские труды по Османской истории, составленные от XVI в. до наших времен. [XX ст.]» содержит краткие заметки о трехтомной работе французского профессора восточных языков Гильтиома Постеля-космополита «Про турецкое государство» («De la republique des Turcs». Пуатье,1560 г.), или «Восточные истории», который в XVI ст. несколько раз посетил Турцию с дипломатами французского посольства [5, с. 66].

Французский профессор восточных языков отмечает, что «турки ведут себя более набожно в своих мечетях, чем христиане в своих церквях, уважение всех турок к своим мечетям, – не такое, как у христиан для церквей, которые превратились в вертепы для злодеев…». Далее он отмечает, что путешествующий христианин в Турции кругом найдет свою церковь, «потому, что турки никому не запрещают жить по своему закону». Гильтиом Постель-космополит перечисляет достоинства мусульманского мира в сравнении с общественными устоями средневековой христианской Европы: «Не можно ровнять турецкие честные нравы с нашими нечестными европейскими». В Османской империи существовал строгий моральный присмотр за детьми, который стоило бы французам завести у себя, существовали также школы для бедных детей у турок. Для каждого приезжающего двери у турок были открыты. В Турции существовали богадельни-имараты с богатыми вкладами. Далее французский профессор делает вывод и сравнения обо всем увиденном в Турции: «Великий стыд христианам, что у них нет ничего такого, некрасивый для христиан контраст…».

По мнению французского профессора, мусульманский мир Турции в сохранении религиозных подходов в общественной жизни государства превосходил средневековую Францию и даже мог дать пример христианской Европе для подражания и учебы. Французский профессор пишет, что турки очень любят свою веру и привлекают к ней только через просьбу.

Строгость религиозных нравов мусульманской цивилизации крымские татары Менгли Гирея и позднее Османская империя принесли на земли Северного Причерноморья. В Северном Причерноморье крепость Очаков имела несколько мечетей, о которых писал путешественник Эвлия Челеби. Османская империя возлагала повинность строительства и ремонта пограничных крепостей в Северном Причерноморье на иудеев и христиан, подчеркивая их зависимое положение в мусульманском мире.

«Сайхат-наме» Эвлии Челеби, турецкого путешественника XVII ст., описывает десятки архитектурных сооружений всех городищ и поселений османского Очакова. Некоторые элементы имаретной османской системы существовали в Очакове. Имарет османов – ближневосточный институт, комплекс городских учреждений и крепостных, фортификационных архитектурных сооружений, к которым относились мечети, медресе, больница, водопроводная система, дороги, мосты, гостиница, базар, караван сарай, бани, мельницы.

В цитадели Маджар Али-паша, соединенной с Очаковом, существовала небольшая баня с тремя углублениями для воды рядом с двадцатью небольшими мелкими лавками. Воду сюда привозили на лошадях с нижней части крепости. Тут размещались арсенал и склады зерна. В крепости Очаков существовала также султанская мечеть с деревянными минаретами и связанным с нею зданием шариатского суда. Подобные сооружения существовали в других крепостях Очакова: в «крепости Пияле-паша» (Срединная крепость) существовала мечеть с кирпичными минаретами и находилась рядом с двадцатью мелкими лавками, в «крепости Хасан-паша» (Нижняя крепость) находилась надвратная мечеть, расположенная рядом с двадцатью лавками. Наибольшим торговым центром в Очакове оставался волошский посад, там размещались сотни лавок, значительная часть которых была пивными и трактирами, а также здесь находились мельницы, семь постоялых дворов и до ста складов, около тысячи подвалов с пшеницей, ячменем, рожью. В Очакове «Малая крепость Хасан-паша» имела в средине только пять строений, одну мечеть Мурада-Хана, склад пшеницы и арсенал. Мечети принадлежали к благотворительным частям имаретной османской системы Очакова. Постоялые дворы, бани, мельницы давали денежный доход, с прибыли которого содержались мечети в Очакове [6, с. 309; 7, с. 149–157].

В Одесском археологическом музее НАН Украины есть фотокопия рисунка (Фонды ОАМ, № 9087-8), оригинал которого хранится в Москве в ЦГВИА. Он не датирован и называется «Вид укрепления острова Березани, снятого с вершины одного бастиона в Кинбурне, расстоянием в пятнадцати верстах». На нем зафиксирован начальный этап строительства турецкой крепости на о. Березани, когда было завершено возведение лишь так называемой «нижней батареи». Вероятно рисунок относится к 1777–1778 гг. Мечеть с минаретом и несколько других зданий,

которые позже оказались внутри оборонительных стен, были построены до начала возведения крепости [8, с. 1–5].

Христиане и иудеи, которые находились в округе крепости Очаков и на территориях, прилегающих к турецкой границе возле Очакова, ощущали доминирование и воинственность мусульманского мира, что часто находило выход в вооруженных конфликтах на приграничных территориях между турецко-татарской стороной и запорожскими казаками в 40–60 гг. XVIII ст. возле крепости Очаков [9, с. 183–186].

В Османской империи существовала повинность для христиан и иудеев – «постройка крепостей», котороая имела вид общественного дела обороны своей местности от неприятельского нападения. Работы христиан и иудеев на оборонительных сооружениях пограничных турецких крепостей были скорее принудительной повинностью, чем добровольным трудом, к которому ни те, ни другие не были расположены.

Несколько иным было положение иудеев – караимов в Крыму в г. Чуфут-Кале, по отношению к которым крымские ханы сохраняли традиционно лояльность и веротерпимость, что находило выражение в относительно сдержанных требованиях, которые касались различных повинностей и налогов. Об этом свидетельствует тарханный ярлык крымского хана Селямет-Герай – хана I в 1608 г. караимам Крымского города Чуфут-Кале. В верхней крепости иудеев делают тарханами – льготными, свободными от взиманий, и удерживания так называемого новшества, и от таможенной пошлины, и от весового, и от заставного, и от «выходового налога», и расходов от рабочей повинности, от также так называемого налога. Иудеев освобождали от насильственного помещения людей к ним в дома на постой, от взимания их коней и скота под подводы [10, с. 35–78; 11, с. 58–63]. Тему контактов исламской и христианской цивилизаций в Крыму и Северном Причерноморье раскрывают документы архива А. Е. Крымского и исследования члена Императорского общества истории и древностей Г. Айвазовского.

Членом имп. Одесского общества истории и древностей Гавриил Айвазовский состоял с 1858 года и поместил в записках Одесского общества истории и древностей несколько своих статей об армянских древностях и армянских надписях в Крыму в эпоху Крымского ханства[12; 13].

Записки Одесского общества истории и древностей, том 6, Одесса, 1867. В них напечатана статья «Армянские надписи, находящиеся на Юге России». По просьбе президента Общества русский перевод армянских надписей в этой статье был сделан отцом архимандридом Гавриилом Айвазовским, действительным членом Одесского общества истории и древностей. Армянские надписи пронумерованы и напечатаны на древнем армянском языке, и рядом дан русский перевод. Возможно перечислить названия армянских надписей, которые дал Г. Айвазовский в этой статье: «№ 1. Надпись надгробного камня, находящегося в Кинбурнской крепости, состоит из трех строк в стихах и из четырех в прозе». Надписи на древнеармянском языке представляют собой посмертные молитвы и надписи об умерших армянах – христианах, которые проживали в Кинбурнской крепости или на Кинбурнской косе. Они датируются 1710, 1326, 1447, 1449 г. Несколько надписей посвящено армянским

христианским храмам в крепости Кинбурн, которая принадлежала туркам. Русский перевод:

«Сооружены сии врата храма святого Сергия военачальника праведно приобретенными жертвованиями прихожан в память всех в лето 820 (1371). Произведение рук Шнохворшаха».

С правой стороны на боку крупными буквами изображено: «Вторично возобновлена дверь сего Святого Храма во имя Святого Архангела, лета 1221 (1771), пожертвованиями всех прихожан, рукою мастера Симеона, именуемого по прозванию Гедик».

На левой стороне камня сбоку изображена строка на древнеармянском языке. Русский перевод: «Е. Дверь входа в святый, богообитаемый и животворящий кров храма сего, сооруженного во имя св. Богородицы, есть память всех его прихожан, лета 961 (1512)». Надписи надгробного камня, сделанные на древнеармянском языке в Кинбурноской крепости, которая принадлежада туркам, позволяют утверждать, что религиозную христианскую жизнь в Кинбурне под властью турков армяне сохранили.

«Надпись церкви монастыря, называемого Сурн-Хач, т. е. Святого Креста, в 4-х верстах от Старого Крыма, в лесу. На куполе монастыря армянскими буквами изображено “Сей храм славы Божия, Рай животворящего древа на земле, Образ высшего неба и обиталища Троицы”….». Далее армянские надписи говорят, что храм сооружен иждивением монаха Ованеса (Иоанна), его родных, братьев его. Надписи датируются 1311 и 1472 г.

№ 3 «Надгробные надписи Николаевской церкви в Килие» (1646, 1740, 1733, 1749 г.) на древнеармянском языке.

№ 4 «Надписи близ Старого Крыма в армянском монастыре Святого Креста (1528, 1551, 1587 г.).

№ 5. Надписи в Феодосии в армянской церкви Св. Георгия (1027, 1551, 1479, 1442, 1548, 1499, 1549, 1501 г.).

№ 6. В деревне Коктебель, близ Феодосии, в армянской разрушенной церкви Св. Стефана, надпись (1401, 1487 г.).

№ 7. В Феодосии, в армянской церкви Св. Сергия. (1493, 1511, 1461, 1541, 1424, 1541 г.).

Габриэл Айвазовский написал фундаментальную работу в двух томах – «Историю Османской империи», которую он издал в Венеции в 1841 году. В этой работе он широко использовал турецкие источники таких авторов, как Ашик-паша-заде, Нешри, Лютфи-паша, Молла Идрис, Садаэддин, Солак-заде, Гасанбек-заде, Ибрагим Печеви, Кятип Челеби. Он представил работы европейских и армянских хронистов в описании исторических событий, связанных со взятием турками Кафы 1475. В своей работе Габриэл Айвазовский показал историю становления Турции как государства-завоевателя, которое силой оружия покорило многочисленные народы. При этом он указывал на признаки ослабления Османской империи в современное для него время. Он не только описывал те или другие события в Османской империи, но и стремился анализировать и предвидеть их последствия. Диалог и конфликт

исламской и христианской цивилизаций в Крыму показывает «Описание Крыма» Мартина Броневского.

В Записках Одесского общества истории и древностей, том 6, Одесса, 1867, опубликовано «Описание Крыма(Tartariae Descriptio)» Мартина Броневского. В этой публикации посланника польского короля Стефана Батория представлено описание городов Крыма в XVI в. Глава «Город Кафа, или Феодосия» рассказывает о населении Кафы. Автор пишет, что город Кафа в Крыму потерял много своего блеску и величия. После завоевания города турками римские христианские церкви были уничтожены, дома разрушены. Столетие назад турки отняли Кафу у греков. Башни, на которых видны многие генуэзские и латинские надписи, лежат в развалинах. Только две католические церкви и армянские остались целыми. Это произошло потому, что турки издревле оставили армянам право иметь собственных священников для отправления богослужения. В Кафе жили армяне, турки, евреи, итальянцы [14]. Мартин Броневский – посланник польского короля Стефана Батория к Крымскому хану Мухаммед-Гирею в 1578 г. Он жил более 9 месяцев в Крыму и составил «Описание Крыма». «Описание Крыма» появилось в печати в 1595 г. в Кельне и было напечатано в типографии Биркмана на средства Арнольда Милия.

Фундаментальными и уникальными источниками являются рукописи А. Е. Кримского про Османскую империю, Крым в архиве А. Е. Кримского в ІРНБУВ: (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского – Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського ІРНБУВ).

1) Крымский А. Е. Доосманское Турецкое государство в Малой Азии [кон. XIX ст.]. 33 с. ІРНБУВ Ф. І. 25241.

2) «Еврейки в Халябских синагогах». [Из истории Турции] [нач XX ст.] автограф Крымского. 1 с. ІРНБУВФ. І. 25692.

3) Крымский А. Европейские труды по османской истории, составленной от XVI в. до наших времен [XX ст.] автограф. 66 с. ІРНБУВ Ф. І. 25335.

4) Заметки о пещерах в Трапезунде. XX ст. автограф. 2 с. ІРНБУВФ. І. 25307.

5) Крымский А. Е. Западно-европейские источники о Турции XIV–XV ст. ІРНБУВ Ф. І. 25764.

6) Крымский А. Е. Записки и заметки по истории Крыма [XX ст.] – 2 с. ІРНБУВ Ф. І. 25678.

7) Крымский А. Е. Из истории Турции. Рукопись. Черновик [XIX–XX ст.] ІРНБУВ Ф. І. 25240.

8) Крымский А. История Турецкой литературы. Рукопись [XX ст.] С исправлениями автора. 108 с. ІРНБУВ Ф. І. 25329.

9) Крымский А. Е. Заявление непременному секретарю АН об ориенталистической библиотеке, находящейся во всенародной библиотеке 1927 г. Автограф Крымского. 1 с. ІРНБУВ Ф. І. 26646.

10) Крымский А. История Турции. XX ст. 127с. ІРНБУВ Ф. І. 25304.

11) Крымский А История Турции. отрывок. Рукопись, автограф. [нач XX ст.] – 56 с. ІРНБУВ Ф. І. 25311

12) Крымский А. История Турции. Рукопись напечатана на машинке с поправками автора [XIX–XX ст.]. 136 с. ІРНБУВ Ф. І. 25305.

13) Крымский А. История Турции. Рукопись (черновики). [XIX–XX ст.] Напечатана на машинке. ІРНБУВ Ф. І. 25239.

14) Крымский А. История Турции. Отдельно черн. автограф А. Е. Крымского [XX ст.]. 13 с. ІРНБУВ Ф І. 25312.

15) Крымский А. История Турции. [источники по XV в.] Рукопись-автограф [XX ст.]. 13 с. ІРНБУВ Ф.І. 25509

16) Крымский А. История Турции.Черновые наброски. Рукопись. [конец XIX ст.]. 5 с. ІРНБУВ Ф. І. 25309.

17) Крымский А. Источники для изучения истории Турции. Рукопись. [XX ст.] – 43 с. ІРНБУВ Ф. І 25315.

18) Крымский А. Источники по истории Турции (XVI в.) [XX ст.] [напечатана на машинке с исправлениями автора]. 33 с. ІРНБУВ Ф. І 25325.

19) Крымский А. Краткий очерк крымско-татарской литературы XX ст.: для сборника «Отечество». 7 с. ІРНБУВ Ф. І. 25510.

20) Крымский А. Крымская литература 20 ст. – 6 с. Напеч. на машинке с поправками автора. ІРНБУВ Ф.І. 25507.

21) Крымский А. Крымская литература 20 ст. Напеч. на машинке. – 1 с. ІРНБУВ Ф. І. 25529.

22) Krymski A. Librairie orientall. Листівка 21 липня 1930 р. Київ. Париж.

23) Крымский А. «Магометанство, точнее Мохаммеданство» Рукопись черновая 20 ст. – 16 с. ІРНБУВ Ф. І. 25479.

24) Материалы по истории Турции. Заметки, записки рукою Крымского. печат. на машинке. 30-е гг. 20 ст. 39 с. ІРНБУВ Ф. І. 25691.

25) Менгли-Гирей Стихотворение «Война-кумир» Бор-Гиза – Гирей-Беам. «Водочерпалка». 8 с. ІРНБУВ Ф. І. 25511.

26) Крымский А. «…Объявить России Войну » История Турции. Рукопись (20 ст.). 23 с. ІРНБУВ Ф. І. 25295.

27) Кримський А. Науково-практичний курс турецької мови. Рукопис. 20 ст. – 122 с. ІРНБУВ Ф. І. 25333.

28) Кримський А. Ю. Отзыв о работах доцента Львовского гос. университета Е. К. Завалинского: Собрание турецких документов в библиотеке Чарторийских. ІРНБУВ Ф. І. 22415.

29) Крымский А. Ю. Краков. Львов. 1939 г. Важность турецких источников для истории Украины. Нач. 40 гг. XX ст. Киев. 22 с. ИРНБУВ Ф. И. 22415.

30) Крымский А. Отчет об участии в Трапезунской археологической экскурсии в течение лета 1917 г. Рукопись 20 ст. 4 с. ІРНБУВ Ф. І. 25308.

Представленные в статье рукописи и документы из архива А. Е. Крымского (ИРНБУВ) ярко демонстрируют глубокую религиозность крымских ханов и мусульманского мира средневековой Турции, что являлось предметом пристального изучения выдающегося украинского востоковеда. Исторические факты о религиозной жизни крымских ханов, приграничных территорий Северного Причерноморья и крепости Очаков подтверждают общий характер строгости

жизненных правил и религиозных устоев мусульманского мира Османской империи на пограничных территориях и в Крыму и свидетельствуют о тесных контактах тюркской исламской цивилизации с христианским и иудейским миром. Об этом говорят документы из архива академика А. Е. Крымского, значительная часть которых интересна для перспективных исследований актуальных вопросов контактов и диалога христианской и исламской цивилизаций в Крыму и Северном Причерноморье.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

2. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XVI–XVII веке / А. М. Некрасов // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 50–51.

Nekrasov A. M. Vozniknovenie i evolyutsiya Krymskogo gosudarstva v XVI-XVII veke / A.M. Nekrasov // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – №2. – S. 50-51.

3. Творения святителя Николая Сербского (Велимировича). Духовное возрождение Европы. Перевод с сербского Сергея Фонова. – М.: Паломник, 2006. – 447 с.

Tvoreniya svyatitelya Nikolaya Serbskogo (Velimirovicha). Dukhovnoe vozrozhdenie Evropy. Perevod s serbskogo Sergeya Fonova.– Moskva: Palomnik, 2006.– 447 s.

4. Непомняший А. А. З історії кримознавчих студій у Лазаревському інституті східних мов // Східний світ.– 2007. – № 1. – С. 45–46.

Nepomnyashii A. A. Z istoriї krimoznavchikh studii u Lazarevs'komu instituti skhidnikh mov // Skhidnii svit.– 2007.– № 1.– S. 45–46.

5. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. – Симферополь, 2008.– 600 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).

Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya. T. 2: TAURICA ORIENTALIA / Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya.– Simferopol', 2008.– 600 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 12).

6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. Вып.1. Земли Молдавии и Украины. / Эвлия Челеби.– М., 1961– 309 с.

Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya. Izvlecheniya iz sochinenii turetskogo puteshestvennika XVII veka. Vyp.1. Zemli Moldavii i Ukrainy. / Evliya Chelebi.– M., 1961– 309 s.

7. Тимченко В. М. Османський Очаків за турецькими писемними джерелами / В. М. Тимченко // BORYSTHENIKA–2004: Матер. междунар. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. – Николаев, 2004.– С. 149–157.

Timchenko V. M. Osmans'kii Ochakiv za turets'kimi pisemnimi dzherelami / V.M.Timchenko // BORYSTHENIKA–2004: Mater. Mezhdunar. nauch. konf. k 100-letiyu nachala issledovanii ostrova Berezan' E.R. fon Shternom – Nikolaev, 2004.– S. 149–157.

8. Сапожников И. В. К истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX в. Институт археологии НАНУ, Ильичевск. Восточноевропейский археологический журнал, 5(18), сентябрь – октябрь // http:// archaeology.kiev.ua / journal/ 050902/ sapozhnikov.htm. С. 1–5.

Sapozhnikov I. V. K istorii issledovanii Ol'vii i Berezani : do nachala XIX v. Institut arkheologii NANU, Il'ichevsk. Vostochnoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal, 5(18) sentyabr'-oktyabr' // http://archaeology.kiev.ua / journal/ 050902/ sapozhnikov.htm- S. 1-5.

9. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / Отв. ред. Л. А. Дубровина. – Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: Bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo KhKh veka) / Otv. red. L. A. Dubrovina.– Simferopol': Dolya, 2001.– 816 s.

10. Смирнов В. Д. Грамота султана Османа II-го семейству иудейки Киры / В. Д. Смирнов // Восточные заметки: Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета – СПб., 1895 – С. 35–78.

Smirnov V. D. Gramota sultana Osmana II-go semeistvu iudeiki Kiry./ V.D.Smirnov // Vostochnye zametki: Sb. statei i issledovanii professorov i prepodavatelei fakul'teta vostochnykh yazykov Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta – SPb., 1895 – S. 35–78.

11. Сборник старинных грамот касательно караимов. Изд. Фирковича. СПб., 1890. – С. 58–63.

Sbornik starinnykh gramot kasatel'no karaimov. Izd. Firkovicha. SPb., 1890. – S. 58–63.

12. Божко О. І. Діяльність Габрієла Айвазовського в контексті суспільних процесів середини XIX ст // Східний Світ.– 2012.– № 4. – С. 5–14.

Bozhko O. I. Diyal'nist' Gabrієla Aivazovs'kogo v konteksti suspil'nikh protsesiv seredini XIX st // Skhidnii Svit.– 2012.– № 4. – S. 5–14.

13.Караулов Г. Некролог Архиепископ Гавриил Айвазовский. // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. Том 12. – Одесса, 1881 – С. 435–443.

Karaulov G. Nekrolog Arkhiepiskop Gavriil Aivazovskii. // Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Tom 12 – Odessa, 1881 – S. 435–443.

14. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. –1867. – Т. 6. – С. 348.

Bronevskii M. Opisanie Kryma // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. –1867. – T. 6. – S. 348.

Yakubova T. A. Turkey, Crimea, Fortress Ochakov in archive materials A.E.Krymsky.

The article presents the materials from the archive of A.E.Krymsky of the Turkish, Crimea, fortress Ochakov. A.E.Krymsky archive documents reveal the theme of religions life, the contacts the dialogue of the Christian an Islamic civilizations.

Key words: Archive A.E.Krymsky, historical sources, dialogue Christian, Islamic civilization.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 161–174.

УДК 908: 655.3.066.32+655.41 (477.75)

ДОСОВЕТСКИЕ ВИДОВЫЕ ОТКРЫТКИ КРЫМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ АТРИБУЦИИ К «ПРОЧТЕНИЮ»

Яшный Д. В.

ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yashnyy@ukr.net

Рассмотрены проблемы атрибуции досоветских видовых открыток, посвященных Крыму, и «прочтения» запечатленных там образов памятников истории и культуры. Помимо внешней атрибуции почтовых бланков, дискутируются вопрос о побудительных причинах каждого из представителей «золотого века открытки» и факторы, влиявшие на предпочтения массового покупателя, издателей и фотомастеров.

Ключевые слова: видовая открытка, Крым, «визуальный поворот», атрибуция, визуальный образ

Начатая в 20-х годах XX столетия в Западной Европе «визуализация» гуманитарных исследований, в первую очередь в антропологии и социологии, получила развитие в зарубежной исторической науке более тридцати лет назад [2, с. 221; 8, с. 147]. В конце прошлого века обращение к «визуальной истории» стало тенденцией для научных работ ближнего зарубежья: появляются исследования по визуальной антропологии и социологии, изобразительные документы рассматриваются как объект отдельных, междисциплинарных исследований, происходит отказ от объективистского «прочтения» технотронных аудиовизуальных источников [11, с. 7; 12, с. 124].

В отечественных исследованиях, посвященных изобразительным источникам, визуальные документы долгое время ставились в подчинённое положение относительно письменных. Они использовались для дополнения последних или как вспомогательный иллюстративный материал для повышения репрезентативности исследований. Это привело, без преувеличения, к методологическому кризису и «текстоцентризму» [35, с. 11; 40, с. 473], особенно истории Новейшего Времени [2, с. 223–225] .

Эти тенденции привели к недостаточно развитой дифференциации корпуса изобразительных источников и объединению в одну группу разных по природе происхождения и требующих применения кардинально отличающихся методологических приемов документов. Вместе с тем в источниковедческих исследованиях постсоветского периода, претендующих на всеобъемлющий характер, критике визуальных источников отводится незначительное место [5, с. 11, 146, 157; 18].

Феномен видовых открыток как первого массового средства тиражирования визуальных образов в Российской империи требует разработки методологического инструментария для раскрытия всего комплекса, заложенной информации. Вместе с тем вынуждены признать, что многогранность визуального образа, в сравнении с

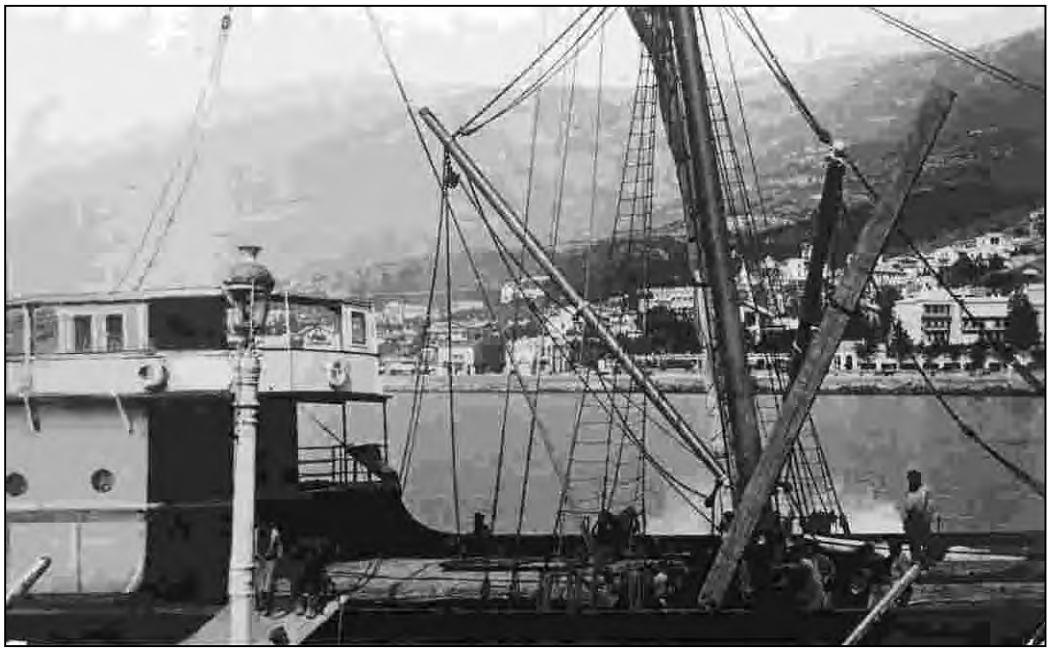
письменными источниками, позволяет выделять лишь тот пласт информации, который относится к объекту исследования. В данной статье мы сосредоточим внимание на образах, презентующих историко-культурное наследие Крыма в начале XX века: их атрибуции, классификации и прочтении. Такой подход, безусловно, ограничивает нас лишь Крымским полуостровом. С другой стороны, широкая разработанность корпуса документов региона, посвященных многим аспектам бытования и сохранения крымских объектов культурного наследия, позволяет оставить исследование в практической плоскости, не приводя его лишь к теоретической составляющей [22–24].

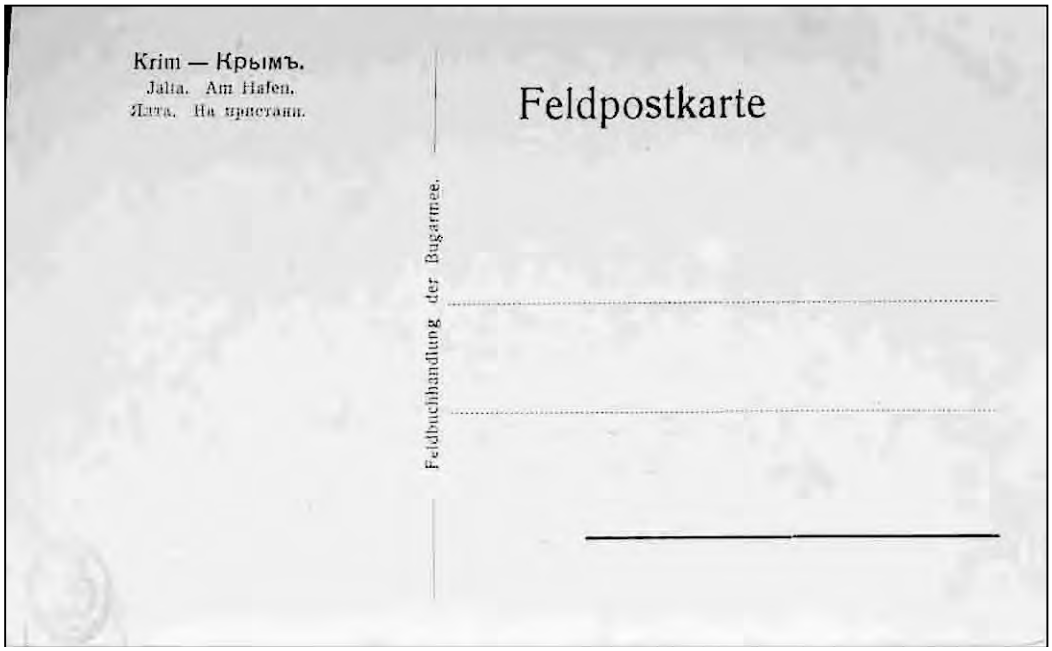
Введение в научный оборот большого массива досоветских видовых открыток в качестве источников по изучению культурного наследия требует разработки новых методологических приемов. Значительная часть способов классификации, атрибуции, анализа содержимого изображения становилась предметом научных изысканий в рамках исследований по истории почты, коллекционированию, источниковедению [1; 6; 13; 15–17; 20; 27–29; 33; 34]. Тем не менее, исходя из особенностей исследуемой группы источников, считаем нужным подробно остановиться на методологии исследования документальных открыток как исторического источника и осветить каждый этап источниковедческого анализа.

Методология использования видовых открыток как источника по истории массовой и художественной культуры, быта, социальных движений и общественных предпочтений достаточно полно исследована в работах отечественных исследователей и коллег из ближнего зарубежья [36, с. 148; 39, с. 127]. Но освещение методологической составляющей или недостаточно, или вытеснено на второй план практическими изысканиями [27; 28].

Возможности использования видовых открыток в деле охраны восстановления объектов культурного наследия на сегодняшний день в отечественной и зарубежной исторической науке не изучены: не разработаны методологические основы таких исследований, в музейных коллекциях, за редким исключением, не созданы отдельные картотеки и каталоги досоветских иллюстрированных почтовых бланков.

Вместе с тем использование досоветских открыток как источника по развитию градостроительных, архитектурных и ландшафтных ансамблей, памятников истории и монументального искусства, восстановлению утраченного и сохранившегося культурного наследия имеет свои особенности. Объектом исследования здесь выступает иллюстрированная фотографией видовая сторона почтового бланка, а предметом – визуальный образ, помещенный на ней. Внешняя критика почтовых бланков (установление авторства, времени изготовления снимка и издания открытки, точная географическая и топографическая локализация изображенных объектов, изучение уровня вмешательства со стороны ретушеров и искажений при тиражировании снимка в типографии, выявление ошибок и опечаток в аннотирующих надписях), несмотря на кажущуюся полноту охвата условий создания визуального образа, является лишь подготовительным этапом в его «прочтении».





Крым: Ялта: на пристани: feldpostkarte. [Б. м.], [после 1904]. [аннот. об. стор. на рус. и нем. языках]

Эвристическая составляющая исследований крымских видовых открыток, изданных в 1895–1917 гг., является одной из сложнейших задач. Несмотря на

существенное количество общедоступных электронных ресурсов, размещающих цифровую версию иллюстрированных почтовых бланков, все они ограниченны в рамках определенной тематики. Такие по большей части общественные проекты посвящены творчеству отдельных фотомастеров, работе различных издательств, отдельным объектам, поэтому собрать весь объем интересующего материала с использованием только таких ресурсов не представляется возможным.

В последние несколько лет государственные учреждения включились в процесс создания электронных экспозиций и каталогов, посвященных открыткам. Количество крымских видов открыток в фондах библиотек и музеев весьма ограничено и не охватывает весь объем филокартического материала. К тому же нередки ошибки в описаниях открыток, что дает деформированное представление об уровне вовлеченности отдельных участников в создание конкретного тиражированного образа. Несмотря на неразрешенные до сегодняшнего дня вопросы по механизмам сотрудничества издателей, типографий и фотографов, уже на сегодняшний момент совершенно ясно, что издатель (при указании исходных данных типографии) играл роль заказчика, а непосредственным изготовителем открыток выступала типография или фототипия.

В зарубежных коллекционировании и науке издание каталогов досоветских видовых открыток получило намного большее распространение, нежели в отечественной филокартии, в особенности если говорить о каталогизации крымских открыток. На сегодня мы можем указать на два каталога, составленных по географическому принципу и посвященных видам Феодосии и Симферополя, и один – посвященный открыткам, изданным Общиной святой Евгении, где отражен крымский материал. Остальные издания тематических подборок крымских открыток можно отнести к альбомам изобразительных материалов ввиду отсутствия в них информации об издателе, типографии, времени издания и критики аннотирующих подписей [29; 33].

Частично опубликованный крымский корпус документальных открыток не может в полной мере отразить картину развития почты и издательского дела, общекрымские тенденции в развитии архитектуры и градостроительства, замыкаясь на отдельных населенных пунктах, что приводит к необходимости обращения к музейным хранилищам и фондам библиотек, частным коллекциям.

Изыскание видовых открыток в отечественных музейных хранилищах приводит исследователя к нескольким проблемам: невыделение почтовых бланков, иллюстрированных фотографиями, в большинстве своем в отдельный фонд и отсутствие тематических каталогов, посвященных открытым письмам. В существующих описях документальные открытки не выделяются из общего корпуса почтовых карточек, в число которых входят художественные и рекламные [27, с. 214].

Природа досоветской видовой открытки, ставшей продуктом коллективной работы фотографа, издателя и типографии, требует особой точности при установлении роли каждого из субъектов на этапах ее создания: от снимка до почтового бланка. Вместе с тем установление авторства технотронных документов, к которым мы относим видовую открытку, делается в равной мере для понимания условий, побудивших издателя или фотографа к созданию, и для уточнения времени издания открытки или изготовления снимка.

Ореанда: беседка: открытое письмо / фот. В. Н. Сокорнов. [Б. м.], [после 1904]. [фотооткрытка]. [сер. «Виды Крыма»].

На этом этапе работы источниковедческий анализ видовых открыток существенно отличается от схем, принятых для изобразительных документов, которые стали результатом творческого поиска: живописи, графики, гравюр, акварели, художественной фотографии, авторы которых изображали не окружающий мир, а лишь свое видение его. Исследование всех вопросов, связанных с авторством, имеет большое значение. Получение сведений об авторе, биографии фотографа, основных этапах его деятельности помогает не только в определении обстоятельств создания источника, но и при определении ценности источника [15; с. 111].

Чрезвычайно сложен вопрос определения авторства фотографий в случае работы крупных фотографических фирм (таких как К. А. Фишера, П. Павлова, Шерер, Набгольц и К°), так как не сохранились документы договоров между фотографами и заказчиками о фиксации памятников и издании открыток. И нельзя приписывать авторство фотографий директору или ведущему фотографу фирмы, ориентируясь только на фирменный знак. При атрибуции авторства возможно привлечение других фотодокументов и сличение сюжетов с негативами (или фотоиллюстрациями), у которых определен фотограф или издательство.

Особенно важным является изучение археографических особенностей источников: истории публикации фотосюжета, фотоизображения, подписей и т. д. Еще раз подчеркнем, что при работе с открытыми письмами обязательно нужно обращать внимание на следующие детали, которые имеют огромное значение для дальнейшего изучения: оформление адресной стороны, надписи на обеих сторонах

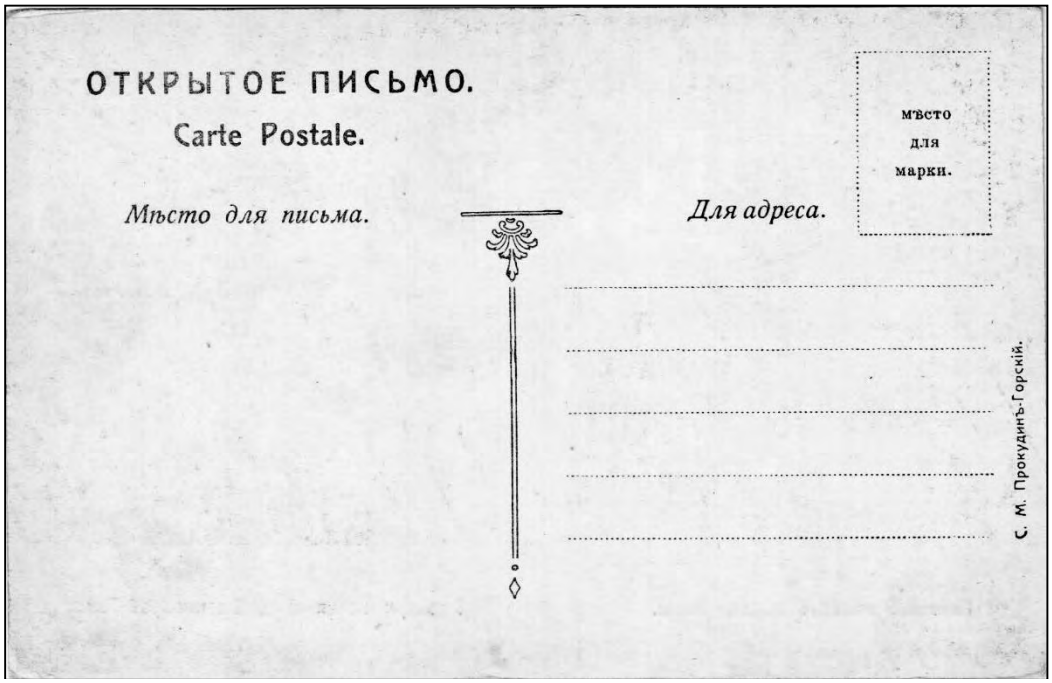
карточки (если имеются), номер в изданной серии, тираж и его объемы, выбранная издателями техника. Интересны аспекты взаимодействия того или иного фотографа с определенным издательством, вопросы приобретения негативов для публикации (нередко фотоснимок мог использоваться одновременно несколькими типографиями и издательскими фирмами). При работе с иллюстрированными открытками в целом необходимо выявлять различные переиздания одного и того же сюжета [15, с. 114].

При использовании иллюстрированных открыток как источника в изучении и восстановлении объектов культурного наследия одним из важнейших этапов исследовательской работы становится их датировка. Особенностью этого этапа изыскания для открытых писем является наличие нескольких относительных или абсолютных дат: время выпуска открытки, ее прохождения через почтовое отделение (только для гашеных бланков со штемпелем почтового отделения) и изготовления снимка. Из этого следует, что для датировки открытки исследователь имеет несколько инструментов: сам почтовый бланк, внешний вид которого не был статичным в «золотой век», аннотирующие подписи издателей с указанием времени печати, штемпели почтовых отделений, на которых указывались даты прохождения послания, почтовые марки, использованные для оплаты услуг почты, пометки отправителей.

В первую очередь рассмотрим способы датировки по особенностям почтового бланка. Почтовый бланк в указанный нами период использования открытых писем претерпевал значительные изменения. Благодаря исследованиям по истории почты и публикациям филокартистов мы можем выделить три основных этапа, на каждый из которых приходится существование единообразных бланков. Первый этап – 1895–1904 гг. – период нахождения в обороте открыток с неразделенной адресной стороной, когда место для написания послания отводилось на иллюстрированной стороне (поля которой в этот период достаточно широки для текста незначительного объема). На втором этапе развития почтовых бланков (1904–1908 гг.) адресная сторона делится вертикальной линией на две части: адресную и текстовую, но, как и на предыдущем этапе, почтовый бланк носит название «открытое письмо». На третьем этапе развития открытых писем (1908–1918 гг.) надпись «открытое письмо» заменяется на «почтовая карточка»; название бланка (после 1909 года) может отсутствовать вовсе [29, с. 8].

Определенные сложности возникают с открытками, аннотированными французским словосочетанием «kartepostale», которое использовалось во все три периода, отмеченные нами [42]. Корпус таких документальных открыток малочислен, но иллюстрирован уникальными снимками, зачастую не переизданными.

Для открыток, прошедших почту, благодаря указанию даты на штемпеле почтового отделения, указанные выше хронологические рамки можно сузить. Вместе с тем между выпуском открытки и ее использованием в пересылке может пройти значительный период времени, что делает такой способ датировки эффективным только в том случае, когда выход открытки из печати и ее пересылка происходили в один из трех указанных нами периодов использования единообразных почтовых бланков.



Электрическая ж. д. Бахчисарай – Ялта: главный вокзал города Ялты / фот. С. М. Прокудин-Горский. [Б. м.], [после 1904].

Еще одним источником, помогающим установить время прохождения открытки через почту в случае неудовлетворительной сохранности штемпеля, являются почтовые марки. Благодаря высокой степени изученности филателистического материала как учеными, так и коллекционерами, восстановлено развитие и освещены основные почтовые выпуски общегосударственного образца. Вершиной такого плодотворного сотрудничества стала серия каталогов почтовых марок, где собраны известные на сегодня выпуски с их точной датировкой.

«Золотой век» открыток совпал во времени с хождением в почтовой пересылке выпусков почтовых марок общегосударственного образца (с двенадцатого [1889–1892] по двадцать седьмой [март 1917]) и так называемых «марок-денег», выпускавшихся в связи с недостатком разменной монеты, с возможностью использования при оплате услуг почты (четыре выпуска с 1915 по 1917 г.) [7, с. 121]. Использование филателистического материала для датировки открыток имеет свои сложности в связи с тем, что марки каждого из выпусков находились в обращении долгое время после прекращения их печати. Вторая сложность состоит в том, что четыре вида почтовых марок выпусков 1908–1917 и 1917 годов были переизданы уже после Октябрьского переворота 1917 года [7, с. 122].

Таким образом, уточнение времени выпуска открыток с использованием информации, заключенной на адресной стороне открытки и на марке, возможно, как и в случае со штемпелем почтового ведомства, только когда нижние временные рамки начала использования одного из видов почтового бланка отстоят от выпуска почтовой марки на достаточно сжатый временной промежуток. Хронологические рамки, полученные указанным способом, и будут указывать на время издания открытки, но их точность зависит от величины разницы между выпуском почтового бланка и марки. Чем более будет этот промежуток, тем менее точной будет датировка.

В некоторых случаях отправители открыток заканчивали свое послание указанием даты его написания. Вышеуказанным методом сопоставления использованного почтового бланка и указанной даты становится возможным выяснить временной промежуток, в который была выпущена открытка.

Сами издатели редко датировали выпуск открыток, такими исключениями для Крыма являются открытые письма московской фирмы «Шеррер, Набгольц и Ко», выпущенные до 1904 года, и открытки дрезденского издательства «Штенгель и Комп.», датированные 1905 годом. Единственным из крымских издателей датировал выпуски открыток В. Н. Сокорнов, фотомастерская которого располагалась в Алупке. На каждой открытке, выпущенной после 1911 по заказу мастера, стоял его фирменный штамп с указанием года выпуска [10, с. 78–96; 23].

Более важной с точки зрения использования информации, заложенной в визуальный образ иллюстрированной стороны открытки, является уточнение времени, когда был сделан снимок. Во многих случаях, ввиду недостаточного документального сопровождения истории становления фотолитографий и фотомастерских, установление точной даты фиксации вида фотоаппаратом представляется невозможным.

Благодаря исследованиям по истории фотографии в Российской империи восстановленные биографии наиболее выдающихся мастеров помогают установить хронологический промежуток, в который были сделаны серии и отдельные фотографии.

Так, достаточно точно можно датировать снимки видов Крыма, сделанные Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским. Автор первых цветных фотографий в России в 1904–1905 годах по заказу Общества о попечении сестер милосердия (Общины св. Евгении) осуществил путешествие по регионам империи с целью изготовления снимков для иллюстрирования почтовых открыток. Среди прочих им были сделаны около сотни видов Юго-Западного Крыма и Южного Берега [25]. Точное количество изданных на почтовых бланках фотографий Крыма, сделанных С. Прокудиным-Горским, сегодня неизвестно, но благодаря общественному проекту «Наследие С. М. Прокудина-Горского» каталог открыток, «сделанных с натуры», мастера постоянно пополняется [30]. Известна лишь одна открытка, сделанная по фотографии С. М. Прокудина-Горского вне указанного нами периода, на которой запечатлен проект железнодорожного вокзала в Ялте, создававшийся к строительству южнобережной железной дороги.

Менее точно исследователями датированы фотографии В. Н. Сокорнова, неоднократно переизданные на открытках. Временной промежуток, в который были сделаны снимки Василием Никандровичем в конце XIX века – в начале XX века, определяется в десятилетие. На более поздних работах мастера из Алупки появляются фирменные штампы в углу фотоснимка с указанием года его изготовления [10, № 1, 3, 4; 23].

Определение времени фотофиксации видов в остальных случаях возможно лишь по содержимому изображения на иллюстрированной стороне открытки и датировке известных переизданий. Оба эти способа дают лишь верхние хронологические рамки изготовления снимка и, ввиду неоднократного использования наиболее популярных видов для иллюстрирования открыток, должны использоваться одновременно.

Датирование фотографии, изданной на почтовой открытке, по ее содержимому требует от исследователя глубоко изучения истории зафиксированного объекта, с уточнением изменений не только главного сюжета исследования, но и его окружения, попавшего в объектив фотокамеры. Особенно это важно при использовании документальных открыток в изучении комплексов: дворцовых ансамблей, градостроительных комплексов, ядра исторической застройки – ввиду большого количества их составляющих.

Важной проблемой, которая требует разрешения, в рамках работы с досоветскими видовыми открытками остается задача по реконструкции вкусов и предпочтений жителей Российской Империи, фотомастеров, издателей, причастных к созданию корпуса видовых почтовых карточек в их «золотой век». Анализ скрытого содержания технотронных образов в сравнении с художественными в значительно меньшей степени становился предметом методологических исследований. Вместе с тем попытки репрезентации общественных и личностных стимулов к участию в тиражировании образов были ограничены отдельными социальными группами, участниками культурных течений, явлениями или регионально [36; 24].

Обращение к побудительным мотивам, которые стали причиной распространения значительного пласта фотонаследия, посвященного крымскому полуострову, не должно ограничиваться подходами к открытке как, в первую очередь, коммерческому проекту. Помимо общественного регулятора – спроса, который определял популярность тех или иных образов и количество их переизданий, мы выделим ряд базовых причин массовой печати конкретных фотографий [36, с. 148]. К внутренним побудителям, исходивших от участников создания открыток, относятся цели издания открыток (коммерческие, благотворительные, рекламные); концепции изображения «памятников старины», бытовавшие в конце XIX – начале XX века; практическая роль фотографии в сохранении историко-культурного наследия в указанный период [3; 4]. К факторам, влиявшим на развитие корпуса иллюстрированных открыток извне, отнесем влияние общественно значимых событий на формирование сюжетного разнообразия фотомастерских.

Изучение внешних особенностей открытого письма позволяет рассмотреть не только художественное и историческое значение источника, но и сделать некоторые выводы о специфике технологического процесса производства, так как, помимо изображения и пояснительного текста к нему, принимаются во внимание сведения о печатавшем его заведении, отметке цензурного разрешения, серийности. Напротив, обращение к образам и заложенной в них информации, как явной, так и скрытой, раскрывает значительную часть причин такого явления, как «золотой век открытки», и место памятников истории и культуры в этом феномене.

Список использованных источников и литературы

1. Буличова В. В. Поштові листівки у колекції ХІМ та можливості їх використання в експозиційній роботі // 17 Сумцовські читання: зб. мат. конф.: «Музей як соціокультурний інститут в умовах інформаційного суспільства / Харьковский исторический музей им. Н. Ф. Сумцова. Харьков: Майдан, 2011. С. 161–165.

Bulichova V. V. Poshtovi listivki u kolektsiї KhIM ta mozhlivosti їkh vikoristannya v ekspozitsiyniy roboti // 17 Sumtsovs'ki chitannya: zb. mat. konf.: «Muzey yak sotsiokul'turniy institut v umovakh informatsiynogo suspil'stva / Khar'kovskiy istoricheskiy muzey im. N. F. Sumtsova. Khar'kov: Maydan, 2011. S. 161–165.

2. Гаскеллл А. Візуальна історія // Нові підходи до історіописання / ред. П. Берк. К.: Ніка-Центр, 2010. С. 221–256.

Gaskelll A. Vizual'na istoriya // Novi pidkhodi do istoriopisannya / red. P. Berk. K.: Nika-Tsentr, 2010. S. 221–256.

3. Головина О. С. «Фотографический музей»: концепции виртуализации истории во второй половине XIX начале XX веков в России и в Западной Европе // Научно-технические ведомости СПбГПУ: Гуманитарные и общественные науки. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. № 3 (131). С. 155–158.

Golovina O. S. «Fotograficheskiy muzey»: kontseptsii virtualizatsii istorii vo vtoroy polovine XIX nachale XX vekov v Rossii i v Zapadnoy Evrope // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. SPb.: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta, 2011. № 3(131). S. 155–158.

4. Головина О. С. Основные концепции представления памятников культуры в фотографии на материале русской фотографической периодики (1859–1918 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2011. Вып. № 4. Т. 4. С. 114–123.

Golovina O. S. Osnovnye kontseptsii predstavleniya pamyatnikov kul'tury v fotografii na materiale russkoy fotograficheskoy periodiki (1859–1918 gg.) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, 2011. Vyp. № 4. t. 4. S. 114–123.

5. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В.Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1998. 708 с.

Danilevskiy I. N. Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: ucheb. Posobie / I. N. Danilevskiy, V.V.Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva; Ros. gos. gumanit. un-t. M., 1998. 708 s.

6. Дробна І. В. Джерелознавчий аналіз документальних листівок: етапи дослідницької процедури // Вісник Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: історичні науки. 2008. Вип. 2. С. 274–281.

Drobna I. V. Dzhereloznavchiy analiz dokumental'nikh listivok: etapi doslidnits'koї protseduri // Visnik Kam'yanets'-Podil's'kogo nats. un-tu imeni Ivana Ogiєnka: istorichni nauki. Vip. 2. 2008. S. 274–281.

7. Загорский В. Б. Каталог почтовых марок СССР (1857–1960). СПБ.: Стандарт-коллекция, 2004. 208 с.

Zagorskiy V. B. Katalog pochtovykh marok SSSR (1857–1960). SPB.: Standart-kollektsiya, 2004. 208 s.

8. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 1. С. 147–150.

Zakharova N. Yu. Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2008. Tom 11, № 1. S. 147–150.

9. Иллюстрированный каталог открытых писем в пользу Общины св. Евгении / Сост. Ю. Н. Вульфсон: В 4 т. М.: Бонфи. 2006.

Illyustrirovannyy katalog otkrytykh pisem v pol'zu Obshchiny sv. Evgenii / Sost. Yu. N. Vul'fson: V 4 t. M.: Bonfi. 2006.

10. Каталог // Сокорнов В. Виды Крыма / Гос. центр фотографии. СПб., 2006. С. 78–107.

Katalog // Sokornov V. Vidy Kryma / Gos. tsentr fotografii. SPb., 2006. S. 78–107.

11. Круткин В., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Интеллектуальное поле визуальной антропологии // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 7–18.

Krutkin V., Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. Intellektual'noe pole vizual'noy antropologii // Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost': sb. nauch. st. pod red. E. R. Yarskoy-Smirnovoy, P.V. Romanova, V. L. Krutkina. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007. S. 7–18.

12. Круткин В. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е .Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова; ЦСПГИ,. М.: ООО «Вариант», 2009. С. 109–125.

Krutkin V. Snimki domashnikh al'bomov i fotograficheskiy diskurs // Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki / pod red. E.R.Yarskoy-Smirnovoy, P. V. Romanova; TsSPGI,. M.: OOO «Variant», 2009. S. 109–125.

13. Ларина А. Н. Библиография // Журнал любителей открыток «ЖУК». 2005. № 1 (5). С. 44.

Larina A. N. Bibliografiya // Zhurnal lyubiteley otkrytok «ZhUK». M., 2005. №1(5). S. 44.

14. Ларина А. Н. Документальная открытка конца XIX начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы. Автореф. дис. канд. ист. наук, 07.00.09 / Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного ун-та. М., 2004. 17 с.

Larina A. N. Dokumental'naya otkrytka kontsa XIX nachala XX vv. kakistochnik po istorii i kul'ture Moskvy. Avtoref. dis. kand. ist. nauk., 07.00.09 / Istoriko-arkhivnyy institut Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo un-ta. M., 2004. 17 s.

15. Ларина А. Н. Почтовая открытка в руках историка // Историк и художник. 2004. № 2. С. 109–121.

Larina A. N. Pochtovaya otkrytka v rukakh istorika // Istorik i khudozhnik. 2004. № 2. S. 109–121.

16. Лихотворик Р. Путешествие со старой открыткой: Феодосия, Старый Крым, Коктебель, Отузы, Кизил-Таш, Судак, Карасубазар на рубеже XIX–XX столетий / Р. Лихотворик. Феодосия: Арт-Лайф, 2007. 173 с.

Likhotvorik R. Puteshestvie so staroy otkrytkoy: Feodosiya, Staryy Krym, Koktebel', Otuzy, Kizil-Tash, Sudak, Karasubazar na rubezhe XIX XX stoletiy / R. Likhotvorik. Feodosiya: Art-Layf, 2007. 173 s.

17. Лосев Д. «Cartepostale» из Феодосии: что запомнили и сохранили старые видовые открытки // Крымский альбом 2001: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / авт.

предисл. и сост. Д. Лосев; Институт стран СНГ. Феодосия – Москва: Изд. дом «Коктебель», 2002. С. 131–155.

Losev D. «Cartepostale» iz Feodosii. Chto zapomnili i sokhranili starye vidovye otkrytki // Krymskiy al'bom 2001: Istoriko-kraevedcheskiy i literaturno-khudozhestvennyy al'manakh / avt. predisloviya i sost. D. Losev; Institut stran SNG. Feodosiya-Moskva: Izd. dom «Koktebel'», 2002. S. 131–155.

18. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.

Lotman Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i. T. 1. Tallinn, 1992. S. 129–132.

19. Мозохина Н. А. Открытка в музее: проблемы формирования и экспонирования коллекций на современном этапе // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 165–175.

Mozokhina N. A. Otkrytka v muzee: problemy formirovaniya i eksponirovaniya kollektsiy na sovremennom etape // Voprosy muzeologii. 2012. № 1(5). S. 165–175 ;

20. Морозов С. Атрибуция произведений Василия Сокорнова по открыткам // Сокорнов В. Виды Крыма / Гос. центр фотографии. СПб., 2006. С. 33–37.

Morozov S. Atributsiya proizvedeniy Vasiliya Sokornova po otkrytkam // Sokornov V. Vidy Kryma / Gos. tsentr fotografii. SPb., 2006. S. 33–37.

21. Нащокина М. В. Художественная открытка русского модерна. М., 2004. 318 с.

Nashchokina M. V. Khudozhestvennaya otkrytka russkogo moderna. M., 2004. 318 s.

22. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь: Доля, 2001. – 816 с.

Nepomnyashchiy A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: Bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo XX veka). Simferopol': Dolya, 2001.– 816 s.

23. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2008. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. 600 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).

Nepomnyashchiy A. A. Podvizhniki krymovedeniya. Simferopol': Izd-vo «SGT», 2008. T. 2: TAURICA ORIENTALIA. 600 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 12).

24. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Биобиблиография крымоведения; вып. 25»; «Крым в истории, культуре и экономике России»).

Nepomnyashchiy A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). Simferopol': Antikva, 2015. 936 s. (Serii: «Biobibliografiya krymovedeniya; vyp. 25»; «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»).

25. Носков А. В. Негативы для Красного Креста // ЖУК. 2009. № 1 (20). С. 23.

Noskov A. V. Negativy dlya Krasnogo Kresta // ZhUK. 2009. № 1(20). S. 23.

26. Ореанда: беседка: открытое письмо / фот. В. Н. Сокорнов. [Б.м.], [после 1904]. [фотооткрытка]. [сер. «Виды Крыма»].

Oreanda: besedka: otkrytoe pis'mo / fot. V. N. Sokornov. [B.m.], [posle 1904]. [fotootkrytka]. [ser. «Vidy Kryma»].

27. Овчіннікова Л. Г. Поштові листівки із колекції Харківського історичного музею як матеріал для етнографічних досліджень // 18 Сумцовські читання: зб. мат. конф. «Музей як соціокультурний інститут в умовах інформаційного суспільства / Харьковский исторический музей им. Н. Ф. Сумцова. Харьков: Майдан, 2012. С. 212–218.

Ovchinnikova L. G. Poshtovi listivki iz kolektsiї Kharkivs'kogo istorichnogo muzeyu yak material dlya etnografichnikh doslidzhen' // 18 Sumtsovs'ki chitannya: zb. mat. konf. «Muzey yak sotsiokul'turniy institut v umovakh informatsiynogo suspil'stva / Khar'kovskiy istoricheskiy muzey im. N. F. Sumtsova. Khar'kov: Maydan, 2012. S. 212–218.

28. Подписи и марки В. Сокорнова на открытках // Сокорнов В. Виды Крыма / Государственный центр фотографии. СПб., 2006. С. 109.

Podpisi i marki V. Sokornova na otkrytkakh // Sokornov V. Vidy Kryma / Gosudarstvennyy tsentr fotografii. SPb., 2006. S. 109.

29. Поклон из Феодосии: каталог видовых открыток (1899–1918) / сост. А. О. Олещук, В. А. Диканов; Феодосийский музей денег. Феодосия, 2005. 120 с.

Poklon iz Feodosii: katalog vidovykh otkrytok (1899–1918) / sost. A. O. Oleshchuk, V. A. Dikanov; Feodosiyskiy muzey deneg. Feodosiya, 2005. 120 s.

30. Прокудин-Горский С. Г.: фотографии, наследие, творческий путь. Режим доступа: [www. temples. ru/pg/416. php].

Prokudin-Gorskiy S. G.: fotografii, nasledie, tvorcheskiy put'. Rezhim dostupa: [www. temples. ru/pg/416. php].

31. Рабенчук О. До питання про візуальне як джерело історичних досліджень // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика / Інститут історії України. К., 2012. № 17. С. 29–39.

Rabenchuk O. Do pitannya pro vizual'ne yak dzherelo istorichnikh doslidzhen' // Ukraïna KhKh st.: kul'tura, ideologiya, politika / Institut istoriï Ukraïni. K., 2012. №17. S. 29–39.

32. Севастополь на фотографиях и открытках [Текст]: фотоальбом. Симферополь: Салта ЛТД, 2009. 254 с.

Sevastopol' na fotografiyakh i otkrytkakh [Tekst]: fotoal'bom. Simferopol': Salta LTD, 2009. 254 s.

33. Симферополь на старой открытке (1898–1918): альбом-каталог / сост. А. Пилашевич, В. Кацубинский. Симферополь, 2006. 140 с.

Simferopol' na staroy otkrytke (1898–1918): al'bom-katalog / sost. A. Pilashevich, V. Katsubinskiy. Simferopol', 2006. 140 s.

34. Снегурова М. Община Св. Евгении // Наше наследие. 1991. № 3 (21). С. 31–32.

Snegurova M. Obshchina Sv. Evgenii // Nashe nasledie. 1991. № 3 (21). S. 31–32.

35. Соколов А. Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 11.

Sokolov A. B. Tekst, obraz, interpretatsiya: vizual'nyy povorot v sovremennoy zapadnoy istoriografii // Ochevidnaya istoriya: problemy vizual'noy istorii Rossii XX stoletiya. Chelyabinsk, 2008. S. 11.

36. Третьяков В. П., Гутерман А. А. Возможности использования открыток для анализа некоторых явлений обыденного сознания россиян с 1900 по 1917 год // Клио: журнал для ученых. 2001. № 2 (14). С. 144–149.

Tret'yakov V. P., Guterman A. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya otkrytok dlya analiza nekotorykh yavleniy obydennogo soznaniya rossiyan s 1900 po 1917 god // Klio: zhurnal dlya uchenykh. 2001. № 2(14). S. 144–149.

37. Трухачева А. Ф. Печатные издания в составе фотоальбомов Российского государственного архива кинофотодокументов // Вестник архивиста. 2009. № 2. С. 205–221; № 3. 160–171; № 4. 190–203.

Trukhacheva A. F. Pechatnye izdaniya v sostave fotoal'bomov Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva kinofotodokumentov // Vestnik arkhivista. 2009. № 2. C. 205–221; № 3. 160–171; № 4. 190–203.

38. Швецова-Водка Г. Н. К определению понятия «технотронный документ // Библиотечное дело – 2001: Российские библиотеки в мировом информационном пространстве: тезисы докл. 6-й междунар. науч. конф. Ч. 1. М., 2001. С. 51–52.

Shvetsova-Vodka G. N. K opredeleniyu ponyatiya «tekhnotronnyy dokument // Bibliotechnoe delo 2001: Rossiyskie biblioteki v mirovom informatsionnom prostranstve: tezisy dokl. 6–y mezhdunar. nauch. konf. ch. 1. M. , 2001. S. 51–52.

39. Шмелева Т. В. Открытка в контексте повседневной культуры / Т. В. Шмелева // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: мат. междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005» / ред.-сост. И. А. Манкевич. СПб., 2005. С. 126–128.

Shmeleva T. V. Otkrytka v kontekste povsednevnoy kul'tury / T. V. Shmeleva // Fenomen povsednevnosti: gumanitarnye issledovaniya. Filosofiya. Kul'turologiya. Istoriya. Filologiya. Iskusstvovedenie: mat. mezhdunar. nauch. konf. «Pushkinskie chteniya–2005» / red.-sost. I. A. Mankevich. SPb. , 2005. S. 126–128.

40. Щербакова Е. И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России: пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО XXI, 2011. С. 473–488.

Shcherbakova E. I. Vizual'naya istoriya: osvoenie novogo prostranstva // Istoricheskie issledovaniya v Rossii: pyatnadtsat' let spustya / pod red. G. A. Bordyugova. M: AIRO XXI, 2011. C. 473–488.

41. Электрическая ж. д. Бахчисарай – Ялта: главный вокзал города Ялты / фот. С. М. Прокудин-Горский. [Б. м.], [после 1904].

Elektricheskaya zh. d. Bakhchisaray – Yalta: glavnyy vokzal goroda Yalty / fot. S. M. Prokudin-Gorskiy. [B.m.], [posle 1904].

42. Крым: Ялта: на пристани: feldpostkarte. [Б.м.], [после 1904]. [аннот. об. стор. на рус. и нем. языках].

43. Krym: Yalta: na pristani: feldpostkarte. [B.m.], [posle 1904]. [annot. ob. stor. na rus. i nem. yazykakh].

Yashnyy D. V. Pre-Soviet illustrated postcards Crimea as a source for the study of historical and cultural heritage, from the attribution to the «reading».

The article is devoted to problems of attribution pre-Soviet postcards dedicated to the Crimea, and «reading», photographed images of historical and cultural monuments. In addition to external attribution Letterhead we examine the incentives of each of the participants of the «golden age of postcards» and factors influencing the mass buyer preferences, publishers and photographers.

Keywords: pictorial card, Crimea, «visual turn», attribution, visual image.

Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4. 2016 г. С. 175–183.

А. А. Непомнящий

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ КРЫМОВЕДОВ В КОКТЕБЕЛЕ, 25–29 СЕНТЯБРЯ 2016 Г.

С 25 по 29 сентября 2016 года в пгт Коктебеле (городской округ Феодосия) проходила Международная научно-практическая конференция «Источниковедение и историография истории Крыма (XV–XX вв.): проблемы и перспективы». Инициатором и организатором ее проведения стала кафедра исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В организационный комитет вошли профессор А. А. Непомнящий (заведующий кафедрой – председатель); А. И. Раздорский – к. и. н., ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и А. В. Хливнюк – к. и. н., директор Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Научно-исследовательский центр крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым» – сопредседатели. Члены оргкомитета: Герцен А. Г. – к. и. н., заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, декан исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; Якубова Т. А. – к. и. н., научный сотрудник Национальной библиотеки имени В. И. Вернадского (г. Киев, Украина); Тезджан М. – доктор исторических наук, профессор, Университет Улудаг (Бурса, Турция); Кондратюк Г. Н. – д. и. н., доцент Крымского инженерно-педагогического университета; Калиновский В. В. – к. и. н., старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Необходимость проведения такой конференции уже не один год была очевидной в среде крымоведов. Мы до сих пор не располагаем систематизированным источниковым сводом по различным периодам истории полуострова, тем более – аналитическим обзором такого корпуса документов. Сегодня значительный вклад в дело систематизации, перевода и анализа средневековых источников по истории полуострова вносят наши казанские коллеги (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан). В Крыму же в результате репрессий в отношении местной интеллигенции в 30-е годы XX века была полностью утрачена местная научная школа по изучению письменных арабских и тюркских средневековых памятников. После депортации народов из Крыма – немцев (1941), армян, болгар, крымских греков, крымских татар (1944) – на объективное изложение значительной части истории полуострова было наложено табу. История Крыма писалась даже не в искаженном, а в извращенном виде (П. Н. Надинский, И. С. Чирва). Не помогли восстановить правильную столбовую дорогу для крымской историографии ни создание в послевоенные годы Крымского филиала АН СССР, ни проведение в Симферополе в мае 1952 года Объединенной научной сессии Отделения истории и

философии АН СССР и Крымского филиала Академии. Это авторитетное собрание лишь продемонстрировало наличие разных подходов в историографии к определяющим сюжетам крымской истории, а также личных противоречий между крымоведами той эпохи. Созыв столь масштабного научного форума на полуострове (впервые после двух Всесоюзных конференций археологов в Керчи (1926 г.) и Херсонесе (1927 г.) подчеркнул значимость воссоздания прошлого Крыма в контексте общегосударственной истории СССР. Существовавшие в послевоенном СССР ограничения на историческую правду так и не привели к созданию объективного очерка крымской истории. А утраченные кадры расформированных еще в 20-х годах XX века кафедр крымоведческого направления местного вуза и научные школы-направления по изучению арабских и тюркских источников по истории Крыма до настоящего времени не получили полноценной замены.

Не менее актуальными и всегда востребованными оставались разработки по историографии крымской истории, истории крымоведения. В последние два десятилетия предприняты попытки воссоздания отдельных сюжетов крымской историографии и истории науки на полуострове (И. В. Тункина, А. А. Непомнящий, В. М. Зубарь). Давно назрела потребность в обобщающей работе по историографии крымской истории. Не потому ли появляются в последние годы, в том числе за пределами России, крымоведческие «труды», поражающие примитивизмом концептуального подхода и изобилующие фактологическими ошибками, а зачастую – просто подтасовками в угоду очередному политическому заказу? Настоящим апофеозом псевдонаучного подхода к проблеме создания хоть каких-нибудь сводов по историографии и источниковедению истории Крыма стала публикация в Симферополе двух томов «Историографии крымоведения» (2013) и «Источниковедения крымоведения» (2015) (В. Н. Пащеня), которые по общему числу сосредоточения в них лишенных здравого смысла положений равносильны псевдонаучной мистификации. Это еще раз показывает, что за создание трудов по историографии и источниковедению истории Крыма не может садиться историк, имеющий обыкновенную профессиональную подготовку. За такую сложную аналитическую работу могут браться лишь профессионалы с многолетним опытом разыскания и работы с источниками, анализа историографических пластов разных периодов.

Мало готовится сейчас и справочно-биобиблиографических изданий по крымской истории. Вышедшие с интервалом в 15 лет библиографические

справочники «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы» (А. А. Непомнящий), охватывающие российский период истории края (1783–1920 и 1921–1945 – в общей сложности 21 тысяча библиографических записей без учета рецензий и повторяющихся изданий), отдельные справочники, напечатанные в книжной серии «Биобиблиография крымоведения», не покрывают все возрастающий сегодня спрос на всестороннюю крымоведческую информацию. Особую ценность в этой связи имеет вовлечение в общий свод крымоведческих документов новых материалов, чем активно занимаются ученые из Москвы и Санкт-Петербурга (РГАДА и РНБ). Нельзя не заметить, насколько слабо в современных разработках местных историков привлекается архивный материал из центральных хранилищ. Крымские историки зачастую опираются на заезженные, частично утраченные, а порой лишь фрагментарно сохраненные после военных перипетий фонды Гос. архива Республики Крым. Это придает их работам не только налет провинциальности, но и, безусловно, свидетельствует о низком уровне знакомства с документами по проблеме в целом.

В силу изложенных выше причин задачей собравшихся на Международную научно-практическую конференцию «Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы» является популяризация в научном сообществе историков-крымоведов многочисленных наработок коллег из различных научных центров Российской Федерации (Бахчисарай, Екатеринбург, Казань, Москва, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Севастополь, Симферополь), Турции (Ардахан, Стамбул), Украины (Киев, Нежин), связанных с крымоведческим источниковедением и историографией.

Все пять дней работы научного форума были наполнены различными мероприятиями, которые иногда проводились параллельно. Круглые столы, пленарные заседания и дискуссии перемежались с

разнообразной экскурсионной программой, коллективным обсуждением докладов в кулуарах и специально отведенных для этого вечерних заседаниях «Клуба крымоведов». Организаторы избирательно подошли к приглашению гостей, которыми стали именитые доктора в области источников и историографии истории края из различных академических центров. В то же время никому из подавших заявки не было отказано в участии в программе конференции. Это позволило участникам выбирать мероприятия по научным интересам. Так, на отдельных площадках собралось до 70 участников, а некоторые заседания включали до 10 узких специалистов, которые могли дискутировать в формате одной проблемы.

Своей фундаментальностью и интересным фактологическим материалом выделялись доклады коллег-крымоведов из Санкт-Петербурга. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН Надежда Игоревна Платонова в докладе «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: семья, личность, архив» остановилась на неизвестных документах по истории крымоведения, связанных с крупнейшей фигурой памятникоохранительной работы на полуострове в 1920–1921 годах. Доктор исторических наук, профессор, заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского государственного университета Игорь Львович Тихонов проанализировал деятельность профессора Ф. А. Брауна как исследователя Крыма и Северного Причерноморья. Алиса Анатольевна Амосова – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета – раскрыла неизвестные страницы политических репрессий в крымском партийном аппарате конца 40-х – начала 50-х годов XX века. Алексей Игоревич Раздорский – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки – прочитал доклад «Печатные всеподданнейшие отчеты крымских губернаторов и

градоначальников (1884–1913)». Все названные доклады питерских специалистов вызвали многочисленные вопросы, и уважаемых ученых долго не отпускала неравнодушная аудитория.

Ученые гости из Москвы свои сообщения посвятили отдельным архивным комплексам, выявленным ими в последние годы в коллекциях столичных архивов.

Дмитрий Захарович Фельдман – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов – рассказал о документах РГАДА по истории крымских караимов XVIII–XIX вв. Доктор исторических наук, заместитель начальника отдела научной информации и публикации Российского государственного архива древних актов Татьяна Александровна Лаптева проанализировала документы по истории Крыма второй половины XIX – начала XX века в фонде Юсуповых в Российском государственном архиве древних актов. Научный сотрудник издательства «Русский мир» Татьяна Павловна Петерс поделилась опытом источниковедческого исследования на примере атрибуции «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу, 1818–1820». Совместно подготовленное содержательное сообщение доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Дмитрия Михайловича Володихина и аспирантки этого вуза, ведущего специалиста Российского государственного архива древних актов Анастасии Александровны Богомазовой посвящалось российскому морскому военачальнику Е. К. Крафту, чья деятельность была раскрыта в зеркале делопроизводства Черноморского флота П. Н. Врангеля и белой эмиграции.

С серией интересных источниковедческих докладов выступили коллеги из Казани. Кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии

Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета Марат Салаватович Гатин огласил доклад «Политика крымских ханов XVI века по отношению к странам Восточной Европы в трудах немецких историков». Тимур Фаритович Хайдаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан – проанализировал переводы латинских и арабских источников об эпидемии чумы в Крыму в 1346–1347 гг. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник этого же научного учреждения Булат Раимович Рахимзянов сделал новаторский доклад «Касимовское ханство как место взаимодействия Московского государства и Крымского ханства».

Не менее увлекательными и полезными были научные наработки коллег из других академических центров, представленные в Коктебеле. Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Андрей Васильевич Шаманаев (Екатеринбург) выступил с содержательным докладом «Проекты реконструкции средневекового храма на Херсонесском городище: архивные документы 70–90-х гг. XIX века». В научный оборот введены многочисленные документы из Научного архива Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета Максим Евгеньевич Шалак (Ростов-на-Дону) остановился на проблеме «Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII века».

Безусловный интерес вызывали выступления крымских ученых. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Элеонора Борисовна Петрова остановилась на проблеме «События Крымской войны в “Путешествии по Крыму: Южный берег” (1892 г.) Луи де Судака (Луи Алексиса Бертрена)». Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального

университета имени В. И. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий в докладе «Биоисториография в современном крымоведении: состояние, достижения, перспективы» проанализировал основные тенденции и перспективы изучения коллективных и индивидуальных биографий в крымоведческих исследованиях. С огромным интересом были выслушаны сообщения кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Алексея Дмитриевича Попова «Источники по истории экологического движения в Крыму в 80-е годы XX века: проблемы выявления и использования»; кандидата исторических наук, заведующей научно-архивным отделом Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» Татьяны Александровны Прохоровой «Крымский маршрут гран-туров по России в XVIII–XIX вв.»; кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Владимира Витальевича Калиновского, который познакомил собравшихся со своими разработками по проблеме «Биографика таврических архиепископов: к вопросу об источниках и историографии». Преподаватель кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Александр Сергеевич Кравчук проанализировал информационную ценность письменных источников по истории российского государственного строительства в Таврической губернии первой половины XIX века. Кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» Денис Владимирович Яшный раскрыл источниковедческое значение досоветских видовых открыток для изучения историко-культурного наследия. Аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ведущий научный сотрудник Крымского центра этнокультурных исследований федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный республиканский центр русского фольклора» Андрей Алексеевич Кохан прочитал содержательный доклад «Архивно-следственные дела как источник по истории политического коллаборационизма в 1941–1944 г.». Юлия Тарасовна Лейбенсон – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского – прочитала сообщение «Варвары-философы

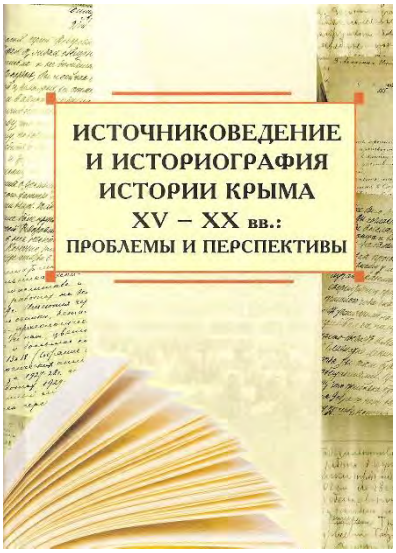
с окраины греческой ойкумены или эллинские мудрецы из скифского края: Бион Борисфенит и Сфер Боспорянин в историографии XIX–XX веков». Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» Эльвина Изетовна Сеитова проанализировала данные переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе как ключевого источника по изучению народонаселения региона. Кандидат исторических наук, доцент, заведующий этой же кафедрой Эмиль Исаевич Сейдалиев рассказал про золотоордынский Солхат-Крым в восточных средневековых письменных источниках. Аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Шукри Энверович Сейт-Маметов раскрыл аспекты изучения источников по истории Крымского ханства в архивах Турции.

На конференции было представлено также и более 20 стендовых докладов, ознакомиться с которыми можно было в электронном виде на специально подготовленных носителях. Работала и секция молодых историков, на которой маститые ученые из Санкт-Петербурга давали мастер-класс магистрам-историкам второго года обучения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Научный съезд в Коктебеле был насыщен и различными презентациями. Их целью было продемонстрировать коллегам из разных академических центров современные наработки крымских ученых. Серию презентаций открыл кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», заведующий Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан Эльдар Халилович Сейдаметов, который продемонстрировал результаты трехлетней работы Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, в частности остановился на подготовке периодического издания «Крымское историческое обозрение», которое насчитывает уже семь номеров. Мемориальный музей Исмаила Гаспринского, работающий в составе ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», и книгу «Периодические издания личной библиотеки Исмаила Гаспринского в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог» презентовали Эльмира Эбазеровна Абибуллаева, заведующая Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» и

Сельвина Алиевна Сеитмеметова, младший научный сотрудник этого учреждения. Презентацию книжной научной серии «Биобиблиография крымоведения», которая насчитывает 26 разноплановых выпусков, провел д. и. н., профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий. Он же представил научному собранию и занявший первое место в рейтинге посещений электронный ежегодник «Крымоведение: Пространство и Время Крыма». Презентацию авторских книжных серий «Крымские путешествия» и «Палитра времени» провела доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Элеонора Борисовна Петрова.

Для участников научного форума была предложена и насыщенная экскурсионная программа. В первый день работы участники посетили мемориальный дом-музей Максимилиана Волошина и совершили пешеходный подъем к могиле деятеля. Состоялась экскурсия в Феодосию с посещением основных памятников города и ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований», где замечательную экскурсию для приехавших ученых провел директор этого учреждения, кандидат исторических наук Виктор Васильевич Вахонеев. Отдельные поездки были предприняты для демонстрации гостям форума памятников Старого Крыма: древнего Солхата, монастыря Сурб-Хач и Судака.



К началу работы научной конференции был опубликован сборник докладов ее участников.

Безусловно, опыт проведения подобных крупных научных мероприятий полезен. Это расширяет формат научных контактов, кругозор специалистов, работающих в узком поле источников отдельного периода или широчайшем пространстве историографии. Неформальное общение, которое стало возможным на данном научном мероприятии, надеемся, будет способствовать дальнейшему развитию научных контактов в среде крымоведов различных регионов и стран.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Петрова Элеонора Борисовна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь).
Попов Алексей Дмитриевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Почекаев Роман Юлианович	кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Прохорова Татьяна Александровна	кандидат исторических наук, заведующая научно-архивным отделом Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”» (Севастополь, Российская Федерация).
Рустемов Олег Диляверович	научный сотрудник Ардаханского университета (Ардахан, Турция).
Сеитова Эльвина Изетовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь, Российская Федерация).
Сейдалиев Эмиль Исаевич	кандидат исторических наук, и.о. доцента, заведующий кафедрой истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь, Российская Федерация).

Сейт-Маметов Шукри Энверович	научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Симферополь, Российская Федерация).
Сень Дмитрий Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).
Фельдман Дмитрий Захарович	кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация).
Хайдаров Тимур Фаритович	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация).
Шалак Максим Евгеньевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).
Шаманаев Андрей Васильевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация).
Якубова Татьяна Анатольевна	кандидат исторических наук, научный сотрудник Национальной библиотеки имени В. И. Вернадского (Киев, Украина).
Яшный Денис Владимирович	кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Непомнящий А. А.

Развитие биоисториографии в современном крымоведении: основные теденции и перспективы 3

Петрова Э. Б.

События Крымской войны в «Путешествии по Крыму: Южный берег» (1892 г.) Луи де Судака (Луи Алексиса Бертрена) 20

Попов А. Д.

Советский турист за рубежом: миссия, иллюзии, открытия 34

Почекаев Р. Ю.

Нюансы посольского права в московско-крымских отношениях середины XVII в. 47

Прохорова Т. А.

Крымский маршрут гран-туров по России в XVIII–XIX вв. 53

Рустемов О. Д.

Лингвистическая составляющая в идентификации сословных титулов, званий, должностей населения Крымского Ханства по материалам судебных реестров судов Шариата XVII–XVIII вв. 63

Сеитова Э. И.

Перепись населения 2014 года в Крымском федеральном округе: основные итоги 80

Сейдалиев Э. И.

Золотоордынский Солхат-Крым в восточных средневековых письменных источниках 88

Сейт-Маметов Ш. Э.

История изучения источников по истории Крымского ханства в архивах Турции 97

Сень Д. В.

Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) 105

Фельдман Д. З.

Документы РГАДА по истории крымских караимов XVIII–XIX вв.: опыт архивного исследования 118

Хайдаров Т. Ф.

Латинские и арабские источники об эпидемии чумы в Крыму в 1346–1347 гг. 128

Шалак М. Е.

Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII вв. 133

Шаманаев А. В.

Проекты реконструкции средневекового храма на Херсонесском городище: архивные документы 1870–1890-х гг.....140

Якубова Т. А.

Турция, Крым, крепость Очаков в материалах Архива А. Е. Крымского.....151

Яшный Д. В.

Досоветские видовые открытки Крыма как источник по изучению историко-культурного наследия: от атрибуции к «прочтению».....161

Непомнящий А. А.

Международный форум крымоведов в Коктебеле, 25–29 сентября 2016 г.:..... 175

Сведения об авторах 184